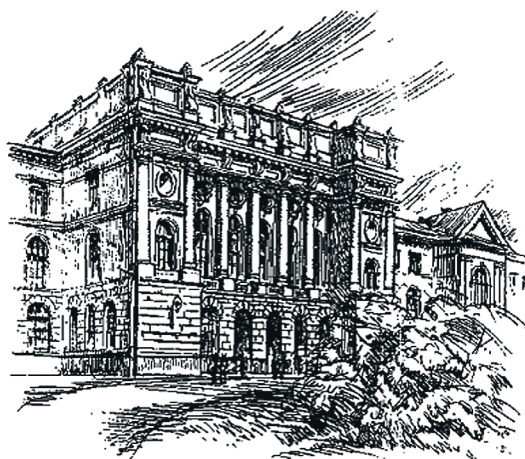

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

4 (184) 2013

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2013

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Акопова М.А., д-р пед. наук, профессор;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор – председатель;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Горюнов В.П., д-р филос. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Пылин В.В., д-р юр. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор;
Шитунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – отв. секретарь.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

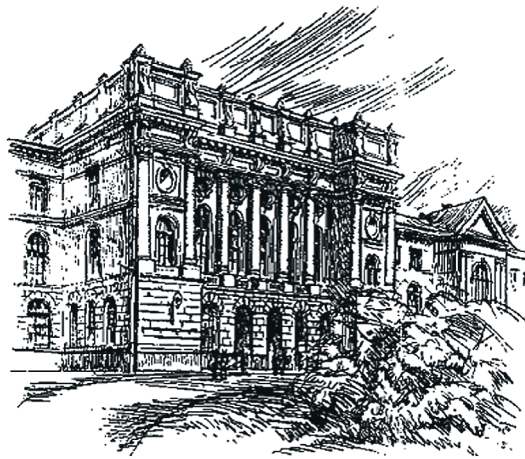
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.
Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL

Humanities
and Social Sciences

4 (184) 2013

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2013

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Akopova M.A., D.Ed., prof.;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof., head of the editorial board;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Goryunov V.P., D.Phil., prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Pylin V.V., J.S.D., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., executive secretary.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: 195251 Politekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

© St. Petersburg State Polytechnical University, 2013

Содержание

Запесоцкий А.С. <i>Россия между Востоком и Западом: новый контекст старой дискуссии (К вопросу о современной теории и практике евразийства)</i>	9
Сыроежина Ю.И. <i>А.Н. Крылов как организатор системы отечественной высшей инженерно-технической школы и управления индустриальным развитием страны (К 150-летию со дня рождения)</i>	18

Проблемы XXI века

Половинкин В.А. <i>Роль полиции в становлении и развитии гражданского общества современной России</i>	32
Бодрунова С.С. <i>Имидж государства – критерий прикладной оценки политической кондициональности</i>	38
Чистякова Л.А. <i>Трудовые ценности молодежи с опытом первичного трудоустройства про-моутером</i>	43

Правовые аспекты государственного управления

Марутян Р.Р. <i>Правовая институционализация научно-экспертного сопровождения государственного управления в сфере национальной безопасности</i>	48
Грибова Е.В., Сергеева А.Н. <i>Правовые аспекты концессионных соглашений</i>	54

Профессиональное образование

Акопова М.А., Шишигина О.С. <i>Разработка и применение методики обучения англоязычной научной речи в технических университетах</i>	59
Кругликов В.Н. <i>Интерактивное обучение в высшей школе: проблемы и перспективы</i>	66
Онищенко Э.В., Бакашова Ю.О. <i>Особенности профессиональной самооценки студентов медицинских колледжей</i>	73
Акопова М.А., Кукушкина М.Д. <i>Научное общение на иностранном языке – важнейшая составляющая профессиональной подготовки выпускника технического вуза</i>	79
Баранова Т.А., Ольховик Н.Г. <i>Принципы диагностики уровня сформированности речевой конфликтологической компетенции</i>	85
Соснина М.Н. <i>Технология управления качеством иноязычного обучения в неязыковом вузе</i>	91
Руснак Е.В., Валиева Ф.И. <i>Особенности использования копинг-стратегий в образовательной среде</i>	98

Вопросы психологии

- Федотенко И.Л., Сергеева А.В., Малий Д.В.** Подготовка студентов к проектированию психологически безопасной образовательной среды: технологический аспект 105
- Водопьянова Н.Е., Густелева А.Н., Родионова Е.А., Ихия А.** Сравнительный анализ кросскультурных различий профессионального выгорания у российских и арабских учителей, проживающих в Израиле..... 111

История российского социума

- Ульянова С.Б.** Гендерные отношения в советской промышленности (1920–1930-е годы)..... 119
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В.** Основные источники по истории преподавательской корпорации Санкт-Петербургского университета 1884–1917 гг. 127

Международные отношения

- Акопов А.К.** Политико-исторические концепции мирового порядка в теории международных отношений..... 134
- Матвеевская А.С., Погодин С.Н.** Международная коммуникация в концепции делового культурно-образовательного комплекса «Балтика» в Санкт-Петербурге 142
- Сергачев А.В.** Сокращение социальных расходов в Финляндии в контексте социального государства XXI века..... 150

Философские и культурологические исследования

- Малинов А.В.** На пути к этнософии 155
- Гогин А.В.** Космос, Земля, религия в перспективе развития современной техногенной цивилизации 163
- Ощепков А.А.** Особенности психосемантического пространства самосознания личности у молодежи, склонной к суицидальному поведению..... 168
- Денисков А.В.** Проектирование взаимодействий субъектов в информационном социуме и обществе знания..... 174

Теория искусства

- Лаптев В.В.** Инфографика: основные понятия и определения 180
- Федотова Р.А.** Понятие «литургическое пространство» в историографии и его связь с теорией искусства 188

Contents

Zapesotsky A.S. <i>Russia between the East and the West: a new context of old discussions (On the modern theory and practice of Eurasianism)</i>	9
Syroezhina Yu.I. <i>Alexei N. Krylov as organizer for the system of domestic engineering graduate school and direction of industrial development of State (Devoted to the 150th anniversary)</i>	18

Problems of XXIst century

Polovinkin V.A. <i>The role of the police in formation and development of civil society in modern Russia</i>	32
Bodrunova S.S. <i>State image as a criterion of applied assessment of the state's political conditionality</i>	38
Chistyakova L.A. <i>Labour values of youth with experience of primary employment as a promoter</i>	43

Legal aspects of state administration

Marutyan R.R. <i>The legal institutionalization of the scientific and expert support of public administration in the national security field</i>	48
Gribova E.V., Sergeeva A.N. <i>Legal aspects of concession agreements</i>	54

Professional education

Akopova M.A., Shishigina O.S. <i>Development and application of a new method to teaching foreign languages for scientific purposes at technical university</i>	59
Kruglikov V.N. <i>Interactive learning in higher education: problems and prospects</i>	66
Onishchenko E.V., Bakashova Ju.O. <i>Features professional self students of medical college</i>	73
Akopova M.A., Kukushkina M.D. <i>Academic communication as an essential part of the professional education of a technical university graduate</i>	79
Baranova T.A., Olkhovik N.G. <i>Principles of testing the level of verbal conflict competence</i>	85
Sosnina M.N. <i>Technology of managing the quality of modern language education in the non-language university</i>	91
Rusnack E.V., Valieva F.I. <i>The features of using coping strategies within educational environment</i>	98

Questions of psychology

Fedotenko I.L., Sergeeva A.V., Maly D.V. <i>Students' training for creating of psychologically safe educational environment: technological aspect</i>	105
Vodopianova N.Y., Gusteleva A.N., Rodionova E.A., Ihiya A. <i>Comparative analysis of crosscultural differences of professional burnout among Russian and Arab teachers</i>	111

Aspects of Russian society history

Ulyanova S.B. <i>Gender relationship in the soviet industry (1920's and 1930's)</i>	119
Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. <i>The main sources for the history of the academic community of St. Petersburg University from 1884 to 1917</i>	127

International relationships

Akopov A.K. <i>Political and historical concepts of world order in the international relations theory</i>	134
Matveevskaya A.S., Pogodin S.N. <i>International communication in business, cultural and educational conception of "Baltica" complex in Saint-Petersburg</i>	142
Sergachev A.V. <i>Social spending cuts in Finland in the context of social welfare state of the XXI century...</i>	150

Philosophical and cultural studies

Malinov A.V. <i>Towards ethnosophy</i>	155
Gogin A.V. <i>Cosmos, earth, religion in the long term development of modern industrial civilization</i>	163
Oschepkov A.A. <i>Features of social attitudes and value orientations of youths prone to suicidal behavior</i>	168
Deniskov A.V. <i>Interaction design of social subjects in information society and knowledge society</i>	174

Theory of art

Laptev V.V. <i>Infographics: basic concepts and definitions</i>	180
Fedotova R.A. <i>The concept "liturgicalspace" in the historiography and its relation to the theory of art</i>	188

УДК 304.5

А.С. Запесоцкий

**РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ:
НОВЫЙ КОНТЕКСТ СТАРОЙ ДИСКУССИИ
(К вопросу о современной теории и практике евразийства)**

Alexandr S. Zapesotsky

**RUSSIA BETWEEN THE EAST AND THE WEST:
A NEW CONTEXT OF OLD DISCUSSIONS
(On the modern theory and practice of Eurasianism)**

Аннотация

Рассматривается феномен Евразии в контексте глобализации, модернизации, фундаментальных изменений капитализма. Автор раскрывает основы концепции утверждения европейских ценностей на евразийском пространстве через евразийскую интеграцию. Предлагается сконцентрировать усилия философов, культурологов, этнологов и представителей других отраслей гуманитарного знания в выявлении возможностей синтеза евразийства и «западничества» при определении путей дальнейшего развития России.

Ключевые слова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ, ЕВРАЗИЙСТВО, «ЗАПАДНИЧЕСТВО», НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ, ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ.

Abstract

The phenomenon of Eurasia is viewed in the context of globalization, modernization and fundamental changes in capitalism. The author reveals basic concepts of establishing European values in Eurasia by means of the Eurasian integration. The article suggests accumulating efforts of philosophers, culture studies scholars, ethnologists and fellows of other branches of human knowledge in order to identify opportunities for the synthesis of Eurasianism and “Westernism” in determining the ways of Russia’s further development.

Keywords

GLOBALIZATION, REGIONAL INTEGRATION, THE EURASIAN UNION, EURASIANISM, “WESTERNIZATION”, NATIONAL CULTURAL IDENTITY, WESTERN VALUES.

Сегодня тематика евразийства имеет и теоретическое, и практическое значение. Она непосредственно сопряжена с ключевым для современной России вопросом: куда должен быть направлен и как выстроен вектор дальнейшего развития страны?

С одной стороны, все острее в нашем обществе звучит критика ультралиберальной идеологии чиновничества, заключающейся в слепом, бездумном копировании западных механизмов построения социально-экономической жизни, все очевиднее провал основанных на этой идеологии

логии реформ практически во всех сферах жизнедеятельности.

С другой стороны, процессы глобализации, мировая конкуренция не позволяют даже такой огромной стране, как Россия, действовать в одиночку, вынуждая искать союзников в многополярном мире.

В этой связи понятен курс руководства страны по реализации потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства с участием России, Казахстана и Белоруссии, с перспективами подключения Армении, Таджикистана, Киргизии, Украины и др. На данном этапе вопрос ставится о максимальной реализации свободы передвижения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы. Как справедливо отмечает В.В. Путин, *«региональная интеграция, а весь мир идет по этому пути, — наиболее действенное средство для максимальной реализации внутренних ресурсов роста, повышения конкурентоспособности на мировых рынках, и, безусловно, мы уже много раз об этом говорили, вместе мы сильнее, нам проще реагировать на глобальные вызовы»* [1]. Исходя из этих соображений, взят курс на строительство Евразийского союза.

Очевидно, что экономическая интеграция невозможна без укрепления ее культурных основ. Евразийский союз потребует унификации не только производственных стандартов, но и правовой базы, принципов управления и учета, образования, стандартов туризма и т. д. Создание нового колоссального рынка с более чем 165 млн потребителей — это создание и соответствующего культурного пространства. Путин призывает всех нас воспринимать данный интеграционный проект не как «верхушечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм». Особое преимущество в этом деле, по его мнению, — «мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы» [2]. В данном подходе отчетливо просматривается стремление использовать позитивный опыт строительства Евросоюза.

В этой связи нам стоит обратить внимание на то, что Евросоюз начинался 40 лет назад с Европейского объединения угля и стали. А сегодня он основан на общих подходах к жизни, общих принципах, идеях, ценностях.

Характерно, что, говоря о стратегическом планировании развития евразийской интегра-

ции, академик С.Ю. Глазьев отмечает необходимость общеприемлемой идеологии, определяющей видение общего будущего: *«Пока бушует глобальный кризис и свежи в памяти чудовищные экономические и социальные последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, роль этой идеологии выполняет простая идея выживания и объединения экономических потенциалов для повышения конкурентоспособности. В дальнейшем она должна развиваться, опираясь на общее духовное наследие народов и вбирая в себя современную парадигму устойчивого развития, цели повышения качества жизни граждан, принципы общей ответственности участвующих в процессе интеграции государств за будущее человечества»* [3]. Отсюда и вытекает постановка вопроса «о новой мировоззренческой модели».

Интересно, что выдающийся экономист Глазьев видит за понятием «европейский интеграционный процесс» продуманное философско-политическое направление: *«После распада Российской империи оно активно продвигалось нашими философами, которые вынуждены были эмигрировать, и целая серия работ, начиная с князя Трубецкого, была посвящена осмыслению того, что будет в постсоветскую эпоху. Общая идея заключалась в том, что будет евразийское объединение, отличное от Российской империи, базой которой было православие, и от СССР, который был основан на коммунистической идеологии. Отличие в том, что в евразийском процессе сохраняется все цивилизационное разнообразие при полном равенстве участников»* [4].

Конечно, вопрос о цивилизационном разнообразии требует анализа специалистами — представителями философии, культуро- и этнологии, других отраслей гуманитарного знания. Так сама жизнь, практические потребности страны возвращают нас к давнему спору между «славянофилами», евразийцами и «западниками».

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов давно занимается этой проблематикой в контексте поисков современных подходов к процессам диалога культур. В 2007 году в журнале «Москва» была опубликована наша статья: «Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве» [5], опереться на которую представляется уместным, учитывая нынешний интерес к проблематике евразийства. Если

Л.Н. Гумилев был, по его собственному определению, последним «евразийцем», то фигура Д.С. Лихачева сейчас устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным «западничеством».

В историко-культурном смысле два наших выдающихся земляка-гуманитария оказываются по разные стороны баррикад. Д.С. Лихачев писал: *«Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства. ...Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся»* [6, с. 358–359]. *«На самом же деле Россия — это никакая не Евразия. <...> Россия — несомненная Европа по религии и культуре»* [7, с. 384].

Не менее категоричен был и Л.Н. Гумилев, указывая на «восточный» (и конкретно на «монгольский», «ордынский») генезис российской культуры и государственности, «возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингисхана»: *«...Государи московские <...> положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. <...> Традиции Союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII веков, когда вся бывшая территория Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV века стало называться Россией»* [8, с. 315]. Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Гумилеву большей частью деструктивной: *«Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру и этническое своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси, Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла все: и культуру, и по-*

литическую независимость, и право на уважение» [Там же. С. 313].

Евразийство искало и нашло свой ответ на вопрос о пути России, и этот ответ не вписывался ни в западническую, ни в славянофильскую традиции. Главным тезисом этого направления было утверждение: *«Русские люди и люди „Российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты»* [9, с. 43]. Князь Н.С. Трубецкой (1890–1938) писал: *«Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией...»* [10, с. 17].

Итак, евразийцами еще до Гумилева была выработана особая позиция, выраженная в манифесте 1927 года, где говорилось: *«Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии»* [Там же]. Более того, усилия русской интеллигенции, пытавшейся в течение двух столетий ассоциировать себя с Европой, как утверждал Трубецкой еще в 1920 году («Европа и человечество» [11]), были одной из главных причин разразившейся в 1917 году катастрофы и гибели «старой» России.

Ссылаясь на почти «гипнотическое» воздействие мифа об общечеловеческом характере европейской цивилизации», Трубецкой призывал «избавиться от ненавистного ига романо-германцев» и осознать, что культура Запада лишь одна в ряду многих, совершенно равнозначных по своей ценности культур [12, с. 258]. Что же касается народов Евразии, то им, по мнению Трубецкого (создавшего так называемую теорию языковых союзов), присущ единый «туранский» психологический тип, объединяющий угро-финнов, тюркские, монгольские, манчжурские и самодийские народы с русской общностью черт национальных характеров.

С точки зрения Гумилева, подлинной проблемой для России были не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком «этническом состоянии» Россия на эти контакты выходила (и соответственно в каком «этническом состоянии» находится в это время как весь «европейский суперэтнос», так и конкретный объект контакта в частности).

Именно поэтому еще в те времена, когда концепция «общечеловеческих ценностей» разрабатывалась стараниями М.С. Горбачева и его соратников, Гумилев писал: *«Все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но не безобидны. <...> Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос <...> Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты <...> Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...»* [13, с. 189–190].

Правота Гумилева подтвердилась в наши дни судьбой перебежчиков – стран Балтии, вошедших в Евросоюз ценой потери не только суверенитета, но и новых поколений молодежи, почти целиком уехавших на Запад в поисках «лучшей жизни», а также ценой деградации культурного своеобразия, национальных культур.

Ясное понимание этнических «возможностей» народа в конкретный момент его исторического бытия, по мнению Л.Н. Гумилева, может позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадежной стадии этнической «обскурации», в момент распада этноса. Примером здесь является «гений Александра Невского», заслуга которого заключалась в том, что он «своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, „от зачатия до рождения”» [14, с. 544]. Ученый очень ярко описывает трагическую дилемму великого князя: с кем быть – с Ордой против Запада или наоборот?

Реальный смысл гумилевского евразийства для нас сегодня – в наличии у современной России политического выбора: с кем и как объединяться в современных условиях, условиях глобализации. А присущую историософии XVIII–XIX веков оценочность – будь то западноевропейское признание «отсталости» России или, напротив, славянофильское утверждение ее «преимущества» перед Западом – Гумилев «выносит за скобки» исследования проблемы как устаревшую.

Для Д.С. Лихачева Россия, безусловно, является частью Европы, ибо составляет с ней единую культурную систему. Обоснованному Гумилевым евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, безусловно, европейский, т. е. единый с европейскими народами, «русский культурогенезис», блестяще изложенный им в «Культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (ввиду особого значения данного фрагмента процитируем его полностью): *«XIV век – век Предвозрождения – является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. ...В России к XIV–XV векам относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV–XV веков выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства. Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие. Распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастают до широчайших размеров. Сложение элементов национальных культур по всей Европе тесно связано с культурными явлениями, предвещающими блестящую культуру Возрождения»* [15, с. 96–97].

Именно на таком понимании культурного единства России и Европы Лихачев и основывает свой вывод о России как о неотъемлемой части Европы: *«В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы – с Запада или с Юга. Характерно, что даже у „всечеловека” Пушкина мотивы из Гафиза*

или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии или Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) „потурченцев”, т. е. представителей коренного этноса, принявших ислам. <...> Для существования и развития настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культуросфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре <...> Европейская культура — культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской» [6, с. 360].

Опорой европейской культуры Лихачев считает христианство, и прежде всего потому, что оно внесло в европейскую культуру личностное начало. Ученый прямо ставит христианство нравственно выше всех остальных религий как единственную из них, «в которой Бог — личность» [16, с. 365], способная понимать и страдать. Второй аспект европейской культуры, утверждающий в глазах Лихачева ее превосходство, — универсализм, т. е. восприимчивость к другим культурам. И еще один «европейский принцип», на котором как на «всечеловеческом» настаивает академик Лихачев, — это принцип свободы, и прежде всего свободы внутренней, свободы творческого самовыражения личности. Здесь его позиция с позицией евразийцев расходится более всего, ибо евразийцы требовали ограничения личной свободы ради укрепления государства.

В итоге «европоцентрический» пафос Д.С. Лихачева оказывается, как мы видим, пафосом «культуроцентрическим», близким по духу даже таким критикам Запада, как «почвенник» Достоевский или, если обратиться к более позднему времени, А.А. Зиновьев: «Западно-европейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Эта культура сыграла беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Она аристократична и элитарна в

том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массу до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени» [17, с. 315]. Вряд ли кто-нибудь из евразийцев — от Н.С. Трубецкого до Л.Н. Гумилева — смог бы всерьез отрицать подобную характеристику.

В проевропейской позиции Д.С. Лихачева необходимо отметить и еще один очень существенный мотив, кажется, полностью проигнорированный как классическим евразийством 1920-х годов, так и евразийским модернизмом в лице Л.Н. Гумилева, — университетское образование. Хотя оно и было принесено в Европу арабами, именно здесь оно было развито и достигло невиданного взлета.

Таким образом, если «евразийство» Гумилева утверждает наличие у России политического выбора, то «западничество» Лихачева доказывает, что культурного выбора у нее нет. Это европейский выбор, он был сделан еще Древней Русью и не может быть изменен — как сущностный признак отечественной культуры.

Кто прав: Гумилев или Лихачев? Сегодня получается, что правы оба вместе. И ни один сам по себе.

Трудно сказать, насколько В.В. Путин стремился вникнуть в детали историко-культурного спора между западниками и евразийцами, но свой ответ по поводу этого спора он нашел, и весьма интересный: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенный едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». И далее: «Таким образом, вхождение в Евразийский союз... позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу» [2].

То есть Путин видит Большую Европу как мегаобразование, включающее в себя Евросоюз и Евразийский союз. И создание Большой Европы должно вестись в первую очередь через создание сильного Евразийского союза. Данный подход следует назвать новаторским, конструктивным и чрезвычайно перспективным с практической точки зрения.

Заметим, что В.В. Путиным предложена совсем иная концепция, чем, скажем, видение знаменитого американского культуролога

С. Хантингтона, отделявшего от Западной Европы Россию, Украину и Белоруссию в качестве особого «славянского» типа цивилизации.

Следует также сказать, что такое видение Европы встречает в настоящее время серьезный интерес в Евросоюзе, хотя и в пользу иных моделей построения Большой Европы сегодня работают многие влиятельные силы. Евросоюз в последние годы резко активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве как альтернативная сила, стремящаяся подчинить своему влиянию страны, возникшие на месте бывшего СССР, на основе их разделения, разжигания между ними конфронтации [18–20].

Как бы то ни было, представляется, что важной задачей отечественных гуманитарных наук становится теперь осмысление феномена Евразии в контексте современного знания. Специалисты в философии, культурологии, истории, этно- и политологии, религиоведении и других отраслях знания должны концентрировать усилия не на продолжении спора между евразийством и «западничеством», а на выявлении возможностей синтеза этих двух подходов в дальнейшем развитии России, движении ее вперед.

Сегодня мировое сообщество представляет собой качественно новый контекст для завершения старого спора. Принципиально важными факторами здесь являются глобализация, модернизация, фундаментальные изменения капитализма, происходящие по мере вступления человечества в шестой технологический уклад и развития информационного общества. Теория конвергенции торжествует даже в таком непримиримом, казалось бы, споре, как конфронтация между социализмом и капитализмом.

Предложенная В.В. Путиным концепция утверждения европейских ценностей на евразийском пространстве через евразийскую интеграцию имеет под собой фундаментальные основы. Дело в том, что в отличие от Евросоюза страны Евразийского экономического пространства еще не полностью завершили процесс модернизации – перехода от традиционалистского к техногенному обществу. Суть этого процесса хорошо описана академиком В.С. Степиным [21, с. 99].

В этой связи интересно присмотреться к опыту Республики Корея. Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однознач-

ной связи укрепления либеральных ценностей с прогрессом в экономике, экономический взлет этой страны не был связан с демократией, а произошел в условиях тоталитарного режима, военной диктатуры. И явился следствием разумной государственной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу.

Корейцы с начала 80-х годов XIX века создали два течения общественной жизни, похожие на российских «славянофилов» и «западников», – юсэн и кэхва. Приверженцы юсэн, разновидности конфуцианства, выступали против реформ. Они полагали, что исконная, традиционная культура Кореи выше всех на свете, что Запад лгетворен, что ни на шаг нельзя отступать в защите своей культуры от внешних влияний. Они боролись против сторонников кэхва – модернизации Кореи. Одни считали, что путь нации к величию лежит через развитие национальной экономики за счет национального капитала, но западным путем, другие требовали пробуждения национального самосознания за счет обращения к культурным корням.

Эпоха японского колониального господства (1910–1945) прервала эти споры. Придя к власти, первый президент страны Ли Сын Ман пообещал превратить Корею в плавильный тигель, где соединятся в единое целое учения Конфуция и Христа. Но столкнулся с трудностями определения ценностных ориентиров нации. С 1948 по 1960 год политика государства в области культуры была ориентирована на западные образцы, ускоренное приобщение к западной культуре. Был достигнут прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров – работников культуры, развитии различных профессиональных объединений интеллигенции и отработаны механизмы жесткого государственного контроля над всеми сторонами социально-экономической жизни. Вместе с тем имели место и негативные тенденции: в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, традиционная национальная культура стала приходить в упадок.

Пришедший к власти в 1960 году Пак Чжон Хи был убежден, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею только пройдя фильтры ее

собственного национально-культурного опыта. Он поставил решение экономических проблем на основу корейского исторического наследия, укрепляя национальную этику. «Линия Пак Чжон Хи» означала коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась эта линия методами диктатуры.

В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. С другой стороны, государство тогда же приняло ряд материальных и моральных мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Новое в жизни страны стало развиваться в разумном балансе с поддержкой фундаментальных традиционных ценностей общества.

Президент Чон Ду Хван, пришедший к руководству страной в 1979 году, продолжил эту линию. Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике: культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и др. — все это, помноженное на использование реальных технологических достижений Запада и экспортно ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея. Экономические успехи шли рука об руку с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране прошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, дальнейшему подъему творческой интеллигенции.

Не менее поучителен и опыт восприятия западных ценностей бывшими странами «восточного бока», растворившими свой суверенитет в коридорах брюссельской бюрократии. К примеру, страны Балтии стали зоной катастрофического падения промышленности, оттока рабочей силы, экономического и культурного упадка. В Евросоюзе им была уготовлена роль оккупированных стран.

В целом же «Запад» представляет собой очень необычную геополитическую конфигурацию послевоенного устройства. Строительство объединенной Европы произошло под военно-политическим контролем англосаксонского блока (США и Англии), где Англия играет роль младшего партнера. При этом культурное развитие Запада имеет два разнонаправленных тренда. Один из них — формирование общей культуры Евросоюза, другой — трансформация США и Евросоюза в направлении мультикультурализма. Влияние США на жизнь Европы медленно ослабевает, но весьма значительную роль в консолидации Запада продолжает играть НАТО. Данный военный блок — это публичный технический инструмент, нечто вроде «верхушки айсберга» могучей структуры отношений, обеспечивающей США контроль над Евросоюзом спустя без малого 70 лет после окончания Второй мировой войны.

Известно, что «Запад» как американский проект не предусматривает ни равноправия стран, входящих в Евросоюз, ни независимости Евросоюза. Эта конструкция содержит четыре «этажа». Наверху — Англия и США. Ниже — «старая Европа»: Франция, Германия, Италия и др. Еще ниже — новые члены Евросоюза, несмотря на видимые вливания из его бюджета, играющие в ряде отношений роль доноров. И, наконец, в самом низу, «в подвале» — зона стран за границей Евросоюза, в которой сознательно культивируется обстановка нестабильности. Так, как это происходит сегодня на Украине. Данная конструкция строится не на основе культурных сходств или различий, но с их учетом. Основа же — представление о мировой арене как о своего рода шахматной доске, где различные фигуры обладают своими свойствами и способны образовывать более или менее выгодные ключевым игрокам конфигурации.

В этой ситуации строительство Евразийского союза дает всем его членам уникальные возможности для сохранения своей национально-культурной самобытности и стремительного экономического подъема в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выступление В.В. Путина** на заседании Высшего евразийского экономического совета (24 октября 2013 г., Минск) [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19484>.
2. **Путин, В.В.** О Евразийском союзе [Электронный ресурс] / В.В. Путин // НАКАНУНЕ.RU. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/news/2011/10/4/22247934>.
3. **Глазьев, С.Ю.** О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции [Электронный ресурс]: науч. доклад / С.Ю. Глазьев. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemax-i-merax-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/3/>.
4. **Он же.** Драма ассоциации [Электронный ресурс]: интервью / С.Ю. Глазьев // Эксперт. – 2013. – № 45. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/11/8/drama-assotsiatsii/>.
5. **Запесоцкий, А.С.** Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве [Текст] / А.С. Запесоцкий. – Москва. – 2007. – № 1. – С. 203–213.
6. **Лихачев, Д.С.** Культура как целостная среда [Текст] / Д.С. Лихачев // Избр. тр. по рус. и мировой культуре. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. – С. 358–360.
7. **Он же.** О русской интеллигенции [Текст] / Д.С. Лихачев // Там же.
8. **Гумилев, Л.Н.** Бремя таланта [Текст] / Л.Н. Гумилев // Дар слов мне был обещан от природы: лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. – СПб.: Росток, 2004.
9. **Струве, Г.П.** Русская литература в изгнании [Текст] / Г.П. Струве. – Париж; М., 1996.
10. **Евразийская хроника** [Текст]. – Париж. – 1927. – Вып. 7.
11. **Трубецкой, Н.С.** История. Культура. Язык [Текст] / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – 799 с.
12. **Сто русских философов** [Текст]. – М.: Мирта, 1995.
13. **Гумилев, Л.Н.** Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2005.
14. **Он же.** Древняя Русь и Великая степь [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Terra, 2000.
15. **Лихачев, Д.С.** Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого [Текст] / Д.С. Лихачев // Избр. тр. по рус. и мировой культуре. – СПб., 2006.
16. **Он же.** Три основы европейской культуры и русский исторический опыт [Текст] / Д.С. Лихачев // Там же.
17. **Зиновьев, А.А.** Запад. Феномен западнизма [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995.
18. **Запесоцкий, А.С.** Постсоветское пространство как зона глобального противоборства [Текст] / А.С. Запесоцкий // Философия и социология культуры. – СПб.: Изд-во СПбГУП : Наука, 2011. – С. 521–529.
19. **Глазьев, С.Ю.** Без России Украина и ЕС не смогут найти компромисс [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев // Вести.Ru. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/videos?vid=557981>.
20. **Внутренние** и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа [Текст] // Аналит. зап. Науч.-координац. совета по междунар. исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2008. – Вып. 6.
21. **Степин, В.С.** Цивилизация и культура [Текст] / В.С. Степин. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. – 408 с.

REFERENCES

1. Vystuplenie V.V. Putina na zasedanii Vysshego evrazijskogo jekonomicheskogo soveta (24 oktjabrja 2013 g., Minsk). *Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt*. Access mode: <http://www.kremlin.ru/news/19484>. (rus.)
2. **Putin V.V.** O Evrazijskom sojuze. *NAKANUNE.RU*. Access mode: <http://www.nakanune.ru/news/2011/10/4/22247934>. (rus.)
3. **Glaz'ev S.Ju.** O celjah, problemah i merah gosudarstvennoj politiki razvitija i integracii: nauch. doklad. Access mode: <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemax-i-merax-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/3/>. (rus.)
4. **Idem.** Drama asociacii: interv'ju. *Jekspert*, 2013, № 45. Access mode: <http://expert.ru/2013/11/8/drama-assotsiatsii/>. (rus.)
5. **Zapesockij A.S.** Lihachev i Gumilev: spor o evrazijs'tve. Moscow, 2007, nr 1, pp. 203–213. (rus.)
6. **Lihachev D.S.** Kul'tura kak celostnaja sreda. *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoj kul'ture*. St. Petersburg, Publ. SPbGUP, 2006. Pp. 358–360. (rus.)
7. **Idem.** O russkoj intelligencii. *Ibidem*. (rus.)
8. **Gumilev L.N.** Bremja talanta. *Dar slov mne byl obeshhan ot prirody: lit. nasledie. Stihi. Dramy. Pervody. Proza*. St. Petersburg, Rostok, 2004. (rus.)
9. **Struve G.P.** Russkaja literatura v izgnanii. Paris; Moscow, 1996. (rus.)
10. Evrazijskaja hronika. Paris, 1927, vyp. 7. (rus.)
11. **Trubeckoj N.S.** Istorija. Kul'tura. Jazyk. Moscow, Progress, 1995. 799 p. (rus.)
12. Sto russkih filosofov. Moscow, Mirta, 1995. (rus.)
13. **Gumilev L.N.** Ritmy Evrazii: jepohi i civilizacii. Moscow, AСТ, 2005. (rus.)
14. **Idem.** Drevnjaja Rus' i Velikaja step'. Moscow, Terra, 2000. (rus.)

15. **Lihachev D.S.** Kul'tura Rusi vremen Andreja Rubleva i Epifanija Premudrogo. *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoj kul'ture*. (rus.)

16. **Idem.** Tri osnovy evropejskoj kul'tury i russkij istoričeskij opyt. *Ibidem*. (rus.)

17. **Zinov'ev A.A.** Zapad. Fenomen zapadnizma. Moscow, Centrpoligraf, 1995. (rus.)

18. **Zapesockij A.S.** Postsovetskoe prostranstvo kak zona global'nogo protivoborstva. *Filosofija i sociologija kul'tury*. St. Petersburg, Publ. SPbGUP, Nauka, 2011. Pp. 521–529. (rus.)

19. **Glaz'ev S.Ju.** Bez Rossii Ukraina i ES ne smogut najti kompromiss. *Vesti.Ru*. Access mode: <http://www.vesti.ru/videos?vid=557981>. (rus.)

20. Vnutrennie i vneshnie faktory v dinamike sovremennogo razvitija Kavkaza. *Analit. zap. Nauch.-koordinac. sojeta po mezhdunar. issledovanijam MGIMO (U) MID Rossii*, 2008, vyp. 6. (rus.)

21. **Stepin V.S.** Civilizacija i kul'tura. St. Petersburg, Publ. SPbGUP, 2011. 408 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич – ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов; доктор культурологии, профессор, член-корреспондент РАН, действительный член РАО.

Россия, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
info@gup.ru

ZAPESOTSKY Alexandr S. – *St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions*.

Fucik str., 15, St. Petersburg, 192238, Russia
info@gup.ru

УДК 007; 316.61; 316.42; 304.44

Ю.И. Сыроежина

**А.Н. КРЫЛОВ КАК ОРГАНИЗАТОР СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВЫСШЕЙ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
И УПРАВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ СТРАНЫ
(К 150-летию со дня рождения)**

Yuliya I. Syroezhina

**ALEXEI N. KRYLOV AS ORGANIZER FOR THE SYSTEM
OF DOMESTIC ENGINEERING GRADUATE SCHOOL
AND DIRECTION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF STATE
(Devoted to the 150th anniversary)**

Аннотация

В статье дан краткий обзор деятельности академика АН СССР Алексея Николаевича Крылова (1863–1945) – великого русского ученого и инженера. Особое внимание уделено выдающейся роли ученого в создании Петербургского политехнического института, а также в организации системы отечественного высшего инженерного образования (и развитии ее в советское время) и управления индустриальным развитием нашей страны в XX веке. Проведен анализ структуры личности великого ученого. Подчеркивается актуальность такого исследования в условиях построения эффективной системы управления в современной России.

Ключевые слова

ПРИНЦИПЫ ВЫСШЕЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ШКОЛЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ИНЖЕНЕРИИ, СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ, СИСТЕМНОСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ, ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ, МОДЕРНИЗАЦИЯ, ПАРАДИГМА «ИНЖЕНЕР КАК УПРАВЛЕНЕЦ», ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СИСТЕМА.

Abstract

This article contains the short survey of activities of Academician Alexey N. Krylov (b. 1863 – d. 1945) who was a great Russian scientist and engineer. The special attention is paid to his distinguished role for foundation of St. Petersburg Polytechnical Institute as well as founding the system of higher engineering education of our country and its' promotion in the Soviet Union and the whole system of administration of industrial development of our country in the XXth century. In this connection the author develops the own analysis of personality structure of this great scientist. The topicality of such a study for promoting the effective system of administration in the today Russia is emphasized.

Keywords

PRINCIPLES FOR HIGHER ENGINEERS'SCHOOL, ORGANIZING OF SCIENTIFIC AND ENGINEERING ACTIVITIES, PERSONALITY STRUCTURE, MENTALITY OF NATION, SENSE OF SYSTEM, DIRECTION, INDUSTRIAL DEVELOPMENT, MODERNIZATION, PARADIGM OF "ENGINEER AS A DIRECTOR", RESPONSIBILITY FOR STATE, SYSTEM.

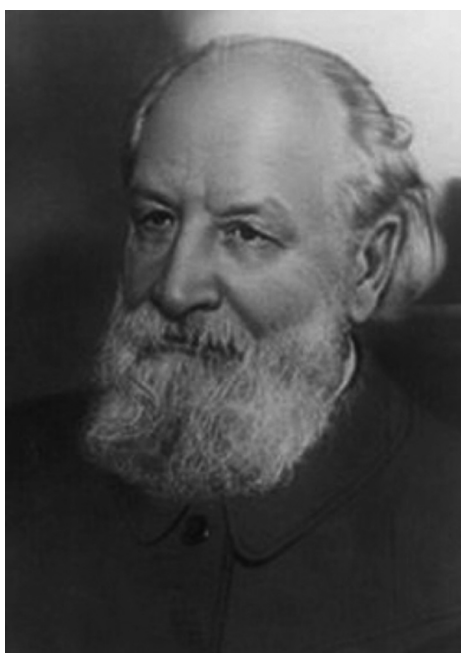
Алексей Николаевич Крылов, великий русский ученый и инженер-кораблестроитель, родился 3 (15 по н. ст.) августа 1863 года в деревне Висяга Алатырского уезда Симбирской губернии (ныне – село Крылово Порецкого района в Чувашии). Летом этого года на родине ученого, а также в нашем городе был организован ряд торжеств и мероприятий, посвященных его 150-летию.

Многие имена и дела выдающихся деятелей нашего прошлого в истории отечественной науки становятся сегодня достоянием памяти все более узкого круга специалистов. Но Алексей Николаевич Крылов, ординарный академик Академии наук царской России и действительный член Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной (Сталинской) премии, занимает в ряду великих имен нашего Отечества совершенно особое место.

Научное и творческое наследие А.Н. Крылова – это более 500 различных работ в области теории и практики кораблестроения, математики, механики, баллистики, астрономии, физики, истории науки и техники, а также публицистики, которые составили 12-томное собрание сочинений ученого, вышедшее в свет в 1936–1956 годах. Его заслуги при жизни неоднократно получали высокое международное признание в виде почетного членства в ряде ведущих научно-технических обществ Европы. А на родине достижения ученого были отмечены 9 орденами высшего достоинства в дореволюционный период и 5 высокими советскими наградами, причем дважды – высшими: Звездой Героя Социалистического Труда и орденом Ленина.

К когорте великих, что в жизни бывает не часто, Алексей Николаевич Крылов был причислен уже своими современниками, как

в сталинском СССР, так и за его «железным занавесом». Г.М. Кржижановский, также академик АН СССР, но более известный как советский политический деятель, писал о Крылове: «...*Мощный гений этого человека, глубина и многогранность его знаний поистине исключительны. Научно-техническая деятельность А.Н. Крылова колоссальна. Она служит ярким доказательством неразрывной связи науки и техники. Математика, механика, физика, астрономия и корабельные науки были его родной стихией. Не было в области техники такого вопроса, на который он не мог бы дать исчерпывающего ответа. Жизнь А.Н. Крылова показывает, каких вершин науки можно достигнуть, служа своему народу*» [7].

Академик А.Н. Крылов
(1863–1945)

А посол Великобритании в СССР А. Керр в 1942 году, после избрания Крылова почетным членом Английского общества корабельных инженеров, отметил: «...*Высказывая сегодня наше уважение академику Крылову, мы тем самым платим дань созидательному духу русских инженеров-кораблестроителей... Академик Крылов, как многие*

его знаменитые соотечественники во главе с самим Петром и Ломоносовым, является живым примером многостороннего гения» [1, с. 801].

Сложно переоценить значение деятельности академика А.Н. Крылова для развития отечественной и мировой науки. Многие его идеи и работы в области методологии и технологий ряда направлений инженерной деятельности определили их развитие на век вперед и сохраняют свою актуальность. Целый ряд научно-инженерных достижений ученого сопровождаются эпитетом «впервые в мире».

Основная специальность А.Н. Крылова – инженер-кораблестроитель. Он является одним из выдающихся деятелей в истории Военно-морского флота России и отечественного

судостроения. Таким было базовое образование Алексея Николаевича: он окончил Морское училище (1884) и кораблестроительное отделение Морской академии (1890). А современники неслучайно называли А.Н. Крылова «адмиралом корабельной науки».

Хорошо известен и неоднократно описан выдающийся вклад А.Н. Крылова в дело практического строительства флота, в саму организацию отечественного судостроения и в научно-технологическое обеспечение судостроения и военно-морских сил, как во времена царской России, так и в СССР [См., например: 2, 14, 19–21]. Он является признанным основоположником современной науки о корабле. Современная теория корабля (1890-е), теория вибрации корабля (1901), теория судоподъема (1916), принципы непотопляемости судна (1901) разработаны Крыловым впервые в мировой кораблестроительной науке.

Алексея Николаевича Крылова считают основоположником высшего кораблестроительного образования в России и одним из главных организаторов современной системы высшего образования военно-морских офицеров-инженеров у нас в стране. Изучение этой стороны деятельности великого ученого в условиях целого ряда проблем в развитии высшего инженерно-технического образования в современной России приобретает сегодня важное значение.

Особую, хотя и не самую продолжительную по времени, страницу в его выдающейся биографии представляет участие А.Н. Крылова, тогда еще только капитана по Адмиралтейству, в создании Петербургского политехнического института. В 1898 году, по пути в Россию после выступления в Лондоне в вышеупомянутом Обществе корабельных инженеров, он, сделав остановку в Германии, сумел ознакомиться с работой Королевского высшего технического училища в Берлине, или Шарлоттенбургского политехникума. Одним из отделов (совр.: факультетов. — Ю. С.) этого высшего учебного заведения являлся отдел кораблестроения и построения морских машин, где готовили инженеров-кораблестроителей. Необходимостью отдельной подготовки в России таких специалистов в высшем учебном заведении, которой на тот момент в нашей стране еще не существовало, были озабочены и некоторые прогрессивно мыслящие руководители флота и кораблестрое-

ния, например Н.Е. Кутейников — генерал-лейтенант, главный инспектор кораблестроения и председатель Морского технического комитета. Н.Е. Кутейников и А.Н. Крылов чрезвычайно ценили друг друга [17, с. 7–8]. Именно по поручению первого Крылов в 1898 году после устного отчета о своей командировке подготовил и специальную докладную записку с подробным описанием Шарлоттенбургского политехникума. Эта записка, как позднее напишет Алексей Николаевич в книге «Мои воспоминания», приобрела большое значение «ввиду тех последствий, которые она имела» [10, с. 114]. Кутейников передал записку Крылова для ознакомления управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову, также понимавшему важность перехода к отдельному и более массовому высшему образованию для кораблестроителей, поскольку в России в то время старались «развить торговое мореходство». Решение вопроса об открытии специального учебного заведения или факультета для подготовки таких специалистов вице-адмирал назвал «задачей государственной» [Там же. С. 119]. А решение задач государственного масштаба происходило в те годы преимущественно по инициативе и волеи тогда еще министра финансов С.Ю. Витте, чьему вниманию управляющий Морским министерством и посоветовал представить, говоря современным языком, информацию А.Н. Крылова. Так главным «последствием» служебной записки Крылова стало его активное участие в организации кораблестроительного, как тогда говорили, отдела Петербургского политехнического института. На его открытие и подготовку для этого соответствующих документов С.Ю. Витте 19 февраля 1899 года получил «высочайшее» согласие — устное утверждение императора.

Весной 1899 года Алексей Николаевич Крылов был приглашен на ряд заседаний Особой строительной комиссии под руководством товарища (совр.: заместителя. — Ю. С.) министра В.И. Ковалевского — главной организационной структуры по созданию Политехнического института, которая на первых порах занималась вопросами как непосредственно строительства зданий института, так и будущей организации учебного процесса. При этом создатели института справедливо усматривали между этими двумя процессами необходимую зависимость и

значимую взаимосвязь. К одному из названных заседаний А.Н. Крылов подготовил еще одну служебную записку – «Об организации кораблестроительного отдела Санкт-Петербургского политехнического института», которая стала, по существу, программой и, говоря современным языком, концепцией его работы на многие годы вперед.

В 1900 году А.Н. Крылов, Н.Е. Кутейников, а также целый ряд высших чинов Морского министерства и руководителей кораблестроения того времени вошли в состав особой «Комиссии по выработке положений о Политехническом институте в Санкт-Петербурге в составе отделений коммерческого, электротехнического, кораблестроительного и металлургического». Подкомиссию по подготовке необходимого пакета документов для кораблестроительного отделения возглавил Кутейников, но вскоре и он, и Крылов заявили об отказе от работы в этой структуре, так как их мнение о ненужности разделения подготовки инженеров-конструкторов на конструкторов по корпусу и машинам не совпадало с мнением большинства членов подкомиссии. После их заявления этого разделения так и не произошло.

В том же году Алексей Николаевич Крылов получил от назначенного первым директором института князя А.Г. Гагарина предложение стать деканом кораблестроительного отделения, но отказался от него, так как назначение на должность руководителя Опытного бассейна в то же время больше соответствовало целям деятельности ученого. При этом Крылов, по его собственным словам [10, с. 120], порекомендовал на должность декана К.П. Боклевского – главного корабельного инженера Петербургского порта, подполковника, человека в «высших сферах» тогда еще мало известного и молодого, что заставило ученого, что называется, лоббировать его назначение, используя уже наработанные к тому времени собственную известность и связи [17, с. 32]. В последующие годы организации и первые годы работы Политехнического института А.Н. Крылов взаимодействовал с его руководством и молодым деканом эпизодически, участвуя в том числе в работе собственно Особой строительной комиссии и оказывая иную консультативную поддержку. В 1906–1914 годах Алексей Николаевич читал на кораблестроительном отделении

авторский и первый в мировом кораблестроительном образовании курс вибрации корабля, будучи преподавателем «по найму», т. е., говоря на современном языке, «почасовиком».

Отдельно следует остановиться и на упомянутой выше служебной записке А.Н. Крылова, написанной в апреле 1899 года. Она была не только зачитана им на заседании Особой строительной комиссии, но и доложена Морскому техническому комитету, который ее одобрил [Там же. С. 201–211]. Текст записки действительно заслуживает определения концепции кораблестроительного образования, организованного тогда в России, так как этот документ, подготовленный ученым, согласно отдельным источникам [Там же. С. 13], всего за 3 дня, выявляет столь характерный для великого, но тогда еще молодого, ученого системный подход к любой проблеме, за решение которой он брался. Не будет преувеличением отметить, что предложенная в записке система подготовки кораблестроителей, на обособленности которой, даже в рамках самого института, он настаивал в те годы, обеспечила и обоснованную возможность создания в 1930 году на основании отделения Ленинградского кораблестроительного института.

Так, ученый сразу же указал тогда на необходимость организации обучения корабелов в зависимости от целей, которые ставятся перед будущим специалистом – конструирования корабля или собственно его технического строительства, а еще шире – от того, чем является современный корабль и какие проблемы следует решать при конструировании проекта или его строительстве. Крылов настаивал на необходимости обширной физико-математической подготовки в связи с поставленными целями прежде всего инженеров-конструкторов, изложил некоторые общие принципы обучения инженера в вузе, а именно доказывал необходимость построения обучения по принципу «от простого к сложному», строгого соответствия между объемом теории и практики, специальных предметов и математической подготовки.

Изложены в этой программе работы отделения и организационные принципы высшего инженерного образования, которые практически весь прошлый век считались для него неоспоримыми. Именно в этой своей работе А.Н. Крылов впервые сказал об обязательно-

сти ежегодной производственной практики для подготовки инженеров-кораблестроителей. Отдельную и особую роль он отвел и вузовским лабораториям, на базе которых должна осуществляться постоянная связь между обучением и промышленным производством. Не обойдена здесь детальным вниманием и, как бы мы сегодня сказали, материально-техническая база обучения, вплоть до необходимого количества аудиторий и их конкретного вида для каждого курса отделения по старшинству и в зависимости от решаемых этих курсом учебных задач. В этом же, по существу нормативном для будущих поколений инженеров-кораблестроителей, документе будущий академик указал на необходимость обучения методологии их будущей работы – усвоение научных принципов подхода к практике в отличие от механического запоминания и накопления информации, так как иначе из *«питомцев (школы. – Ю. С.) получатся не инженеры, а бессознательные подражатели покет-буков»* [17, с. 204]. В этой связи ученый настаивал и на значимости диплома как сугубо самостоятельной работы уже почти сложившегося специалиста, на которую в процессе обучения предложил отвести целый год. Здесь же А.Н. Крыловым заявлен и принцип, обобщенно говоря, преемственности и историзма в обучении инженера – он настаивал на необходимости собирания архива чертежей всех уже проектировавшихся прежде кораблей, а также находившихся на тот момент в постройке на заводах. Все эти **принципы высшей инженерной школы, впервые изложенные ученым при организации Политехнического института**, он развил и обобщил в отдельной работе уже в советские годы.

В 1919–1920 годах Алексей Николаевич Крылов, будучи назначенным уже новой государственной властью начальником Военно-морской академии, явился инициатором и организатором принципиальной перестройки всего учебного процесса в этом главном высшем учебном заведении военно-морского инженерного образования в стране. По его инициативе в академии был открыт тогда новый отдел оружия, обновлены учебные программы и курсы уже существовавших до этого отделений, вскоре переименованных в факультеты.

Собственную педагогическую деятельность А.Н. Крылов считал необходимой составляющей научной работы, так как первая, по его мне-

нию, способствовала *«постоянному обновлению познаний по избранной специальности и соприкасающимся с нею предметам»* [См.: 2, с. 48]. Начав свою педагогическую деятельность в 1891 году с чтения лекций по теории корабля в стенах Морской академии, ученый не оставил эту деятельность и в послереволюционные годы. В разные периоды до 1917 года А.Н. Крылов читал курсы лекций по основным разделам теории корабля, им разработанным, а также по основным разделам математических методов для инженеров, математической физике и теоретической механике студентам кораблестроительного отделения Политехнического института, Петербургского института инженеров путей сообщения, Петроградского университета, некоторых частных вузов, существовавших в тот период. Он являлся заслуженным профессором Морской академии и экстраординарным профессором Петербургского института инженеров путей сообщения.

В 1930-е годы А.Н. Крылов сосредоточил свои усилия преимущественно на научно-организационной деятельности. И в это же время он прочитал не только специальные курсы лекций по различным научным направлениям своего авторства для кораблестроителей, но и ряд публичных лекций общеметодологического характера. А в 1943 году увидела свет книга академика А.Н. Крылова *«Мысли и материалы о преподавании механики в высших технических учебных заведениях СССР»*, где ученый обобщил свой полувековой опыт преподавания, прежде всего математики и механики, адаптированных для овладения инженерными специальностями. В ней ученый изложил и те основные принципы обучения инженера в высшей школе, о которых говорилось выше, дополнив и обобщив их, а именно: сочетание ясности и простоты со строгой научностью преподаваемого предмета, адекватное соотношение объема знаний по преподаваемому предмету с возможностью его будущего применения в практической деятельности, обязательное соблюдение принципа историзма в изложении преподаваемой дисциплины. Главной задачей высшей технической школы великий ученый тогда еще раз назвал формирование у будущего инженера способности учиться в последующей собственной практической деятельности – *«научить учиться»* [Там же. С. 58].

Значение работ А.Н. Крылова практически всегда выходило за пределы кораблестроения. Им сформулирован ряд общеметодологических принципов самой организации науки и инженерии у нас в стране, которые сохраняют свою актуальность.

Алексей Николаевич Крылов всегда являлся академиком-практиком. Многостороннее внедрение математических методов в кораблестроение и другие области инженерного дела — одна из главных черт его научного творчества. Глубокое знание высшей математики, физики и механики он рассматривал как обязательную составляющую профессиональной квалификации любого инженера. *«...Инженер должен владеть общими математическими методами, примененными к решению множества задач, тогда только он сможет решать действительно новые вопросы по своей специальности»*, — утверждал академик [11, с. 28]. Умение рассмотреть техническую проблему математически он считал также неотъемлемым качеством ученого, работающего в области техники.

В числе основных математических трудов, созданных ученым на рубеже веков, в начале его большого творческого пути, следует вспомнить фундаментальный труд «О приближенных вычислениях» (1907). Эта работа положила начало новому методологическому подходу к кораблестроительным и иным инженерным расчетам. *«...Явления резонанса, — писал Крылов, говоря о теории вибрации, — проявляются во всей природе, начиная от великого неравенства в движении Сатурна и Юпитера и кончая настройкой радио или дрожанием электрической лампочки оттого, что в соседней комнате работает швейная машинка. А раз это явление столь всеобщее, то всякий техник и инженер должен его знать, уметь его предвычислить, чтобы где надо его использовать, а где надо — избежать»* [7, с. 7–8, 14].

По мнению специалистов, фундаментальный труд А.Н. Крылова «Вибрация судов» (1936) — это классическое сочинение в области теории упругих колебаний и незаменимое руководство для инженеров, связанных с проблематикой данного направления.

Из работ А.Н. Крылова в области математической физики следует вспомнить, например, статью «О вынужденных колебаниях упругих призматических стержней» (1905), где он показал, что вынужденные колебания пред-

ставляют с точки зрения практического применения в железнодорожном строительстве, в кораблестроении и при строительстве мостов столь же большой интерес, как и свободные колебания в акустике. А вскоре ученый выступил и в роли технического эксперта при строительстве мостов в Петербурге. В 1911 году Городская исполнительная комиссия Петербурга выразила Крылову глубокую благодарность за ценные рекомендации по наводке первого арочного пролета строившегося тогда моста Императора Петра Великого. Уже в советское время, в 1933–1934 годах, академик А.Н. Крылов произвел расчеты по постановке кессона моста им. Володарского в Ленинграде, а также непосредственно руководил этой операцией [2, с. 79].

Проблема должного соотношения научных исследований и их практического использования обсуждалась А.Н. Крыловым неоднократно в различных трудах и в разные годы применительно к любой области его деятельности. *«...Цель науки, — писал Алексей Николаевич в 1934 году в статье «Теория и практика», — состоит в том, чтобы на основании изучения прошедшего и настоящего предвидеть будущее и на основании изучения существующего творить новое. Отсюда ясно, что наука должна состоять в объединении теории и практики, и все ее развитие должно быть основано на таком единении»* [13, с. 58]. И, например, в стенах Академии наук в 1920–1930-х годах не было более яркого сторонника организации кафедры прикладных наук, чем академик Крылов. При этом он считал, что работу академических кафедр по прикладным наукам следовало бы направлять не на изучение отдельных специальностей, а на развитие тех наук, которые устанавливают общие методы и способы решения проблем, выдвигаемых практикой и самой жизнью [10, с. 301–304].

Одним из наиболее ярких примеров, демонстрирующих отношение А.Н. Крылова к научному обеспечению практической деятельности в дореволюционные годы стало его руководство в 1900–1908 годах Опытным бассейном — специальным учреждением Морского министерства по испытанию моделей кораблей, которое было создано в 1890-е годы. В рапорте накануне своего назначения на должность Алексей Николаевич изложил, по существу, образцовую и комплексную научно-экспериментальную программу по созданию

корабля, базирующуюся на закономерностях фундаментальных наук. Ученый отмечал, что бассейн — это своеобразная обсерватория, предназначенная для наблюдения и изучения сопротивления воды, и поэтому результаты его работ должны безвозмездно предоставляться всем заинтересованным учреждениям и лицам, подобно тому, как это делают астрономические обсерватории [2, с. 48]. Бассейн являлся единственным в то время научно-исследовательским учреждением в кораблестроении. Методологии эксперимента и натуральных испытаний, разработанные А.Н. Крыловым, сделали закономерным организацию на базе этого учреждения сегодняшнего ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова — головного научно-исследовательского института судостроительной отрасли страны, который всегда обеспечивал отечественных корабелов самыми передовыми научно-техническими разработками.

Или другой пример. В 1921–1928 годах А.Н. Крылов был отправлен в длительную заграничную командировку, где ученому было доверено быть уполномоченным делегации по широкому спектру вопросов, но прежде всего по вопросам восстановления флота для Советской республики. Именно тогда им было продемонстрировано блистательное сочетание знаний выдающегося ученого-корабеля с экономической выгодой проекта: Крылову, как начальнику Морского отдела российской железнодорожной миссии в Берлине, была поручена закупка судов и приспособление их для перевозки 900 паровозов, приобретенных советским правительством в ряде европейских стран, и снова впервые в мировой практике эта задача была решена им таким образом, что паровозы на зафрахтованных по его указанию судах были перевезены в собранном виде. Это принесло Советской России столь необходимые ей тогда миллионы золотых рублей экономии [Там же. С. 141].

Вышеизложенное — это лишь некоторые вехи творческого пути академика А.Н. Крылова в ведущих областях его профессиональной деятельности.

Нельзя не вспомнить и ряд других фактов его биографии. Алексей Николаевич Крылов оставил по себе выдающуюся память как публицист, историк науки и переводчик. Его книга «Мои воспоминания», или «Воспоминания и

очерки» — одно из изданий (1949) вышло под таким названием, — выдержала 11 изданий, из них 4 прижизненных. И представляет собой великолепный образец мемуарной литературы. Академик Крылов свободно владел несколькими современными европейскими языками, а также латинским языком. Его перевод фундаментального труда основоположника механики И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1914) стал событием в мире не только русской, но и мировой науки. К авторскому тексту объемом порядка 700 страниц А.Н. Крылов сделал тогда более 200 пояснений — от примечания в 2 строки до очерка объемом больше печатного листа. С древней латыни им был сделан также перевод труда выдающегося ученого XVIII века Л. Эйлера «Новая теория Луны» (1933). Сам переводчик объяснял необходимость довести содержание этой работы до современников тем, что в технике нередко приходится иметь дело с таким типом дифференциальных уравнений, которые использовал Эйлер при исследовании движения Луны [2, с. 108]. Перу Крылова принадлежат переводы трудов еще целого ряда классиков мировой науки, таких как Л. Лагранж, К. Гаусс и др.

Названные события и факты выдающегося жизненного пути А.Н. Крылова в большинстве своем хорошо известны специалистам и биографам академика и не раз подробно описаны. Однако их изложение даже в рамках данной статьи с необходимостью заставляет поставить и социально-психологический вопрос: **как могла сложиться такая личность?** Можно ли назвать ее основополагающие черты? Каким было мировоззрение этого человека? Что являлось движущей силой или мотивацией этой почти невозможной с современной точки зрения интенсивности и многосторонности свершений как в профессиональной деятельности, так и вне ее? А попытка комплексного ответа на эти вопросы — описательного определения таких черт в структуре его личности позволяет представить дополнительные и новые факторы актуальности исследования и освещения творческой биографии академика А.Н. Крылова для прогнозирования эффективного развития нашей страны в будущем.

Рассматривая становление личности А.Н. Крылова, следует прежде всего говорить

об интеллектуальных традициях семьи, из которой он вышел. Родство со знаменитым родом Ляпуновых — представителей передовой русской интеллигенции по линии матери, Софии Викторовны (урожденной Ляпуновой), и влияние отца, Николая Александровича, участника Крымской войны 1853–1856 годов, офицера артиллерии в отставке и вольнодумца, не могли не сказаться на формировании основ личности будущего великого ученого. Свою роль сыграло и полученное им военно-морское образование, которое в те годы, как и работа по флоту в целом, претерпевало период обновления вследствие поражения России в Крымской войне. При этом оно сохраняло лучшие черты российской классической гимназии и университета, которые, в свою очередь, во многом благодаря самому А.Н. Крылову, оказались привнесены впоследствии и в советское образование.

Изучая жизнь и деятельность А.Н. Крылова, приходится обращать внимание и на факторы, которые до сих пор не получили научного объяснения, наряду с рассмотрением влияния закономерностей истории на личность.

Одна из причин явления людей, подобных А.Н. Крылову, может основываться на мало изучаемых чертах национального менталитета — особенностях русского характера, определяемых описательно. Эти свойства, на которые влияют и факторы географии, всегда предполагали, например, стремление к масштабным проектам. В этой связи необходимо вспомнить о том, что Алексей Николаевич Крылов родился и вырос на Волге. Его первые детские впечатления были связаны, как это принято определять в некоторых социально-философских трудах, с «большой водой». Интересно отметить, что в работе, посвященной Цусимской трагедии 1905 года, А.Н. Крылов назвал одной из главных причин поражения то, что русский флот комплектовался жителями центральных губерний России, «многие из которых видели воду только в колодце» [12, с. 242–243]. Соотнеся место рождения великого ученого-корабеля с теоретическими взглядами одного из основателей отечественной школы политической географии и русской континентальной геополитики — В.П. Семенова-Тян-Шанского (сына известного путешественника), отметим специально: А.Н. Крылов родился в Средневожской земле, которая выступает одной из четырех

культурно-экономических баз, давших возможность русским твердо укрепиться до самых берегов четырех морей и за счет своей морской политики стать в ряды великих держав мира [3, с. 149–150].

Говоря об общеисторических закономерностях формирования личности и развития деятельности А.Н. Крылова, следует подчеркнуть, что он жил и творил именно в то время, когда его гений оказался максимально востребован: в предреволюционные и революционные годы, в эпоху кризиса государства и нового государственного строительства. Такие периоды всегда определялись в истории нашей страны в первую очередь модернизацией в истинном смысле слова — усиленным и ускоренным индустриальным ростом, одна из ведущих ролей в котором принадлежала кораблестроению.

Поэтому представляется закономерным, что Алексей Николаевич Крылов сразу и безоговорочно принял советскую власть и преданно работал во благо нового государства до последней минуты своей жизни. А ведь такое решение оказалось сопряжено для него и с личной драмой: двое его сыновей погибли на фронтах Гражданской войны, воюя в составе Белой армии. Сам он определил свою позицию по этому вопросу в 1941 году после получения Сталинской премии I степени (за труды по теории компаса) так: «*Сейчас* (т. е. в советское время при сравнении с дореволюционным. — Ю. С.) *ученый работает на народ; он решает задачи гигантского строительства, он создает новую промышленность, новую технику. Отсюда та страстность, с которой работают советские ученые. Впервые в нашей стране ученый стал подлинно государственным деятелем...*» [5, с. 537]. Распространенное современное общественное мнение припишет этому высказыванию великого ученого политическое подобоострастие или конъюнктурность. Но историческая эпоха индустриализации 1930-х годов действительно потребовала активнейшего участия людей науки в обновлении страны, и прагматично-охранительное отношение высших руководителей Советской страны В.И. Ленина и И.В. Сталина к высококвалифицированным специалистам — это известный исторический факт.

При этом свой **государственный патриотизм** А.Н. Крылов проявлял не раз и до 1917 года. Эта черта его личности ярко проявилась в до-

кладе морского министра И. Григоровича Государственной думе в 1912 году об ассигновании 500 млн рублей на строительство флота для реализации так называемых малой и большой судостроительных программ, подготовленном А.Н. Крыловым в должности генерала для особых поручений при министре. Средства были выделены. Текст этого доклада продемонстрировал уровень мышления уже не только выдающегося ученого и инженера, но и государственного деятеля, глубоко понимающего системообразующее значение судостроения и флота для национальной безопасности [10, с. 180–186]. Так, благодаря А.Н. Крылову началось возрождение российского флота после его фактической гибели в трагическом Цусимском сражении 1905 года. Характерна в этом смысле также и его служебная записка «Об аренде иностранцами русских заводов», поданная товарищу морского министра в 1910 году конфиденциально. Этот небольшой текст посвящен активно обсуждавшимся в то время вопросам о привлечении, говоря современным языком, иностранных инвестиций и иностранных фирм к выполнению гособоронзаказа — намеченных тогда отечественных судостроительных программ, а также о предпочтении для их выполнения частных заводов перед государственными, или «казенными», как их тогда называли. В записке генерал-майора А.Н. Крылова в жесткой ультимативной форме было сказано о неприемлемости как первого, так и второго направления действий, так как следование им отдавало «*во власть и под контроль иностранцев существенную часть государственной обороны*», а «*наличие хорошо оборудованных казенных заводов не дает возможности существующим синдикатам диктовать свои условия Морскому министерству...*» [5, с. 536]. Сказанное великим ученым более 100 лет назад звучит современно сегодня, когда разговор об иностранных инвестициях стал своего рода экономическим заклинанием, а другим таким же «заклинанием» стали рассуждения различного рода экспертов о государстве как неэффективном собственнике в судостроении и не только.

Вся деятельность А.Н. Крылова свидетельствует об уже упомянутом присущем его мышлению и собственно его личности особом свойстве **системности**, составляющими которой являлись: широчайшая эрудиция, видение мира

через призму различных наук в закономерном многообразии и комплексе связей, понимание причинно-следственной исторической обусловленности событий и явлений, в том числе в развитии самой науки, и безусловной необходимости прогнозного поведения во всех сферах жизнедеятельности человека и общества в целом, а также богатейший практический опыт.

Особым свойством этого системного подхода к действительности являлось, в свою очередь, его стратегическое мышление ученого. Целеполагание и планирование А.Н. Крылов считал строго необходимыми как для индивидуального научного творчества, так и для развития целых отраслей науки и производства. «*Научная работа только тогда может доставить определенный результат*, — писал он еще при назначении руководителем Опытного бассейна в 1899 году, — *когда производящий ее руководствуется определенной идеей или собственным убеждением*» [15, л. 4–7]. Прогнозное развитие на основании накопленного опыта Алексей Николаевич считал неперемennым условием успешного развития кораблестроения. «*Использование накопленного опыта*, — писал ученый семью годами позже, — *есть главный залог успеха во всяком деле... недостаток данных дает себя чувствовать самым коренным образом, как только приступят к обсуждению любого проекта. Главная этому причина — отсутствие единого плана, единой системы и определенно и точно намеченной цели...*» (выделено нами. — Ю. С.) [9, с. 242–243]. Сегодня и эти слова А.Н. Крылова звучат актуально. Понятие «планирование» в силу социально-политических причин, особенно в 1990-х годах, оказалось вытеснено как из словаря государственного управления, так и из самой его практики не только в сфере кораблестроения. Эволюционный ход развития целого ряда отраслей промышленности, являющихся жизнеобеспечивающими для национальной безопасности и развития государства в целом, оказался в значительной степени нарушен, что и привело здесь к сегодняшним государственным уровням проблемам, о чем, не уставая, говорят как политики, так и специалисты.

Нельзя не сказать и еще об одной важнейшей черте мировоззрения и личности А.Н. Крылова, которую можно было бы описательно определить как гуманизм или фактор нравственности. Алексей Николаевич Крылов

никогда не забывал, например, о том, что корабли ведут в поход люди. И боеспособность флота, его мощь зависят прежде всего от них и от того, какой идеей они при этом руководствуются. *«Нужны для флота и броненосцы, и большие и малые крейсера... и подводные лодки... А еще важнее люди и тот флаг, который вы поднимите и за который они должны сражаться. ...Каков флаг, таковы и люди»* (выделено нами. — Ю. С.), — писал ученый в очерке «Командировка за границу» [8, с. 226]. Но сегодня вопрос о необходимости разработки национально-государственной идеологии, соответствующей вызовам современности, не в последнюю очередь — в целях обеспечения должной национальной безопасности в самом широком смысле слова, неоднократно поставлен в повестку дня за последние годы заявлениями на самом высоком государственном уровне.

Такая **идея служения делу**, высокой его осмысленности, что очевидно из всего вышесказанного, была присуща прежде всего самому А.Н. Крылову. И эта черта его выдающейся личности служила одной из главных основ для еще одной его основополагающей черты, о которой, кажется, уже излишне говорить, — **высочайшего профессионализма** в любой области, в которой он работал.

Эти базовые черты выдающейся личности ученого — государственный патриотизм, системность мышления и самой личности, а также высочайший профессионализм — получили свое особое воплощение в деятельности, которая позволяет говорить о выдающемся вкладе А.Н. Крылова в историю нашей страны в целом. Это активнейшее участие **в управлении** системой взаимодействия науки, образования и производства — **научно-промышленным или индустриальным развитием страны**.

Такая деятельность стала для А.Н. Крылова, по существу, ведущей в советский период и осуществлялась им как в конкретных упомянутых выше административных должностях и при исполнении временных поручений советского правительства, так и при занятии целого ряда постов в сфере научно-общественной деятельности. Руководство важнейшими направлениями научно-промышленного развития страны и работой Академии наук осуществлялось Крыловым как в академии, так и вне ее во главе различных комиссий до и после

1917 года, например: в Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) (1915) или Комиссии по установлению поясного времени (1918), а позднее — во главе Физико-математического института АН СССР (1928) или в составе Экспертно-технического совета Главсевморпути (1933). Особой страницей управленческой биографии А.Н. Крылова стало руководство Всесоюзным научным инженерно-техническим обществом судоходства и судостроения (ВНИТОСС), являвшимся историческим предшественником современного Российского научно-технического общества судостроителей, носящего его имя. На посту председателя президиума правления он возглавлял эту организацию начиная с 1932 года и формально (по причине болезни и эвакуации в 1942 году) вплоть до своей кончины в 1945 году.

Именно на конец 1920-х и 1930-е годы пришлась реализация новых судостроительных программ СССР. Это были годы создания отечественного гражданского флота и возрождения практически с «нуля» военно-морского. И Ленинград, где работало ВНИТОСС, стал главным центром этой исторической значимости работы. Приоритетным направлением деятельности Общества под руководством А.Н. Крылова стало поэтому интенсивное и многостороннее укрепление научно-производственных связей в судостроительной промышленности. Научно-технологическое обеспечение развития судостроения посредством внедрения на производство самых передовых на тот период методов, постановка в повестку дня актуального и сегодня вопроса об экономической целесообразности как необходимой составляющей организации судостроения или любого проекта стали главным содержанием работы Общества на заводах, а также на его собственных мероприятиях в предвоенное десятилетие. Именно в эти годы, в том числе и в рамках данной организации, была создана также серьезная база для развития движения изобретателей и рационализаторов в СССР. Не останавливалась здесь и собственно научная работа, равно как и работа над вопросами оптимальной организации отраслевого образования [2, с. 153–154].

Опыт специалистов старого и только нарождавшегося нового поколения инженеров, а также квалифицированных рабочих, объединенных в научно-технические общества по от-

раслевному принципу, был особенно ценен ввиду особой проблемы кадрового голода в первые десятилетия существования Советского государства. Эти научно-общественные организации сыграли роль соорганизаторов советской индустриализации 1930-х годов — конкретного исторического воплощения радикальной модернизации народного хозяйства страны. Такие организации можно описательно определить как общественное «правительство специалистов», лозунг о котором стал одним из самых распространенных в ходе информационно-политической борьбы во время «перестройки» 1980-х годов. И Общество судостроителей — представителей системообразующей отрасли для хозяйства страны — под руководством академика А.Н. Крылова не могло не сыграть среди этих организаций одну из ведущих ролей для успеха индустриализации.

Следует вспомнить и о том, что профессия «инженер» в 1930-е годы, так же как и в будущие послевоенные годы, была почти в буквальном смысле слова почетным званием для миллионов юношей и девушек Советского Союза. Она была поставлена руководством страны на первое место в числе общественно востребованных. При этом получение универсального образования и активное приобщение к ценностям мировой культуры для всего народа было заявлено в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики. В этих социально-политических условиях деятельность А.Н. Крылова, целого ряда выдающихся ученых и специалистов прежней формации, в том числе и под его руководством, оказалась в ситуации, если можно так сказать, трансляции системы своих знаний и лучших черт личности на массовую аудиторию уже советского инженерного корпуса. Так, оказались сохранены и творчески переработаны в условиях XX века лучшие традиции русского инженерного дела и обеспечена преемственность в развитии ряда естественно-технических наук. В соответствии с логикой социально-экономического развития государства и принципами государственного управления именно эта крупнейшая социально-профессиональная группа советского общества — инженеры — стала главным кадровым резервом для формирования нескольких поколений управленцев всех уровней в нашей стране. Этот подход к формированию всей си-

стемы государственного управления последовательно осуществлялся руководством нашей страны, особенно выражено в ходе послевоенной истории, вплоть до «перестройки» конца 1980-х годов [18].

Так, работа А.Н. Крылова на руководящих научно-общественных постах, равно как и педагогическая деятельность, определила его роль как одного из наиболее выдающихся представителей и родоначальников **социально-экономической советской парадигмы «инженер как управленец»**.

К «школе» академика А.Н. Крылова специалисты относят академиков В.Л. Поздюнина и Ю.А. Шиманского, профессоров А.И. Балкашина, И.Г. Бубнова, В.Г. Власова, Г.Е. Павленко, П.Ф. Папковича., Н.Н. Матусевича и целый ряд других имен, прославивших отечественную науку и инженерию [2, с. 174—175]. Но в силу вышесказанного к «школе» А.Н. Крылова можно отнести и представителей управления разных уровней и нескольких поколений у нас в стране в кораблестроительной отрасли и не только в ней.

И определяющие черты личности великого ученого, попытка классификации которых сделана выше, просматриваются в качестве своего рода эталона личности руководителя, следование которому являлось нерегламентированным правилом для этой плеяды руководителей отечественной науки, промышленности и образования. Методология подхода А.Н. Крылова к организации инженерного труда, взаимодействию науки и промышленности определила основные черты стиля их деятельности [18].

Специалисты говорят в этом случае об особом рода государственной ответственности как базовом свойстве личности, характерном для того поколения руководителей производства и науки у нас в стране, которым общественное мнение через прессу постперестроечной России присвоило определение-слоган «красные директора». Системность мышления как отличительное свойство талантливого российского управленца и специалиста, которое до сих пор признается за рубежом отечественным «ноухау», не позволяла этим руководителям рассматривать ход развития той или иной отрасли производства вне контекста развития всей страны, как бы сложно ни складывалась ситуация в государстве и по отношению к самим

управленцам. И часто они отстаивали стратегически верные решения в противостоянии с представителями государства, поддерживая тем самым и его само. Специалисты говорят также в данной связи и о таком описательно определяемом свойстве личности, как «способность жить работой», — черте характера, присущей именно русскому национальному менталитету, которая не раз обуславливала в течение нашей новейшей истории высочайшие достижения во всех сферах жизнедеятельности страны, будучи характерной как для лидеров производства, так и для его рядовых участников, объединенных в производственные коллективы [18].

Говоря об этих представителях нескольких поколений руководства индустрией и наукой у нас в стране, нельзя не отметить и их универсальный профессионализм, когда директор был осведомлен, например, как в экономических проблемах предприятия, так и в конкретных технологиях производства. Он был сформирован в первую очередь системой советского высшего инженерного образования, в формировании которой, что очевидно из вышесказанного, Алексей Николаевич Крылов принял самое активное участие.

Но, с другой стороны, эта черта уже поддерживалась и развивалась системой достаточно жесткой государственной аттестации и контроля по мере продвижения инженера по так называемым лифтам «вертикали» управления. Такая система регулярно воспроизводила государственное правительство специалистов — структуру управления, при определении которой таким образом помещению в кавычки не требуется (сравни с перестроечным лозунгом выше). Практически все директора промышленных производств, прежде всего в сфере пресловутой «оборонки», в своем управленческом росте обязательно проходили должность главного инженера завода. А в отраслевое министерство или в тот или иной отраслевой отдел ЦК КПСС — орган, как известно, не только политического, но и макроэкономического управления, не попадал человек, не получивший до этого подготовку на одной из руководящих должностей на предприятии в отрасли. Многие из этих руководителей заслуженно продвигались и по «вертикали» повышения научной квалификации, становясь в ряде случаев академиками АН СССР, что причисляется специалистами также к на-

шим национальным феноменам инженерного труда и индустриального управления [Там же].

При этом задача организации жизнеспособной **системы** взаимодействия учреждений и промышленных производств с фундаментальными и отраслевыми науками, а также государственной нормативной базой, **соответствующей национальным интересам страны**, оказалась наиболее успешно решена именно на определенном этапе советской индустриальной истории. Такое заключение специалисты относят к развитию судостроения и ряда других высокотехнологических отраслей промышленности СССР, особенно в 1960–1980-е годы [Там же]. А реализация вышеназванной парадигмы «инженер как управленец» стала едва ли не главным фактором эффективного развития этой системы организации индустрии в нашей стране в XX веке, что позволило (и вряд ли сегодня можно с этим поспорить) вывести Советский Союз в прошлом веке в разряд мировых держав.

Высоко значимая роль А.Н. Крылова как одного из основателей этой системы очевидна, исходя из сказанного выше.

Специалисты утверждают также, что и в период социально-экономического кризиса 1990-х годов определенные принципы управления научно-производственной деятельностью, а также стандарт личности и управленческой деятельности руководителей науки и производства, заявленные и заданные А.Н. Крыловым еще в 1930-е годы, снова доказали свою прогностическую ценность, когда позволили вывести, например, целый ряд предприятий судостроительной отрасли на должный уровень конкурентоспособности в соответствии с мировыми требованиями [Там же]. Но сегодня последние представители и последователи «школы» академика А.Н. Крылова как в науке, так и в управлении постепенно оставляют свои командные посты.

Управление называют сейчас фактором первостепенной важности для любой успешно работающей экономической системы. При этом принятая в государстве за последние 20 лет в качестве приоритетной социально-экономическая парадигма «экономист как управленец» не раз демонстрировала свою спорность для реальной эффективности развития науки и производства, а также самого государства. О недостаточности такого подхода, даже о его

вреде для поступательного развития страны, и необходимости прежде всего профессионализма руководителей и подборе их кадров по вышеупомянутой советской системе заговорили сегодня даже такие поборники и проводники реформ 1990-х годов, как, например, известный предприниматель, медиа-магнат и нынешний сенатор С. Лисовский [16], и представитель высшего государственного руководства, как вице-премьер С. Иванов [4].

Основой истории любой страны всегда являлась ее научно-промышленная, индустриальная история. И эта история России продолжается сегодня в контексте целого ряда острых проблем. В условиях не раз заявленных руководством России за последнее время амбиций

на возвращение стране роли мировой державы и необходимости ее высокотехнологичного развития в этой связи социально-философский вопрос о роли личности в истории или личностном факторе управления снова становится актуальным. Системное изучение наследия академика А.Н. Крылова при особом рассмотрении методологии организации управления научно-промышленным развитием нашей страны, заявленной его деятельностью, в условиях такого исторически значимого социально-управленческого запроса, будучи оперативно применено к практике государственного строительства, может стать необходимой основой должного развития России по пути современной мировой державы, обеспечить ее могущество и расцвет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Академик А.Н. Крылов.** Воспоминания и очерки [Текст]. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. **Варганов, Ю.В.** А.Н. Крылов — ученый, педагог, инженер, общественный деятель [Текст] / Ю.В. Варганов. — 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Мор-Вест, 2006. — 216 с.
3. **Дугин, А.Г.** Геополитика [Текст]: учеб. пособие для вузов / А.Г. Дугин. — М.: Академ. проект : Гаудеамус, 2011. — 583 с.
4. **«Иванов выступил за возрождение кадровой политики СССР: лучшего все равно никто ничего не придумал»** [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/news/2013/11/13/22331173/>.
5. **Кормчие России.** Адмиралтейские верфи в трех веках: судьбы, эпохи, решения [Текст]. — СПб.: Мор-Вест, 2006. — 975 с.
6. **Кржижановский, Г.М.** Величие русской науки [Текст] / Г.М. Кржижановский // Новый мир. — 1949. — № 3.
7. **Крылов, А.Н.** Вибрация судов [Текст] / А.Н. Крылов. — Л.; М., 1936.
8. **Он же.** Воспоминания и очерки [Текст] / А.Н. Крылов. — М.: Воен. изд-во полит. литературы, 1949.
9. **Он же.** Записка полковника Крылова [Текст] / А.Н. Крылов // Собр. тр. акад. А.Н. Крылова. Т. I. Ч. 1. — М.; Л., 1950.
10. **Он же.** Мои воспоминания [Текст] / А.Н. Крылов. — 9-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Политехника, 2003. — 510 с.
11. **Он же.** Прикладная математика и техника [Текст] / А.Н. Крылов // Собр. тр. акад. А.Н. Крылова. Т. I. Ч. 2. — М.; Л., 1951.
12. **Он же.** Произошла «Цусима» — почему? [Текст] / А.Н. Крылов // Там же.
13. **Он же.** Теория и практика [Текст] / А.Н. Крылов // За социалист. науку. — 1934. — № 14.
14. **Липилин, В.Г.** Алексей Николаевич Крылов [Текст] / В.Г. Липилин. — М.: Молодая гвардия, 1983.
15. **РГА ВМФ.** Ф. 421. Оп. 1. Ед. хр. 1442.
16. **Сергей Лисовский:** Наши министры непрофессиональны, а мальчик Дворкович еще не созрел [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/18184>.
17. **Смелов, В.А.** История кораблестроительной школы в Политехническом [Текст] / В.А. Смелов. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. — 267 с.
18. **Сыроежина, Ю.И.** Наследие на столетия. Свержем курс. Герой России В. Александров — о юбилее великого ученого и корабеля [Текст] / Ю.И. Сыроежина // Санкт-Петерб. вед. — 2013. — 15 августа.
19. **Ханович, И.Г.** Академик Алексей Николаевич Крылов [Текст] / И.Г. Ханович. — Л.: Наука, 1967.
20. **Шерр, С.А.** Выдающийся русский кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов [Текст] / С.А. Шерр. — М.: Знание, 1953.
21. **Яновская, Ж.** Академик корабельных наук [Текст] / Ж. Яновская. — 3-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Изд-во ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова, 2001.

REFERENCES

1. Akademik A.N. Krylov. Vospominaniya i ocherki. Moscow, Publ. AN SSSR, 1956. (rus.)
2. **Varganov Yu.V.** A.N. Krylov – uchenyy, pedagog, inzhener, obshchestvennyy deyatel. 2-e izd., dop. i pererab. St. Petersburg, Mor-Vest, 2006. 216 p. (rus.)
3. **Dugin A.G.** Geopolitika. Uchebnoye posobiye dlya vuzov. Moscow, Akademicheskii proyekt, Gaudeamus, 2011. 583 p. (rus.)
4. Ivanov vystupil za vrozozhdeniye kadrovoy politiki SSSR: Luchshego vse ravno nikto nichego ne pridumal. Access mode: <http://www.nakanune.ru/news/2013/11/13/22331173/>. (rus.)
5. Kormchiye Rossii. Admiralteyskiye verfi v trekh vekakh: sudby, epokhi, resheniya. St. Petersburg, Mor-Vest, 2006. 975 p. (rus.)
6. **Krzhizhanovskiy G.M.** Velichiye russkoy nauki. *Novyy mir*, 1949, nr 3. (rus.)
7. **Krylov A.N.** Vibratsiya sudov. Leningrad, Moscow, 1936. (rus.)
8. **Idem.** Vospominaniya i ocherki. Moscow, Voennoye izdatelstvo politicheskoy literatury, 1949. (rus.)
9. **Idem.** Zapiska polkovnika Krylova. *Sobraniye trudov akademika A.N. Krylova*. T. I. Ch. 1. Moscow, Leningrad, 1950. (rus.)
10. **Idem.** Moi vospominaniya. 9-e izd., pererab. i dop. St. Petersburg, Politehnika, 2003. 510 p. (rus.)
11. **Idem.** Prikladnaya matematika i tekhnika. *Sobraniye trudov akademika A.N. Krylova*. T. I. Ch. 2. Moscow, Leningrad, 1951. (rus.)
12. **Idem.** Proizoshla “Tsusima” – pochemu? *Ibidem.* (rus.)
13. **Idem.** Teoriya i praktika. *Za sotsialisticheskuyu nauku*, 1934, nr 14. (rus.)
14. **Lipilin V.G.** Aleksey Nikolayevich Krylov. Moscow, Molodaya gvardiya, 1983. (rus.)
15. **RGA VMF.** F. 421. Op. 1. Yed. khr. 1442. (rus.)
16. Sergey Lisovskiy: Nashi ministry neprofessionalny, a malchik Dvorkovich yeshche ne sozrel. Access mode: <http://www.nakanune.ru/articles/18184>. (rus.)
17. **Smelov V.A.** Istoriya korablestroitelnoy shkoly v Politekhnikheskom. St. Petersburg, Publ. Polytechnical Univ., 2005. 267 p. (rus.)
18. **Syroezhina Yu.I.** Naslediye na stoletiya. Svernyayem kurs. Geroy Rossii V. Aleksandrov – o yubileye velikogo uchenogo i korabela. *Sankt-Peterburgskiy vedomosti*, 2013, 15 avgusta. (rus.)
19. **Khanovich I.G.** Akademik Aleksey Nikolayevich Krylov. Leningrad, Nauka, 1967. (rus.)
20. **Sherr S.A.** Vydayushchiysya russkiy korablestroitel Aleksey Nikolayevich Krylov. Moscow, Znaniye, 1953. (rus.)
21. **Yanovskaya Zh.** Akademik korabelnykh nauk. 3-e izd., pererab. i dop. St. Petersburg, Publ. TsNII im. akad. A.N. Krylova, 2001. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЫРОЕЖИНА Юлия Ивановна – *заведующий сектором историко-технического музея Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат психологических наук.*

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
yula1647@mail.wplus.net

SYROEZHINA Yuliya I. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
yula1647@mail.wplus.net

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 316.34

В.А. Половинкин

**РОЛЬ ПОЛИЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Valerii A. Polovinkin

**THE ROLE OF THE POLICE IN FORMATION AND DEVELOPMENT
OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA**

Аннотация

В статье обосновано положение, согласно которому в современном обществе роль полиции в формировании гражданского общества и его институтов приобретает качественно новые черты, а также установлены новые функции полиции и ее сотрудников как субъектов модернизации общественных отношений.

Ключевые слова

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ, МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦИИ И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Abstract

The following provision that in modern society the role of police acquires qualitatively new features in the formation of civil society and its institutions is substantiated, new functions of the police and the police as agents of modernization of public relations are installed.

Keywords

CIVIL SOCIETY, SOCIAL INSTITUTIONS, MECHANISMS OF SOCIAL CONTROL, COOPERATION BETWEEN POLICE FORCES AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS.

Особенностью современного периода, наряду с ростом эффективности производства, модернизацией производственно-технического и экономического потенциала предприятий, качественным изменением в жизни населения, является и то, что, пожалуй, впервые за многие десятилетия происходит попытка модернизации правоохранительных органов, в частности полиции, создания качественно новых условий ее взаимодействия с институтами гражданского общества. Критерием этого взаимодействия выступает социальная стабильность общества, а также социальный прогресс личности. Это, в свою очередь, обусловлено самой сутью суще-

ствования человеческого социума — приоритетностью развития человеческой личности. При этом возникает вполне очевидный вопрос о степени готовности взаимодействия полиции и институтов гражданского общества.

Достигается это открытостью и публичностью в работе, формированием системы общественного доверия и поддержки граждан, взаимодействием и сотрудничеством с государственными и муниципальными органами управления, общественными объединениями, организациями и гражданами.

Многокритериальность намечаемого взаимодействия полиции и институтов граждан-

ского общества обусловлена также и тем, что процесс модернизации общественных отношений может осуществляться на основе: достаточности экономических и человеческих ресурсов; гражданского согласия среди элит общества; социального контроля и упреждения государством острых социальных конфликтов; быстрого роста численности среднего класса; наличия признанной в обществе национальной идеи [2]. В.А. Ядов определил модернизацию как «процесс создания современных институтов и отношений, ценностей и норм», необходимых для изменения социального типа «базисной личности» [7, с. 14]. Одновременно он отмечает, что ни у одного из переживших успешную модернизацию народов не произошла полная смена их национальной идентичности.

По всей вероятности, подобное является одной из причин неразвитости институтов гражданского общества, под которыми, видимо, будет целесообразно понимать организованные объединения граждан, действия которых направлены на достижение целей и задач, стоящих как перед самими объединениями, так и перед отдельными гражданами.

Наличие социокультурного противоречия, которое артикулируется через серию разных форм, осложняет процесс институционализации социальных и политических практик. Незавершенность институционализации ощущается людьми как беспорядок и проявляется, в частности, в уровне социального доверия как важнейшей характеристики институциональной среды. Так, органам внутренних дел (полиции) в основном доверяют только 23,1 % граждан и в основном не доверяют 59 % при 17,9 % не определивших свою позицию [3, с. 56]. Причины подобных социальных оценок, видимо, может быть несколько, однако большинство исследователей согласны с выводом Р.В. Рывкиной, что «государство оказалось неспособным обеспечить нормальную работу институтов правопорядка, таких как милиция, судебная система, прокурорская служба, налоговая служба, таможенный контроль и т. п. Иными словами, оно не смогло в новых условиях сохранить тот социальный порядок, без которого невозможно не только нормальное развитие экономики, но и нормальная жизнь граждан» [4, с. 35–36].

По экспертным оценкам ряда социологов, психологов и политологов, процесс нарастания отчуждения населения от происходящих в стране экономической реформы и событий, связанных с ней, может привести не только к стагнации государственного управления, но и в конечном счете к утрате жизнеспособности государства.

М. Фридмен в этом контексте отмечал, что работающий институт государства – это не просто необходимый социальный институт государства, это не просто необходимый социальный институт рынка, но условие, без которого свободная экономика просто невозможна [6, с. 48].

В то же время законодательное оформление процессов взаимодействия полиции и институтов гражданского общества без определения соответствующего социального механизма создает не только своеобразную антикультурную среду, подрывающую социальный порядок, но и иллюзию радикальности предпринимаемых государством мер. Возникает вполне очевидный вопрос о социальном механизме преодоления подобной ситуации. По нашему мнению, ответом на этот вопрос может стать социальный механизм взаимодействия (коммуникации) полиции и институтов гражданского общества.

Если взять за основу положения О. Больного и Э. Мунье, социальный механизм взаимодействия есть не что иное, как общественный договор, в основу которого положен контракт, участники которого связаны и ограничены в своих действиях обоюдными обязательствами.

Социальный механизм взаимодействия полиции и институтов гражданского общества осуществляется в виде делового или общественного взаимодействия, признаками которого являются продуктивное сотрудничество, стремление к сближению целей, информационное обогащение взаимодействующих сторон, повышение взаимной социальной и правовой ответственности.

Институты гражданского общества – это по своей сути система обеспечения социокультурной, духовной, организационно-правовой сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения граждан. Они, по мнению Р. Вайнера, имеют целостную ценностно ориентированную структуру. Это, с одной стороны, реальное общество

по линии гражданских инициатив, новых социальных движений и иной «низовой активности подобного рода», а с другой – своего рода исходная база для реализации модели, в рамках которой «коллективная идентичность» будет сочетаться с «плюрализмом личных ценностей», а политическая и экономическая подсистемы будут контролироваться гражданским обществом [9, с. 17].

Очевидно, что такой сложный феномен, как гражданское общество, не может быть осмыслен, исходя только из описания социальных институтов, его образующих, или механизма их функционирования. Если рассматривать гражданское общество как особым образом структурированную сферу социума, как совокупность межличностных отношений и взаимодействий экономических, культурных, религиозных и других структур и институтов, существующих вне рамок государства и имеющих своей задачей защиту прав и свобод граждан от его диктата, то можно выделить относительно самостоятельные элементы данного социального феномена.

Культурные изменения (например, совершенствование законодательства) не успевают за развитием событий в социальной сфере – созданием новых организационных форм, систем управления и т. д. Еще в большей степени отстают от социальных инноваций личностные изменения, что влечет за собой усиление напряженности и конфликтности в обществе.

С основными определениями гражданского общества тесно связаны его функции. Выделяются и рассматриваются, по крайней мере, три основные функции: саморегуляция (гомеостазис), социальная интеграция, саморазвитие социальных субъектов гражданского общества [1, с. 31]. Гражданское общество способно к саморегуляции.

Социальная практика показывает, что в современном гражданском обществе в противоположность традиционному обществу складываются все необходимые экономические, политические, культурные и духовные условия для развития и саморазвития многочисленных неоднородных, но равноправных субъектов гражданского общества. Внутренняя устойчивость и развитие гражданского общества достигаются прежде всего балансом интересов и влиянием самих социальных субъектов этого

общества. Гражданское общество необходимо им потому, что обеспечивает условия их собственного развития. Они же необходимы гражданскому обществу потому, что политическая развитость, экономическая самостоятельность и стабильность его субъектов обеспечивают нормальное функционирование и прогресс этого общества.

Для России данная проблема приобретает особую актуальность и остроту. Это обусловлено прежде всего тем, что в российском обществе, по существу, только начался процесс как создания нового демократического государства, так и становления институтов гражданского общества.

Для того чтобы достигнуть определенного уровня самоорганизации и самоуправления институтов гражданского общества в современной России и продолжить этот процесс, следует решить непростую теоретико-методологическую проблему: определить наиболее предпочтительный путь становления отечественного гражданского общества. В современных условиях теория и практика знает две соперничающие традиции: либерально-демократическую и социально-демократическую. Первая традиция берет свое начало в трудах А. де Токвиля, Дж. Ст. Милля и продолжается в работах ряда современных авторов. Вторая традиция восходит к зрелым произведениям Ф. Энгельса, например «Происхождение семьи, частной собственности и государства», и также продолжается в работах ряда авторов, среди которых особо можно выделить известного американского политолога Р. Даля.

В системе самоорганизации институтов гражданского общества всегда важен аспект самоорганизации человека. Его объективизация обусловлена тем, что «человек судит о своем мире с помощью понятийных систем, или моделей, которые он создает и затем пытается приспособить к объективной действительности. Это приспособление не всегда является удачным. Все же без таких систем мир будет представлять собой нечто настолько недифференцированное и гомогенное, что человек не сможет осмыслить его» [8, с. 8–9].

Самоорганизация в понимании Дж. Келли представлена в виде личностного конструкта: поведения, действий, этических норм, участия в социальных процессах. Личностные конст-

рукты биополярны и дихотомичны по природе и основаны на восприятии различных оценок одного и того же социального процесса. В отличие от организации самоорганизация не имеет иерархии, жесткости, она скорее носит рамочный характер и зависит непосредственно от свойств личности человека. Самооценка и самоорганизация человека дают все основания для его саморазвития. Саморазвиваясь, человек способствует и общественному развитию, но это происходит лишь в том случае, если саморазвитие представляет собой управляемый социальный процесс.

В развитии институтов гражданского общества нельзя не увидеть стремления человека к самоуважению и самоактуализации, что является способом совершенствования не только внутреннего потенциала показателя саморазвития, но и развития общественного, достигаемого посредством участия человека в социальных процессах.

Критерием эффективности социального механизма может стать мера его способности найти и применить адекватные национальным традициям и культуре способы работы институтов гражданского общества на удовлетворение интересов и устремлений граждан. Ответственное взаимодействие полиции и институтов гражданского общества, основанное на общественно значимых социальных нормах, решает одну из важнейших проблем, а именно формирование единства сознания и деятельности. Сознание включается в контекст взаимодействия субъектов общественных отношений и составляет основу преобразования общества. В свою очередь, деятельность является не только движущей силой общественного развития, но и методом познания количественных и качественных изменений в жизни общества. Совершенно не случайно ряд исследователей констатируют утрату ответственного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, в результате чего происходит падение морали (32 % опрошенных); отсутствует должный порядок в стране и наблюдается рост коррупции (32 %); происходят утрата стабильности и чувства безопасности (27 %), распространение в России терактов (17 %), утрата уверенности в завтрашнем дне (15 %); отсутствует социальная справедливость (12 %). Как следствие, в сознании как сотрудников полиции,

так и представителей институтов гражданского общества наблюдается отсутствие готовности действовать в рамках общественно значимых социальных норм (72 %); имеет место стремление избежать неблагоприятной для себя лично ситуации (65 %); формируется возможная сопричастность к девиантному, криминальному поведению (54 %). И это при одновременном проявлении гражданской активности, под которой подразумевается готовность индивидов принимать участие в общественных движениях, протестных действиях, защищать свои права при поддержке институтов гражданского общества (44 %) [5, с. 40].

В числе факторов, определяющих социальные настроения граждан в результате отсутствия взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, ими названы экономические: инфляция, рост цен, безработица, неудовлетворительное пенсионное обеспечение, экономический кризис (47 %); политические: влияние олигархов на политическую жизнь в стране, политическая разобщенность населения, влияние международных политических институтов (38 %); правовые: коррупция и бюрократизм, терроризм, экстремизм, фашизм, организованная преступность (35 %); социальные: алкоголизм, наркомания, проституция, неудовлетворительное состояние морали и нравственности (52 %)*.

Состав нормативного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества респонденты определили следующим образом: трудовые отношения – 3,6; технико-технологические – 2,8; финансово-экономические – 3,9; организационно-правовые – 4,1; безопасность – 4,8**.

Из представленных данных видно, что в процессах взаимодействия предпочтения отдаются безопасности, организационно-правовым и финансово-экономическим аспектам, обеспечивающим жизнедеятельность и жиз-

* Данные экспресс-опроса жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, проведенного нами в январе – феврале 2011 года (№ 272).

** Социальная оценка нормативного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества гражданами Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2011 году (№ 284) по пяти направлениям и по 5-балльной шкале.

неспособность граждан. Эта ситуация может трактоваться как выражение высокой обеспокоенности граждан состоянием их правовой защиты и безопасности. Несмотря на то что трудовые отношения как направление нормативного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества также имеют высокую оценку, что обусловлено систематическим нарушением работодателями законов, определяющих продолжительность рабочего времени, своевременность выплаты заработной платы, необоснованность увольнения и т. п.

Однако решение проблемы граждане видят в активизации деятельности профсоюзов, трудовых комиссий, что свидетельствует о значительном и всеобъемлющем нормативном сопровождении государства сферы трудовых отношений на предприятиях и в организациях. Среди граждан наибольшую заинтересованность в нормативном взаимодействии полиции и институтов гражданского общества проявляют лица в возрасте 46–55 лет – 4,7 (36–45 лет – 3,8; 26–35 лет – 2,8; до 25 лет и старше 56 лет – 2,7).

Нормативность во взаимодействии – это не застой, не стагнация общественных отношений, а определенное начало их модернизации на качественно новой основе, возможно, инновационной. Инновационность в этом вопросе состоит в способности к творчеству, творческому поиску, формированию творче-

ского процесса. Особенно важно в современной общественной практике осуществление взаимодействия рассматриваемых субъектов на основе социальных нормативов и в связи с тем, что в настоящее время распространены контекстуальные отношения, опирающиеся на негласные соглашения и договоренности и имеющие ограничительное временное применение. Контекстуальные отношения, как правило, ориентированы на сиюминутные решения проблемных вопросов, зависящих от «доброй воли» субъектов общественных контактов.

Социальные нормы объективизируют ответственное взаимодействие полиции и институтов гражданского общества, однако необходимо отметить, что не всегда удается побудить данные субъекты к социальной ответственности без социального контроля со стороны граждан.

Социальное взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в контексте соблюдения человеком, социальными группами, социальной общностью всей совокупности социальных норм способствует формированию общественных регуляторов в виде социального контроля, который фиксирует границы, рамки, содержание поведения людей и вносит порядок и организованность в систему социальных связей и зависимостей, т. е. определенность в регулирование общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Колбановский, В.В.** Основные функции гражданского общества [Текст] / В.В. Колбановский // Проблемы формирования гражданского общества. – М., 1993.
2. **Наумова, Н.Ф.** Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? [Текст] / Н.Ф. Наумова. – М.: Эдиториал, 1999.
3. **Потемкин, В.К.** Государственная служба. Социальные оценки и механизм модернизации [Текст] / В.К. Потемкин. – СПб.: Инфо-да, 2011.
4. **Рывкина, Р.В.** Драма перемен: экономическая социология переходной России [Текст] / Р.В. Рывкина. – М.: Дело, 2001.
5. **Социальная политика и социальные реформы глазами россиян** [Текст]. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2007.
6. **Фридмен, М.** Капитализм и свобода [Текст] / М. Фридмен. – Чикаго, 1982.
7. **Ядов, В.А.** Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций [Текст] / В.А. Ядов // Россия реформирующаяся / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 6. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2007.
8. **Kelly, G.** The psychology of personal constructs [Text] / G. Kelly. – Vol. 1, 2. – N. Y.: Norton, 1995.
9. **Weiner, R.** Social Rights Membership Competencies and the Chimera of Socialist Civil Society IPSC Congress Paper [Text] / R. Weiner. – Berlin, 1994.

REFERENCES

1. **Kolbanovskii V.V.** The basic function of civil society. *Problems of formation of civil society*. Moscow, 1993.
2. **Naumova N.F.** Recurrent modernization in Russia: trouble, guilt, or human resource? Moscow, Editorial, 1999.
3. **Potemkin V.K.** Public service. Social assessments and mechanism of modernization. St. Petersburg, Info-da, 2011.
4. **Ryvkina R.V.** Drama of change: Economic sociology transition Russia. Moscow, Delo, 2001.
5. Social policy and social reforms as viewed by Russians. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2007.
6. **Friedman M.** Capitalism and Freedom. The University of Chicago Press, 1982.
7. **Iadov V.A.** Theoretical-conceptual explanation of the “post-communist” transformations. *Russia is reforming*. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2007.
8. **Kelly G.** The psychology of personal constructs. Vol. 1, 2. New York, Norton, 1995.
9. **Weiner R.** Social Rights Membership Competencies and the Chimera of Socialist Civil Society IPSA Congress Paper. Berlin, 1994.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ПОЛОВИНКИН Валерий Анатольевич — доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
polovinckin.valery@yandex.ru

POLOVINKIN Valerii A. — *St. Petersburg State University of Economics*.

Sadovaya str., 21, St. Petersburg, 191023, Russia
polovinckin.valery@yandex.ru

УДК 327.81:70

С.С. Бодрунова

ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА – КРИТЕРИЙ ПРИКЛАДНОЙ ОЦЕНКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНДИЦИОНАЛЬНОСТИ

Svetlana S. Bodrunova

STATE IMAGE AS A CRITERION OF APPLIED ASSESSMENT OF THE STATE'S POLITICAL CONDITIONALITY

Аннотация

В статье рассмотрена необходимость учитывать сложившийся имидж государства при анализе потенциала политической кондициональности в межгосударственных отношениях, в том числе в постколониальных регионах. Описана роль политической кондициональности в расширении ЕС в позитивном и негативном аспектах.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ, ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА, ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, КОПЕНГАГЕНСКИЕ КРИТЕРИИ.

Abstract

The article discusses the idea of applying state image analysis as a parameter of assessment of political conditionality potential of a given state within interstate bargaining process, especially in the post-colonial regions. The role of “positive” and “negative” political conditionality in the European Union is drawn as an example.

Keywords

POLITICAL CONDITIONALITY, STATE IMAGE, EUROPEAN UNION, COPENHAGEN CRITERIA.

Сегодня в исследованиях объединенной Европы популярен тезис о политической кондициональности как наиболее успешной внешнеполитической стратегии ЕС. На наш взгляд, существует возможность и даже необходимость выстраивания для прикладной оценки имиджа государства системы координат в рамках стратегии политической кондициональности.

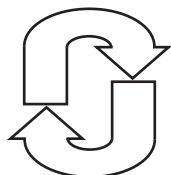
Кондициональность в широком смысле означает обусловленность, наличие комплекса условий для протекания эволюционного изменения. В российской науке наиболее подробно концепция кондициональности проработана в языковых исследованиях, особенно в функциональной стилистике [См., например: 1, 2]. О кондициональности как причине эволюции (в отличие от каузальности как причины генези-

са) писал еще Ю.Н. Тынянов [3]. Но в политике существует собственное понимание кондициональности, оформленное словосочетанием «политическая кондициональность». В работах по стратегии расширения ЕС (EU Enlargement Policy), политики ЕС по региону восточного соседства (Eastern Neighborhood Policy, ENP) и политики Евросредиземноморского партнерства (Euro-Mediterranean Partnership Policy) понимание «кондициональности расширения» также имеет собственную интерпретацию. В политике кондициональность «представляет собой набор стандартов... которые должны быть приняты и введены в действие» [4] при желании государства получить взамен бонус или преференцию. Т. Кэсиер из Маастрихтского университета привел на конференции Европейского консорциума по политическим исследованиям (Рига, сен-

тябрь 2008 года) базовую схему политической кондициональности:

Наложение правила / условия

Получение преференций

Как отмечают ученые из университета Вирджинии в США, исторически кондициональность можно рассматривать как сегодняшнюю аналогию «цивилизационного стандарта» колониальных держав, только сегодня в роли колонизаторов выступают международные организации – ЕС, НАТО, МВФ, ВТО. «Колониальный стандарт» обрел в постколониальную эру дурную репутацию, хотя «базовая идея колониального стандарта состояла в том, что политические сообщества, желающие вступить в международное сообщество, должны отвечать стандартам поведения, подобным тем стандартам, которые европейские государства предъявляли друг к другу» [4, с. 2]. Сегодня политическая кондициональность – это *дискуссионный механизм распространения влияния*, позволяющий стране, налагающей условия, добиться их выполнения, а стране, претендующей на преференцию, добиться этой преференции. В ЕС она понимается как «стратегия усиления давления (reinforcement), используемая международными организациями и международными игроками... для стабилизации политических перемен на государственном уровне» [5, с. 125] и как «увязка достижения согласованных целей взаимодействия с ЕС с прогрессом в проведении политических и экономических реформ и внедрении норм и правил ЕС» [6], поскольку в рамках стратегии европейского расширения политическая кондициональность развивается в дискурсе переноса «староевропейского» способа правления в новые страны – члены ЕС, что в том числе, безусловно, означает введение демократических стандартов правления в стране-кандидате и либерализацию рынков. В ответ страна может надеяться на вступление в ряды ЕС или формирование «режима благоприятствования» (как сейчас это происходит с

Украиной). Помимо того, что в стране-кандидате внедряется европейский способ принятия политических решений, ЕС получает и собственно правление частично в свои руки (на наднациональном уровне), что формирует «европейское правление» (EU governance). Таким образом, распространение европейского правления часто идет путем кондициональности. Есть и альтернативные технологии: например, модель социального обучения, когда страны используют «логику приемлемого», или модель «извлечения урока», когда европейский опыт осваивается для решения проблем внутри страны. Но ученые повсеместно отмечают, что «политическая кондициональность остается сегодня наиболее успешной внешнеполитической стратегией ЕС» [7] и «наиболее важным фактором в расчетах издержек и пользы в правительствах стран Центральной и Восточной Европы» [8]. Активизация европейской политики кондициональности произошла после артикуляции Копенгагенских критериев вступления в ЕС и еще возросла с переходом к «активному давлению» (active leverage) в рамках конкретных переговорных процессов по вступлению стран в ЕС [См.: 9–11]. Кстати, в российский лексикон термин «политическая кондициональность» (в европейском понимании) вошел с появлением на русском языке дискуссий о потенциальном вступлении в ЕС в постсоветских странах, вовлеченных в орбиту европеизации: Беларуси, Украине, Латвии, Литве [См.: 12–14], а также (в гораздо меньшей пропорции) с развитием в России рефлексии по поводу отношений с ЕС [См.: 6].

Европейские исследователи определили такие аспекты кондициональности, как негативная («политика кнута») и позитивная («политика пряника») кондициональность; считается, что негативная кондициональность менее конструктивна и почти не применяется в ЕС [См.: 15]. Еще одним важным разделением считается разделение на демократическую и правовую (acquis) кондициональность [8, с. 677], что подразумевает разделение процесса наложения условий (демократизация правления и экономики) и процесса законодательной адаптации государства к этим условиям, поскольку в ЕС известны прецеденты наложения условий на страну до ее вступления в Союз, а адаптации – уже после вступления. Механизмами конди-

ональности признаны мониторинг и выработка новых стандартов (бенчмаркинг) [16].

Условиями успеха политики кондициональности называются следующие:

- *стоимость издержек* выполнения условий для страны и особенно для текущего политического режима и элиты [См.: 17]. Считается, что в странах, где вступление в ЕС подвергало риску недемократический режим (Румыния, Сербия и др.), политика кондициональности не срабатывала [8, с. 678]. Единственный случай успеха – смена режима Мечьяра в Словакии под давлением общественности [14];

- принципиальная *асимметрия силы* между договаривающимися сторонами. [См.: 18] Считается, что именно поэтому политика кондициональности не срабатывает в связке «ЕС – Россия», где отношения сторон равные [См.: 7]. В отношении к России политика кондициональности рассматривается как альтернатива великодержавной политике [Там же].

Однако мы считаем, что расширение европейского «асимметричного» понимания кондициональности до любого международного переговорного процесса, в том числе между равными партнерами, возможно и, более того, наблюдается в реальности, являясь основой переговорного механизма вообще. Европейские исследования кондициональности могут дать ключ к пониманию того, какие условия должны соблюдаться в переговорном процессе и почему в его рамках важен национальный образ, имидж государства как игрока на международной арене. Здесь мы обратимся к видному исследованию политики кондициональности в Европе – одной из работ Ф. Шиммельфеннига и У. Зедельмайера. В ней выдвинуты еще три важные предпосылки успеха кондициональности: определенность условий, размер и скорость получения бонусов и, что для нас самое важное, вероятность выполнения угроз и обещаний [8, с. 672], т. е. *уровень доверия стране*, выдвигающей условия: насколько можно полагаться на то, что сильный партнер действительно способен обеспечить преференциальный режим для страны, эти условия

принявшей и выполнившей. На наш взгляд, эта предпосылка, важность которой доказана эмпирическим путем, непосредственно зависит от существующего в стране, принимающей условия, *восприятия государства-партнера*, а значит, определяет место изучения имиджа государства (state image studies) в международных отношениях, создавая прикладную сторону этих исследований.

Имиджевый аспект политической кондициональности важен, поскольку игра по правилам кондициональности позволяет встроиться в традиционный для Запада демократический диалог, хотя кондициональность и подразумевает принципиальную асимметрию силы. Однако постановка условий должна быть понята шире, чем асимметричный подход. Локальная, ситуативная асимметрия силы компенсируется обратной асимметрией в другом вопросе, и в целом такой торг позволяет соблюдать баланс сил, который сильно зависит от имиджевой стороны, а именно от доверия к способности страны выполнять взятые на себя обязательства по обеспечению преференций. Если Россия хочет быть одним из центров силы, она обязана ставить условия; чтобы эти условия принимались, у России должен быть в распоряжении определенный уровень доверия со стороны партнеров, уровень веры в выполнение поставленных условий. В этом случае наличие ядерного потенциала может рассматриваться как негативная кондициональность; однако именно наличие позитивной кондициональности (способность ставить условия и награждать) является базой для процедур, например, принятых в ЕС. Поэтому стране, претендующей на формирование регионального полюса притяжения, требуется добиваться позитивного имиджа, основанного на долговременной традиции доверия, а оценка имиджевых достижений может строиться в русле их будущего использования в дискуссионном процессе. Давно оценившая этот тезис Европа пришла к пониманию стратегии «мягкой силы» (soft power), которая строится именно на предпосылке сочетания силы и доверия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Юдина, Т.В.** Теория общественно-политической речи [Текст] / Т.В. Юдина. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001.
2. **Ашрапова, А.Х.** Функционально-семантическое поле кондициональности в разноструктурных языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Ашрапова. – Казань, 2006.
3. **Тынянов, Ю.Н.** О литературной эволюции [Текст] / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 270–281.
4. **Stivachtis, Y.A.** Conditionality: A New Form of the Old Standard of “Civilization”: The Case of EU Conditionality [Electronic resource] / Y.A. Stivachtis // Paper prepared for the 48th ISA Annual Convention (Chicago, February 28 – March 3, 2007). – Access mode: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/8/0/2/7/pages180272/p180272-1.php.
5. **Schimmelfennig, F.** European Regional Organizations, Political Conditionality, and Democratic Transformation in Eastern Europe [Text] / F. Schimmelfennig // East European Politics and Societies. – 2007. – Vol. 21, nr 1.
6. **Загорский, А.** Вялотекущий диалог [Электронный ресурс] / А. Загорский // Стратегия России. – 2007. – № 8. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1187851724&archive=1187853035&start_from=&ucat=14&.
7. **Seppo, A.** The Dilemma of Political Conditionality and its Ramifications for the EU’s External Power [Electronic resource] / A. Seppo, M. Tyrväinen // Paper presented at the ECPR Standing Group on the European Union. Fourth Pan-European Conference on EU Politics (Riga, 25–27 September 2008). – Access mode: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/053.pdf>.
8. **Schimmelfennig, F.** Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe [Text] / F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier // J. of European Public Policy. – 2004. – Vol. 11, iss. 4. – P. 669–687.
9. **Jacoby, W.** The Enlargement of the European Union and NATO: Ordering from the Menu in Central Europe [Text] / W. Jacoby. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.
10. **The Europeanization of Central and Eastern Europe** [Text] / ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005.
11. **Vachudova, M.** Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration After Communism [Text] / M. Vachudova. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
12. **Садовская, М.** Союз на распутье [Текст] / М. Садовская // Белорусский рынок. – 2005. – № 24.
13. **Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели** [Текст] / сост. О. Шпарага. – Вильнюс: Изд-во ЕГУ, 2007.
14. **Пикулик, А.** Мифы о белорусском режиме и его перспективах [Электронный ресурс] / А. Пикулик // Завтра твоей страны. 2008, 4 апреля. – Режим доступа: www.zautra.by/cont/cmt_add.php?sn_nid=2117&sn_cat=7&cmt_art_id=2117&cmt_art_cat=7.
15. **Tocci, N.** The EU and Conflict Resolution in Turkey and Georgia: Hindering EU Potential Through the Political Management of Contractual Relations [Text] / N. Tocci // J. of Common Market Studies. – 2008. – Vol. 46, nr 4. – P. 875–897.
16. **Solonenko, I.** The EU’s “transformative power” beyond enlargement: the case of Ukraine’s democratization [Electronic resource] / I. Solonenko // European Research Institute. European Research Working Paper Series. – 2007. – Nr 21. – Access mode: <http://www.logincee.org/file/12971/library>.
17. **Schimmelfennig, F.** The EU, NATO and the Integration of Europe: Rules and Rhetoric [Text] / F. Schimmelfennig. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – P. 52–62.
18. **Sunay, N.** The Perceived (il)Legitimacy of the EU Conditionality: The Role of Uncertainty and Asymmetry of Power [Electronic resource] / N. Sunay // Paper prepared for the ECPR Standing Group on the European Union, Fourth Pan-European Conference on EU Politics (Riga, 25–27 September 2008). – Access mode: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/076.pdf>.

REFERENCES

1. **Yudina T.V.** Teoriya obschestvenno-politicheskoy rechi. Moscow, Moscow State Univ. Publ. House, 2001. (rus.).
2. **Ashrapova A.Kh.** Funktsional’no-emanlichesкое pole konditsional’nosti v raznostrukturnykh yazykakh: a PhD thesis’s abstract. Kazan’, 2006. (rus.)
3. **Tynyanov Yu.N.** On literary evolution. *Poetics. History of literature. Cinema.* Moscow, Nauka, 1977. Pp. 270–281. (rus.)
4. **Stivachtis Y.A.** Conditionality: A New Form of the Old Standard of “Civilization”: The Case of EU Conditionality. *Paper prepared for the 48th ISA Annual Convention.* Chicago, February 28 – March 3, 2007. Access mode: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/1/8/0/2/7/pages180272/p180272-1.php.
5. **Schimmelfennig F.** European Regional Organizations, Political Conditionality, and Democratic Transformation in Eastern Europe. *East European Politics and Societies*, 2007, vol. 21, nr 1.
6. **Zagorsky A.** Vyalotekuschy dialog. *Strategy of Russia*, 2007, iss. 8. Access mode: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1187851724&archive=1187853035&start_from=&ucat=14&. (rus.)

7. **Seppo A., Tyrväinen M.** The Dilemma of Political Conditionality and its Ramifications for the EU's External Power. *Paper presented at the ECPR Standing Group on the European Union. Fourth Pan-European Conference on EU Politics*. Riga, 25–27 September 2008. Access mode: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/053.pdf>.
8. **Schimmelfennig F., Sedelmeier U.** Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe. *J. of European Public Policy*, 2004, vol. 11, iss. 4, pp. 669–687.
9. **Jacoby W.** The Enlargement of the European Union and NATO: Ordering from the Menu in Central Europe. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004.
10. The Europeanization of Central and Eastern Europe. Ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. Ithaca, Cornell Univ. Press, 2005.
11. **Vachudova M.** Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration After Communism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
12. **Sadovskaya M.** Soyuz na rasput'e. *Belarussian Market*, 2005, nr 24. (rus.).
13. European perspective of Belarus: intellectual models. Ed. by O. Shparaga. Vilnius, EGU, 2007 (rus.).
14. **Pikulik A.** Mify o belorusskom rezhime i ego perspektivah. *Zavtra tvoey strany*, 2008, April 4. Access mode: www.zautra.by/cont/cmt_add.php?sn_nid=2117&sn_cat=7&cmt_art_id=2117&cmt_art_cat=7. (rus.)
15. **Tocci N.** The EU and Conflict Resolution in Turkey and Georgia: Hindering EU Potential Through the Political Management of Contractual Relations. *J. of Common Market Studies*, 2008, vol. 46, nr 4, pp. 875–897.
16. **Solonenko I.** The EU's "transformative power" beyond enlargement: the case of Ukraine's democratization. European Research Institute. *European Research Working Paper Series*. 2007, nr 21. Access mode: <http://www.logincee.org/file/12971/library>.
17. **Schimmelfennig F.** The EU, NATO and the Integration of Europe: Rules and Rhetoric. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003. Pp. 52–62.
18. **Sunay N.** The Perceived (il)Legitimacy of the EU Conditionality: The Role of Uncertainty and Asymmetry of Power. *Paper prepared for the ECPR Standing Group on the European Union, Fourth Pan-European Conference on EU Politics*. Riga, 25–27 September 2008. Access mode: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/076.pdf>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

БОДРУНОВА Светлана Сергеевна — *заведующий кафедрой медиадизайна и информационных технологий Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат политических наук, доцент.*
Россия, 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского о-ва, 26
visual@jf.spbu.ru

BODRUNOVA Svetlana S. — *St. Petersburg State University.*
1st line of Vasilievsky island, 26, St. Petersburg, 199004, Russia
visual@jf.spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 316.752

*Л.А. Чистякова***ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ С ОПЫТОМ
ПЕРВИЧНОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА ПРОМОУТЕРОМ***Lyudmila A. Chistyakova***LABOUR VALUES OF YOUTH WITH EXPERIENCE
OF PRIMARY EMPLOYMENT AS A PROMOTER**

Аннотация

Трудовые ценности молодежи являются актуальным предметом изучения современного социологического знания. В статье дан анализ трудовых ценностей, формируемых у представителей молодежи при первичном трудоустройстве промоутером, а также анализ их устойчивости при вторичном трудоустройстве уже не в качестве промоутера. Выявлен факт различия трудовых ценностей, актуальных для респондентов на первом и втором месте работы. Рассмотрены проблемы, возникающие при смене рода трудовой деятельности.

Ключевые слова

МОЛОДЕЖЬ, ПРОМОУТЕР, ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО, ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ, ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ.

Abstract

Labor values of youth are an actual subject of studying of modern sociological knowledge. The purpose of the present article is the analysis of the labor values formed at representatives of youth at primary employment by the promoter, and also their stability at secondary employment any more as the promoter. The fact of distinction of labor values actual for respondents on the first and second place of work, and also the problems arising at change of a sort of labor activity is elicited.

Keywords

YOUTH, PROMOTER, PRIMARY AND SECONDARY EMPLOYMENT, FACTORIAL ANALYSIS, DYNAMICS OF CHANGE OF LABOUR VALUES.

Организационная среда является одним из наиболее важных факторов, влияющих на профессионально-трудовое становление личности. В процессе трудовой деятельности индивид подвергается воздействию со стороны предприятия, трудового коллектива, в результате чего происходит формирование профессиональных интересов, потребностей, мировоззрения и трудовых ценностей, актуальных в рамках конкретной профессионально-трудовой среды, а также норм поведения и ценностных ориентиров. Наиболее восприимчива к подобного рода влиянию молодежь. Это обусловлено тем, что молодые сотрудники, не имея опыта работы, не обладают сформированной профессионально-трудовой стратегией и системой трудовых ценностей.

Одним из распространенных видов трудовой деятельности в молодежной среде является работа промоутером [2]. Эта деятельность не требует специализированных навыков и образования, что определяет ее популярность среди молодежи. Молодые люди, включаясь в трудовые отношения в данной сфере, как правило, еще не имеют опыта работы [4], и в процессе трудовой деятельности формируется их собственное, персонифицированное отношение к ценности труда [3, с. 37], значимости трудовых достижений, карьерного роста.

Проведем анализ эмпирических данных, полученных в результате исследования трудовых ценностей и динамики их изменения у представителей молодежи с опытом первичного трудоустройства в качестве промоутера.

В сравнительном исследовании приняли участие две группы респондентов. В первую группу вошли молодые люди в возрасте от 16 до 27 лет, работающие промоутерами. Вторую группу составили представители молодежи в возрасте от 17 до 29 лет, работавшие промоутером и имеющие опыт вторичного трудоустройства уже не в качестве промоутера. К данной группе относятся респонденты, на момент проведения исследования работающие на месте вторичного трудоустройства либо уволившись, но не занятые на новом месте работы. Выборка – целевая. Метод проведения исследования – анкетирование с элементами интервью, с использованием программы статистического анализа количественных данных SPSS Statistics 19.0. После ремонта выборки общая численность опрошенных составила 200 человек (по 100 человек в каждой группе).

Результаты анкетирования респондентов *первой группы* (молодые люди, работающие промоутерами) для выявления наиболее значимых ценностей анализировались с применением метода факторного анализа. Чтобы выявить адекватность применения этого метода для решения поставленной задачи, была выполнена проверка по критериям Кайзера – Мейера – Олкина. Допустимость его применения составила 0,8, что свидетельствует о высокой степени адекватности использования данного метода. По результатам факторного анализа были выявлены три фактора, кумулятивная дисперсия которых составила 62 %, т. е. полученные результаты достоверны. Факторизации подверглись десять трудовых ценностей, могущих влиять на процесс трудоустройства. При анализировании матрицы факторных нагрузок при трудоустройстве промоутером факторы были проинтегрированы следующим образом:

- первый фактор (29,9 % дисперсии), доминирующий в структуре трудовых ценностей представителей исследуемой социальной группы во время работы промоутером, – фактор непрофессионального личностного самодовольствия. Он объединил следующие ценности: перспектива переезда за границу, социальная значимость, польза для общества, а также творческий характер работы. Эти ценности можно отнести к направленным на реализацию собственных интересов, не имеющих

четкой связи с трудовой и профессиональной самореализацией;

- второй фактор (20 % дисперсии) образовали ценности, которые условно можно назвать «профессионально противоречивыми». В него вошли ценности: высокий уровень заработной платы, работа в престижной компании, удобный график, при этом отмечалась важность нетребовательности руководства по отношению к сотрудникам организации;

- третий фактор (11,9 % дисперсии) – профессионально ориентированный. Он объединил такие ценности, как повышение профессионального и квалификационного уровня, возможность карьерного роста. Это наименее распространенный фактор, имеющий наименьшую долю значимости в структуре трудовых ценностей работающих промоутером.

Во *второй группе* (представители молодежи с опытом работы промоутером, вторично трудоустроенные уже не в качестве промоутера) было проведено сравнение значимости аналогичных ценностей. При анализе трудовых ценностей у бывших промоутеров метод факторного анализа имел приемлемую степень адекватности его использования: по критериям Кайзера – Мейера – Олкина допустимость применения метода составила 0,7. Нами были выявлены три фактора, кумулятивная дисперсия которых составила 60,2 %. Анализируя матрицу факторных нагрузок, мы проинтегрировали выделенные факторы, оказывающие влияние на процесс поиска работы, следующим образом:

- в первый, доминирующий, фактор (23,6 % дисперсии) вошли ценности, связанные с ориентацией личности на профессиональную самореализацию: повышение профессионального и квалификационного уровня, возможность карьерного роста, а также стабильность предприятия и гарантированная работа на нем, высокий уровень заработной платы. Данный фактор, являющийся наиболее распространенным для бывших промоутеров с опытом вторичного трудоустройства, можно назвать профессионально ориентированным;

- второй фактор (22,7 % дисперсии) образовали ценности, которые условно можно назвать ценностями личностного самодовольствия. В него вошли ценности: престижность компании, творческий характер работы, перспектива переезда за границу;

• третий фактор (13,9 % дисперсии) представляет собой такую ценность, как нетребовательность руководства по отношению к сотрудникам организации. Для представителей исследуемой группы эта ценность имеет наименьшую степень значимости.

При сопоставлении данных, полученных в ходе проведения двухэтапного факторного анализа, можно сделать вывод, что при вторичном трудоустройстве в системе трудовых ценностей респондентов произошли изменения. В доминирующий фактор у вторично трудоустроенных респондентов с опытом работы промоутером вошли ценности: возможность карьерного роста, стабильная занятость на предприятии, высокий уровень заработной платы, а также повышение собственного профессионального и квалификационного уровня. Во время работы промоутером приоритетные для них трудовые ценности имели более отстраненную от профессиональных стратегий направленность, преобладали ценности, способствующие непрофессиональному личностному самоудовлетворению. При этом такие ценности, как повышение профессионального и квалификационного уровня, возможность карьерного роста, находились на самой низкой позиции. При вторичном трудоустройстве ценности творческого характера работы и перспективы переезда за границу перешли на вторую позицию, а такая ценность, как нетребовательность руководства, – на третью. Ценность высокого уровня заработной платы переместилась со второй позиции на первую. Не изменила своей позиции ценность престижности компании – вторая ступень. Изменение значимости трудовых ценностей при переходе от работы промоутером к другому типу трудовой деятельности схематично представлено в таблице.

Проанализировав продолжительность работы респондентов на месте вторичного (после окончания трудовой деятельности в качестве промоутера) трудоустройства до момента увольнения, можно сделать вывод, что уровень способности к адаптации у бывших промоутеров довольно низкий. Согласно результатам исследования, 14 % уволившихся респондентов проработали на месте вторичного трудоустройства 3 месяца, 33 % – менее 6 месяцев, 46 % – менее года, 21 % – более года. Доля проработавших до увольнения менее 6 месяцев

Факторы, определяющие значимость трудовых ценностей для работающих промоутером и изменивших тип трудовой деятельности

Факторы	Трудовые ценности	
	работающих промоутером	имеющих опыт вторичного трудоустройства
1	<ul style="list-style-type: none"> • Социальная значимость, польза для общества • Творческий характер работы • Перспектива переезда за границу 	<ul style="list-style-type: none"> • Высокий уровень заработной платы • Возможность карьерного роста • Повышение профессионального и квалификационного уровня • Гарантия стабильности предприятия и работы на нем
2	<ul style="list-style-type: none"> • Работа в престижной компании • Высокий уровень заработной платы • Нетребовательность руководства по отношению к сотрудникам организации 	<ul style="list-style-type: none"> • Престижность компании • Творческий характер работы • Перспектива переезда за границу
3	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение профессионального и квалификационного уровня • Возможность карьерного роста 	<ul style="list-style-type: none"> • Нетребовательность руководства по отношению к сотрудникам организации

составляет 47 %. При этом 37,5 % уволившихся указали в качестве причины своего ухода с места вторичного трудоустройства несоответствие индивидуальных трудовых ценностей общеколлективным, 16,7 % отметили, что они имели сложности при усвоении норм и правил поведения в организациях, а 8,3 % – сложности в их воспроизводстве.

Наряду с причинами увольнения с места вторичного трудоустройства в рамках исследования проанализированы и сложности, с которыми встречались респонденты при работе на этом месте. В результате было выявлено, что 61 % респондентов испытывали сложности при воспроизводстве норм и правил, актуальных на предприятии, 54 % – сложности в трудовых отношениях и рабочем процессе в связи с несоответствием индивидуальных трудовых ценно-

стей и общеколлективных, производственных ценностей предприятия.

Выявленные в рамках исследования причины увольнения с места вторичного трудоустройства и проблемы, возникающие при работе на нем, свидетельствуют о наличии трудностей при социализации и адаптации бывших промоутеров на новом месте работы [5].

Для более полной оценки изменений, произошедших в системе трудовых ценностей респондентов, рассмотрим, как изменилось их отношение к труду. Так, 40,7 % респондентов отметили, что оно изменилось существенно, 20,9 % заявили, что их отношение к труду «скорее изменилось, чем нет». Таким образом, более 60 % опрошенных отметили, что при вторичном трудоустройстве в их системе трудовых ценностей произошли изменения. Однако около 40 % респондентов так не считают: 25,6 % заявили, что их отношение к труду «не изменилось», 12,8 % – «скорее не изменилось». Анализируя факт изменения ценностной системы и отношения к труду в целом представителей исследуемой социальной группы, следует обратить внимание на факторы, которые могут являться значимыми в данном процессе. При сопоставлении сроков работы респондентов в качестве промоутера и степени изменения их отношения к труду выявлено, что статистически значимое изменение отмечается у тех, кто проработал промоутером более трех лет. В целом тенденция к увеличению степени изменения наблюдается при возрастании продолжительности работы промоутером.

Изменение отношения к труду при вторичном трудоустройстве в зависимости от продолжительности работы промоутером показано на рисунке.

Изменение качественных характеристик категории ценность является сложным и длительным процессом. Личность, включенная в данный процесс, испытывает состояние неопределенности и дискомфорта [1, с. 24]. Сложность трансформации категории ценность применительно к трудовой активности заключается в том, что в этом процессе происходит изменение мировоззрения личности, ее отношения к труду, формируется новый тип профессионально-трудовой стратегии самореализации. Ценность при изменении своих качественных характеристик многофакторно

изменяет личность. Это связано с тем, что ценность является базовым элементом, на основании которого личность осуществляет свою жизнедеятельность и реализует собственные, персонифицированные стратегии самоопределения и самореализации.

Вероятность формирования трудовых ценностей специфического характера у промоутеров и необходимость их трансформации могут быть обусловлены в значительной степени условиями труда, в которые первично включаются молодые люди. Система оплаты труда, атмосфера в коллективе и другие факторы оказывают влияние на систему ценностей молодого сотрудника. На основании эмпирически полученных данных нами разработаны рекомендации для руководителей рекламных агентств, являющихся местом первичного трудоустройства представителей исследуемой социальной группы. В частности, следует усилить контроль за проведением рекламных акций, осуществлять организацию конкурсов на звание «Лучший промоутер» с вручением премий за лучшую работу в течение установленного конкурсом времени, что, несомненно, окажет влияние на уровень мотивации промоперсонала. На тренингах необходимо проводить беседы и разъяснять, как много зависит от качества вы-

«Изменилось ли Ваше отношение к труду после окончания работы промоутером?»

Изменение отношения к труду после окончания работы промоутером (по результатам исследования)

полняемых промоутером работ. Разработанные рекомендации позволят повысить производительность и результативность проведения рек-

ламных проектов, а также создать условия для формирования актуальных трудовых ценностей у молодых сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зоркая, Н.А.** Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение [Текст] / Н.А. Зоркая // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 2.
2. **Царев, А.В.** Пехота маркетинговых войск. Российская практика consumer promotion [Текст] / А.В. Царев. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с.
3. **Цылев, В.Р.** Вторичная занятость студентов вузов на пути к профессиональной деятельности [Текст] / В.Р. Цылев // СИСП. – 2012. – № 4.

4. **Чистякова, Л.А.** Молодежь в промоиндустрии [Текст] / Л.А. Чистякова // Техника и технологии в сфере сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2011. – № 2. – С. 42–49.
5. **Она же.** Проблемы трудовой адаптации бывших промоутеров: экспертное мнение [Текст] / Л.А. Чистякова // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – № 2. – С. 118–123.

REFERENCES

1. **Zorkaya N.A.** Youth: adaptation types, assessment of changes, installations on social achievement. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2001, nr 2.
2. **Tsarev A.V.** Infantry of marketing armies Russian practice of consumer promotion. St. Petersburg, Piter, 2006. 352 p.
3. **Tsylev V.R.** Secondary employment of students of higher education institutions on a way to profes-

- sional activity. *Modern researches of social problems*, 2012, nr 4.
4. **Chistyakova L.A.** Youth in promotion. *Equipment and technologies in the service sphere: economy, social sphere, technologies*, 2011, nr 2, pp. 42–49.
5. **Eadem.** Problems of labor adaptation of the former promoters: expert opinion. *Society. Environment. Development*, 2013, nr 2, pp. 118–123.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ЧИСТЯКОВА Людмила Александровна – аспирант кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.

Россия, 191015, Санкт-Петербург, Кавалергардская ул., 7, лит. А
kissa.ch@mail.ru

CHISTYAKOVA Lyudmila A. – St. Petersburg State University of service and economy.

Kavalergarskaya str., 7, lit. A, St. Petersburg, 191015, Russia
kissa.ch@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

Правовые аспекты государственного управления

УДК 351.86:001.8

Р.Р. Марутян

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Rena R. Marutyan

THE LEGAL INSTITUTIONALIZATION OF THE SCIENTIFIC AND EXPERT SUPPORT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE NATIONAL SECURITY FIELD

Аннотация

Рассмотрена правовая институционализация научно-экспертной деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности. Дан анализ стадий институционализации как процесса создания социальных институтов. Подчеркивается необходимость нормативного начала в публичной практике госуправления для создания статусно-ролевой структуры, одобренной большинством участников социального взаимодействия. Предложено структурирование институциональной среды научно-экспертной и консалтинговой деятельности. Проведен тщательный анализ ее компонентов: нормативно-правового, организационного, самоорганизационного, социально-культурного, когнитивного, профессионального (кадрового) – в современной ситуации, сложившейся в Украине.

Ключевые слова

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ, НАУЧНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ, УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНСАЛТИНГ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

Abstract

The legal institutionalization of scientific and expert activities in the national security field is examined in the article. The stages of institutionalization are analyzed as the process of creating of social institutions. There is emphasized a need for a normative principle in the public practice of the public administration for the creation of the status-role structure, which is approved by the majority of participants in the social interaction. It is proposed the structuring of the institutional environment of the scientific, expert and consulting activities, and precise analysis of its components in contemporary situation in Ukraine: regulatory, institutional, self-organization, socio-cultural, cognitive, professional (HR).

Keywords

INSTITUTIONALIZATION, SCIENTIFIC AND EXPERT ACTIVITIES, PUBLIC ADMINISTRATION, MANAGEMENT CONSULTING, NATIONAL SECURITY.

Государственная власть в современных условиях требует системного интеллектуального, научно-экспертного сопровождения при решении стратегических задач и принятии управленческих решений.

Научно-экспертная поддержка государственного управления – профессиональная деятельность по фундаментальному и прикладному исследованию проблем в сфере государственного управления. Она заключается в системном

анализе конкретных объектов с целью поиска и выделения основных тенденций их развития, оценки уровня существующих угроз, а также в прогнозировании динамики воздействия различных (в том числе опасных) факторов на исследуемый объект.

Видами научно-экспертной поддержки государственного управления являются: консультирование, экспертиза, прогнозирование, разработка стратегических документов (стратегия, доктрина, концепция), подготовка проектов решений, аналитических документов, планов и т. д.

В современных гуманитарных науках идеи институционализма продуцируют новую волну дискуссий относительно природы социальных институтов. Не стоит в стороне от этого гуманитарного дискурса и теория государственного управления. Но следует признать, что сегодня некоторые формы государственно-управленческой практики находятся в стадии институциональной неопределенности, т. е. в состоянии отсутствия четко очерченных формальных границ их профессиональной идентификации в системе управленческой деятельности. Однако в ведущих странах мира научно-экспертное, аналитическое сопровождение государственного управления уже давно прошло этот сложный процесс.

Развитие определенных институтов, организаций, а также экономических систем часто оценивают через уровень их институционализации. В «Современном словаре иностранных слов» институционализация трактуется как «становление любых новых социальных институтов, правовое и организационное закрепление тех или других общественных отношений» [1, с. 239]. Институционализацией называют также процесс предоставления социальным связям упорядоченного, нормативного характера [2, с. 49].

Таким образом, институционализация — это превращение любого явления или движения в организованный, упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти, дисциплиной, правилами поведения. Это процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведения их в систему, способную действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности.

Как многоаспектное явление институционализация находит проявление: а) в создании стабильных правил социально-экономического взаимодействия, которое основано на формализованных нормах, законах и обычаях, что дает возможность прогнозировать поведение социальных субъектов в соответствующих социальных ролях; б) правовом и организационном закреплении форм и правил поведения субъектов этой деятельности, их взаимодействий; в) формировании гарантий свободы деятельности, творчества, права на получение определенной величины дохода и т. п.

Создание социальных институтов, к которым принадлежат научно-экспертная деятельность и управленческое консультирование, начинается с возникновения и осознания членами общества потребности, удовлетворение которой нуждается в общих организованных действиях. Логическим продолжением этого процесса является установление норм и правил социального взаимодействия, которые трансформируются в процедуры, регламентирующие поведение социальных субъектов. Во время апробации и практического применения разработанных правил определяются системы статусов, ролей, а также санкций для поддержки установленных норм. Следовательно, финалом процесса институционализации можно считать создание четкой статусно-ролевой структуры, одобренной большинством участников этого социального процесса.

Согласно «Энциклопедическому словарю государственного управления», институциональные изменения в государственном управлении являются непрерывным процессом существенных изменений и превращений в институциональной среде государственного управления. Их необходимость предопределена несоответствием структуры и качества государственно-управленческих институтов условиям развития общественной системы. Направлениями проведения институциональных изменений являются, в частности, внедрение и развитие новых государственно-управленческих институтов, корректировка и совершенствование уже действующих и т. п. [3, с. 283].

В общем виде институт научно-экспертного сопровождения государственного управления — это обусловленные историческим развитием стойкие типы и формы аналитической

деятельности по системному фундаментальному и прикладному исследованию проблем в сфере государственного управления. Эти формы и типы профессиональной деятельности сформировались под воздействием множества объективных и субъективных факторов и условий и являются залогом принятия эффективных государственно-управленческих решений.

Предлагаем выделить следующие компоненты институциональной среды научно-экспертной и консалтинговой деятельности: 1) нормативно-правовой, 2) организационный, 3) самоорганизационный, 4) социально-культурный, 5) когнитивный, 6) профессиональный (кадровый).

Первый компонент институционализации научно-экспертного сопровождения государственного управления — нормативно-правовой. Основу структуры его институциональной среды создают законодательные и нормативные акты, которые регулируют все виды и типы взаимоотношений в этой сфере. Формирование нормативно-правового компонента, как свидетельствует мировая и отечественная практика, начинается с момента осознания обществом необходимости создания особенных защитных механизмов от действия реальных и потенциальных угроз и опасностей ради снижения риска их проявления. Главные функции нормативно-правового компонента — это регуляция взаимоотношений в сфере научно-экспертного сопровождения государственного управления, определение приоритетов, целей и направлений, структуризация институционального пространства данной сферы деятельности.

В общем виде нормативно-правовой компонент институциональной среды научно-экспертного сопровождения государственного управления можно рассматривать на двух уровнях: национально-правовом и международно-правовом. Национально-правовой уровень определяет общие направления и приоритеты научно-экспертного сопровождения государственного управления, его виды, формы, типы отношений, порядок взаимодействия между субъектами этих отношений, принципы и нормы правовой регуляции данного типа деятельности.

Международно-правовой уровень отображает меру и качество интеграции национальной системы научно-экспертного сопровождения государственного управления в мировые про-

цессы интеллектуального обеспечения государственного управления. Констатируем факт: в Украине практически отсутствует международно-правовой уровень научно-экспертного сопровождения государственного управления в целом и в сфере национальной безопасности в частности. Законодательство Украины не устанавливает специальных требований к организационно-правовым формам деятельности научно-экспертных организаций, которые осуществляют научную деятельность для потребностей государственного управления. Подобное положение является белым пятном отечественной правовой системы, поскольку научно-экспертная деятельность в сфере государственного управления нуждается в высокой профессиональной квалификации и ответственности. В связи с этим есть необходимость установления специальных требований к такому роду деятельности как для отдельных экспертов, так и для организаций с целью обеспечения гарантий их эффективной работы.

Закон Украины «О научной и научно-технической деятельности» [4], который дает описание таких понятий, как «научно-техническая деятельность», «научно-исследовательское (научно-техническое) учреждение», содержит лишь диспозитивные и декларативные нормы. Закон определяет основные полномочия субъектов государственной регуляции в сфере научной и научно-технической деятельности, таких как Совет по вопросам науки и научно-технической политики при Президенте Украины. В соответствии с Положением о данном Совете к его основным задачам, в частности, относятся:

- экспертиза проектов законов Украины, актов Президента Украины, Кабинета министров Украины по вопросам научной и научно-технической деятельности, интеллектуальной собственности и трансфера технологий;

- анализ проектов национальных и государственных научно-технических программ, предложений относительно приоритетных направлений развития науки и техники, основных направлений кадровой политики, подготовки, аттестации научных кадров, международного сотрудничества, улучшения социальной защиты научных работников и создания общественного престижа их работы.

3 ноября в 2010 года Кабинетом министров Украины было одобрено Постановление № 996

«Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» [5]. Для выполнения этого постановления Кабинетом министров Украины были созданы общественные советы – постоянно действующие коллегиальные выборные консультативно-совещательные органы, задачами которых являются обеспечение участия граждан в управлении государственными делами, осуществление общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, налаживание эффективного взаимодействия данных органов с общественностью, учет общественного мнения во время формирования и реализации государственной политики. Кроме того, согласно постановлению, институты гражданского общества, научные и экспертные организации, другие юридические лица могут подавать предложения и замечания, посылая их на электронный адрес ответственного лица органа исполнительной власти, на правительственный веб-сайт «Гражданское общество и власть» и официальные веб-сайты органов исполнительной власти.

Правовое закрепление в национальном законодательстве основ научной экспертизы в сфере национальной безопасности является еще более проблемным. Порядок назначения и проведения такой экспертизы в действующем законодательстве должным образом не урегулирован. В Законе Украины «О научной и научно-технической экспертизе» определены лишь общие принципы проведения научной экспертизы: ее виды, субъекты, общие требования к проведению и т. д. [6]. Данный закон не обеспечивает правового регулирования назначения и проведения экспертизы в сфере национальной безопасности, а следовательно, не дает ответы на вопросы, которые возникают в связи с этим. В частности, определение научной и научно-технической экспертизы не раскрывает сущности экспертизы в сфере национальной безопасности, которая имеет свои особенности и отличия. Объекты экспертизы в этой сфере существенно отличаются от объектов техники. Было бы целесообразным принять отдельное положение о проведении экспертизы в сфере национальной безопасности, где была бы четко регламентирована процедура проведения экспертиз государственно-политических (управленческих) решений в кон-

тексте их влияния на состояние национальной безопасности.

Необходимо отметить, что в последнее время правовая институционализация этого типа деятельности все же начинает появляться в доктринальных документах сферы национальной безопасности. Так, Указом Президента Украины № 389/2012 «О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 8 июня 2012 года „О новой редакции Стратегии национальной безопасности Украины”» введена в действие новая Стратегия национальной безопасности Украины (далее – Стратегия), которая предусматривает усовершенствование системы мониторинга состояния национальной безопасности Украины, в частности путем сбора, обработки и анализа информации о развитии ситуации в разных сферах национальной безопасности по определенным показателям (индикаторами) состояния национальной безопасности, оценки ситуации, прогнозирования ее развития и возможных негативных последствий. В тексте новой Стратегии среди направлений совершенствования системы обеспечения национальной безопасности Украины есть, в частности, и повышение координации и эффективности деятельности государственных органов, ответственных за реализацию внешней политики, качественное повышение их профессионализма и аналитического потенциала, улучшение ресурсного и кадрового обеспечения [7].

Для достижения целей Стратегии необходимы кардинальное реформирование сектора безопасности и обороны, совершенствование механизмов правового, организационного, интеллектуально-кадрового и ресурсного обеспечения национальной безопасности. Согласно Стратегии, институты гражданского общества осуществляют контроль за деятельностью органов государственной власти через общественную экспертизу проектов нормативно-правовых актов и концептуальных документов по вопросам национальной безопасности, участие в работе общественных экспертных советов при государственных органах, которые действуют в сфере национальной безопасности.

Таким образом, одним из важнейших инструментов использования результатов деятельности научно-экспертных организаций в государственном управлении является инструмент

общественной экспертизы. В настоящее время положения об общественной экспертизе имеют-ся в следующих нормативных актах Украины:

- Постановление Кабинета министров Украины № 1103 (1103-2009-п) от 14.10.2009 «О внесении изменений в Постановление Кабинета министров Украины № 976 от 5 ноября в 2008 г. „Об утверждении Порядка содействия проведению общественной экспертизы деятельности органов исполнительной власти”» [8];

- Закон Украины «Об экологической экспертизе» № 45/95-ВР от 9 февраля 1995 года [9];

- Закон Украины «О демократическом гражданском контроле над Военной организацией и правоохранительными органами государства» № 975-IV от 19.06.2003 г. [10].

Закон Украины «О демократическом гражданском контроле над Военной организацией и правоохранительными органами государства» содержит положение о том, что зарегистрированным в установленном порядке общественным организациям в соответствии с Конституцией Украины (254к/96-ВР) и данным Законом гарантируется возможность:

- проводить научные исследования по проблемам военного строительства, организации обороны, обеспечения безопасности страны, борьбы с преступностью, а также публичные обсуждения их результатов, создавать для этого общественные фонды, центры, коллективы экспертов и т. п.;

- проводить общественную экспертизу проектов законов, решений программ, представлять свои выводы и предложения соответствующим государственным органам для учета в ходе реформирования Вооруженных сил Украины, других составных частей Военной организации и правоохранительных органов государства;

- принимать участие в общественных дискуссиях и открытых парламентских слушаниях по вопросам реформирования и деятельности Вооруженных сил Украины, проблемам правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

В апреле 2012 года Президентом Украины был подписан Указ «Об утверждении Годовой национальной программы сотрудничества Украина – НАТО на 2012 год». В тексте Годовой программы отмечено, что с целью расширения возможностей участия граждан в формировании и реализации органами исполнительной власти государственной политики проводятся консультации с общественностью по важным вопросам государственной и общественной жизни, обеспечивается работа общественных советов при органах сектора безопасности, созданы условия для проведения институтами гражданского общества общественной экспертизы деятельности органов исполнительной власти [11].

Таким образом, можно утверждать, что в национальном законодательстве в целом сформирована правовая институционализация научно-экспертной деятельности субъектов гражданского общества относительно их участия в принятии государственно-управленческих решений.

Однако в качестве вывода необходимо отметить, что процесс правовой институционализации (на национальном и международном уровнях) научно-экспертной и консалтинговой деятельности в Украине не завершен. Решить эту проблему позволит прежде всего разработка проекта Закона Украины «О научно-экспертном обеспечении государственного управления». Цель – создание реальных механизмов участия аналитиков и экспертов в принятии государственно-управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Современный** словарь иностранных слов [Текст]. – М.: Рус. яз., 1992. – 740 с.

2. **Учебный** социологический словарь [Текст]. – 2-е изд., доп. и перераб. / общ. ред. С.А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД РФ. – М.: Анкил, 1997. – 174 с.

3. **Васіна, А.Ю.** Інституційні зміни в державному управлінні [Текст] / А.Ю. Васіна // Енцикл. словник з державного управління / уклад. Ю.П. Сурмін, В.Д. Бакуменко, А.М. Михненко та ін.; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трошинського, Ю.П. Сурміна. – К.: Изд-во НАДУ, 2010. – 820 с.

4. **Закон України** «Про наукову і науково-технічну діяльність» № 1977-ХІІ від 13.12.1991 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbuv.gov.ua/law/98_nauk.html.

5. **Постанова** Кабінету міністрів України № 996 від 3 листопада 2010 р. «Про забезпечення участі громадськості у формуванні та реалізації державної політики» [Із змінами, внесеними згідно з Постановою КМ № 1109 (1109-2011-п) від 20.10.2011] [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/996-2010-п>.

6. **Закон України** «Про наукову і науково-технічну експертизу» № 51/95-ВР від 10 лютого 1995 р. [Електронний ресурс] // Законодавство України. – Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=51%2F95-%E2%F0>.

7. **Указ Президента України** № 389/2012 «Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 8 червня 2012 р. „Про нову редакцію Стратегії національної безпеки України”» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/documents/14823.html>.

8. **Постанова Кабінету міністрів України** № 1103 (1103-2009-п) від 14 жовтня 2009 р. «Про внесення змін до Постанови Кабінету міністрів України № 976 від 5 листопада 2008 р. „Про затвердження Порядку сприяння проведенню громадської експертизи ді-

яльності органів виконавчої влади”» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/976-2008-п>.

9. **Закон України** «Про екологічну експертизу» № 45/95-ВР від 9 лютого 1995 р. [Текст] // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1995. – № 8. – Ст. 54.

10. **Закон України** «Про демократичний цивільний контроль над Воєнною організацією і правоохоронними органами держави» № 975-IV від 19.06.2003 р. [Текст] // Там же. – 2003. – № 46. – Ст. 366.

11. **Указ Президента України** № 273/2012 від 19 квітня 2012 р. «Про затвердження Річної національної програми співробітництва Україна – НАТО на 2012 рік» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/273/2012>.

REFERENCES

1. *Sovremenniy slovar' inostrannykh slov*. Moscow, Russkii iazyk, 1992. 740 p. (rus.)

2. *Uchebnyi sotsiologicheskii slovar'*. Moscow, Ankil, 1997. 174 p. (rus.)

3. **Vasina A.Iu.** Institutsiini zmini v derzhavnomu upravlinni. *Entsikl. slovník z derzhavnogo upravlinnia*. Kiev, NADU, 2010. 820 p. (ukr.)

4. Zakon Ukraini “Pro naukovu i naukovo-tekhnichnu diial’nist’” nr 1977-XII vid 13.12.1991. Access mode: http://www.nbuv.gov.ua/law/98_nauk.html. (ukr.)

5. Postanova Kabinetu ministriv Ukraini nr 996 vid 3 listopada 2010 r. “Pro zabezpechennia uchasti gromads’kosti u formuvanni ta realizatsii derzhavnoi politiki” [Iz zminami, vnesenimi zgidno z Postanovoiu KM nr 1109 (1109-2011-p) vid 20.10.2011]. Access mode: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/996-2010-p>. (ukr.)

6. Zakon Ukraini “Pro naukovu i naukovo-tekhnichnu ekspertizu” nr 51/95-VR vid 10 liutogo 1995 r. *Zakonodavstvo Ukraini*. Access mode: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=51%2F95-%E2%F0>. (ukr.)

7. Ukaz Prezidenta Ukraini nr 389/2012 “Pro rishennia Radi natsional’noi bezpeki i obroni Ukraini

vid 8 chervnia 2012 r. ‘Pro novu redaktsiiu Strategii natsional’noi bezpeki Ukraini’”. Access mode: <http://www.president.gov.ua/documents/14823.html>. (ukr.)

8. Postanova Kabinetu ministriv Ukraini nr 1103 vid 14 zhovtnia 2009 r. “Pro vnesennia zmin do Postanovi Kabinetu ministriv Ukraini nr 976 vid 5 listopada 2008 r. ‘Pro zatverdzhennia Poriadku spriannia provedenniu gromads’koi ekspertizi diial’nosti organiv vikonavchoi vladi’”. Access mode: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/976-2008-p>. (ukr.)

9. Zakon Ukraini “Pro ekologichnu ekspertizu” nr 45/95-VR vid 9 liutogo 1995 r. *Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraini (VVR)*, 1995, nr 8, st. 54. (ukr.)

10. Zakon Ukraini “Pro demokratichnii tsivil’nyi kontrol’ nad Voennoiu organizatsieiu i pravookhoronnimi organami derzhavi” nr 975-IV vid 19.06.2003 r. *Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraini (VVR)*, 2003, nr 46, st. 366. (ukr.)

11. Ukaz Prezidenta Ukraini nr 273/2012 vid 19 kvitnia 2012 r. “Pro zatverdzhennia Richnoi natsional’noi programi spivrobotnitstva Ukraina – NATO na 2012 rik”. Access mode: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/273/2012>. (ukr.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАРУТЯН Рена Рубеновна – доцент кафедры национальной безопасности Национальной академии государственного управления при Президенте Украины.

Украина, 03057, Киев, ул. Эжена Потье, 20
renata_kiev@i.ua

MARUTYAN Rena R. – National Academy of Public Administration under the Office of the President of Ukraine.

Ezhena Pottier str., 20, Kyiv, 03057, Ukraine
renata_kiev@i.ua

УДК 347.133.2

Е.В. Грибова, А.Н. Сергеева

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Elena V. Gribova, Anna N. Sergeeva

LEGAL ASPECTS OF CONCESSION AGREEMENTS

Аннотация

Развитие концессий имеет достаточно долгую историю, однако только в последнее время в России концессионные механизмы стали выступать в роли перспективного направления совершенствования управления государственной собственностью. Статья посвящена рассмотрению природы и правовых аспектов концессионных соглашений как одной из перспективных форм государственно-частного партнерства в условиях устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова

КОНЦЕССИОННОЕ СОГЛАШЕНИЕ, ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО, ПРИВАТИЗАЦИЯ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ.

Abstract

The development of the concessions has a long history, but only recently in the Russian concession arrangements were to act as a promising area of improving the management of state property. The article is devoted to consideration of the content, legal aspects and economic efficiency of concession agreements as one of the most promising forms of public-private partnerships in the context of sustainable socio-economic development.

Keywords

CONCESSION AGREEMENT, LEGAL MECHANISM, PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP, PRIVATISATION, SUSTAINABLE DEVELOPMENT.

Концессия все чаще рассматривается как главная полуприватизационная форма разгосударствления. Во многих вопросах прямая приватизация может быть чревата определенными негативными социальными, экономическими и политическими последствиями. А бесконтрольный процесс приватизации природных ресурсов влечет за собой энергетический кризис и способствует острому дефициту сырья на внутреннем рынке. Концессия природных объектов подразумевает процесс перехода прав собственности на природные ресурсы от государства в распоряжение физических и юридических лиц в предусмотренном законами порядке. Российская земля, как и другие природные ресурсы, используется и охраняется как основа жизнедеятельности проживающих на соответствующей территории народов и может находиться в различных формах собственности (частной, государственной, муниципальной и др.). Правомочия собственника на природ-

ные объекты и ресурсы ограничены в силу их особой значимости и ценности для общества, что обусловлено социально-экологическими причинами. Собственник владеет, пользуется и распоряжается землей и другими природными ресурсами свободно только в том случае, если это не наносит ущерба окружающей среде; кроме того, собственник несет бремя расходов на охрану, защиту и организацию рационального пользования находящихся в его распоряжении объектов экологических отношений.

Избежать негативных последствий приватизации природных ресурсов, а также повысить целесообразность эффективности управления государственной собственностью можно, прибегнув к особому виду партнерских отношений государства и бизнеса — концессии. Впервые концессии по использованию природных ресурсов появились в конце XVI — начале XVII века во Франции, а новый импульс к развитию они получили только в

конце XX века при всеобщем уменьшении роли государства в экономике и распространении теорий об эффективности работы частных компаний. Мировая практика последних десятилетий демонстрирует существенные положительные сдвиги в системе управления государственной собственностью. Реализованные концессионные проекты охватывают весь спектр деятельности и все уровни хозяйствующих субъектов внутри стран и затрагивают многие стороны построения их отношений с общественностью. Трансформации происходят в национальном, международном и даже глобальном масштабах на фоне действия других фундаментальных процессов формирования современной экономики, глобализации производства, интернационализации капитала, являясь одновременно их следствием и продолжением. Сейчас концессии весьма активно используются в зарубежных странах, однако в России они пока не получили широкого распространения и не являются легитимной формой хозяйствования из-за отсутствия специального законодательства, регулирующего такие отношения. Масштабная приватизация, частично уже реализованная в России (в целом же план приватизации рассчитан до 2016 года [1]), является только одним из возможных, но не единственно доступным и далеко не самым эффективным путем разгосударствления. В настоящее время в России концессионные проекты находятся на начальной стадии разработки, тогда как их развитие может стать весьма действенным методом рационального распоряжения государственной собственностью в интересах всего общества в условиях современного развития экономики.

Под концессией (от *лат.* *concessio* — уступка) в широком смысле принято понимать разрешение государства на эксплуатацию своей собственности бизнесу; при этом заключается особый договор. Разрешение на деятельность концессии связано с монопольным правом государства на некоторые ресурсы, а также на занятие определенной деятельностью. В узком смысле концессия — это договор, в котором указаны условия передачи принадлежащих государству природных ресурсов, предприятий или иных хозяйственных объектов в эксплуатацию на определенный срок иностранному государству, компании или частному лицу [2]. Концессион-

ный механизм — один из методов приватизации, при котором частный инвестор за определенную плату или фиксированный процент от прибыли получает право на дальнейшее пользование принадлежащими государству активами. Концессии не только позволяют привлечь в государственный сектор экономики дополнительные ресурсы, но и способствуют значительному притоку иностранных инвестиций.

В условиях современного развития общества и процесса либерализации всей экономической системы происходят существенные изменения как в концепции, так и в системе управления государственной собственностью. Если раньше главной формой разгосударствления выступала прямая приватизация, то сейчас превалирует концессия. Концедент (в его роли выступает государство) предоставляет концессионеру (тому, кто получает от концедента определенные права) специфическую разновидность долгосрочной и, как правило, крупномасштабной аренды, объектом которой выступает как имущество, так и право осуществления хозяйственной деятельности в различных областях. При этом концессия подразумевает, что государство передает частично или в полном объеме право на эксплуатацию природных ресурсов, объектов инфраструктуры, предприятий, оборудования и пр. Объектами такого механизма государственно-частного партнерства являются социально-значимые объекты, которые не могут быть приватизированы.

Сфера для возможности заключения концессионных соглашений весьма широка, что приводит к необходимости учитывать не только сопутствующие и регулирующие правовой режим объектов нормы, но и акты, связанные с конкретными видами деятельности использования этих объектов (см. таблицу).

Концессионные соглашения чаще всего затрагивают наиболее прибыльные сферы, поэтому, как видно из данных таблицы, лидируют системы коммунальной инфраструктуры и другие объекты коммунального хозяйства (26 концессий). С точки зрения привлекательности инвестиционной среды наиболее популярны объекты переработки и утилизации отходов, так как процессы создания и последующего содержания подобных объектов весьма трудоемки и затратны, а большинство подлежащих захоронению отходов должно подвергаться

Объекты концессионного соглашения (Россия, весна 2013 года) [3]

Название объекта	Округ										Итого
	Уральский	Северо-Западный	Западно-Сибирский	Поволжский	Центральный	Восточно-Сибирский	Дальневосточный	Северо-Кавказский	Волго-Вятский	Московский	
1. Системы коммунальной инфраструктуры и другие объекты коммунального хозяйства, в том числе:	9	5	1	3	3	2	1	—	1	1	26
• объекты переработки и утилизации (захоронения) бытовых отходов	3	2	1	—	2	1	—	—	—	—	9
• централизованные системы горячего водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем	4	—	—	2	—	1	1	—	1	1	10
• объекты теплоснабжения	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
• объекты, предназначенные для освещения территорий городских и сельских поселений, благоустройства территорий, а также объекты социально-бытового назначения	—	2	—	1	1	—	—	—	—	—	4
• объекты газоснабжения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
• объекты энергоснабжения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
2. Объекты по производству, передаче и распределению электрической и тепловой энергии	3	4	3	—	—	2	2	1	—	—	15
3. Объекты образования, культуры, спорта	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
4. Автомобильные дороги или их участки; защитные и искусственные дорожные сооружения; производственные объекты, используемые при капитальном ремонте, ремонте, поддержании автомобильных дорог; элементы обустройства автомобильных дорог; объекты, предназначенные для взимания платы; объекты дорожного сервиса	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3
5. Прочие объекты, предусмотренные ст. 4 Федерального закона РФ от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0

специальной процедуре безопасного уничтожения. Стоит отметить, что по данному вопросу возникает много судебных тяжб в связи с недобросовестностью частных предпринимателей и негосударственных компаний, в целях увеличения прибыли упрощающих соответствующие достаточно дорогостоящие процедуры по переработке, что может нанести урон окружающей природной среде.

К одному из наиболее развитых объектов концессионных соглашений относится сфера

энергетики. Данное направление, являясь самым безопасным, обладает невысокой и стабильной рентабельностью при среднем показателе исходных затрат.

Ввиду изначальных особенностей концессий (в роли исполнителя выступает частное лицо) значительный интерес вызывают соглашения, имеющие при максимальной рентабельности минимальный срок окупаемости. Наибольшее развитие в связи с этим получают соглашения в области ЖКХ, причем львиная

доля всех соглашений (около 20 %) приходится как раз на создание и обслуживание объектов по переработке и утилизации бытовых отходов. Финансовые выгоды от подобных проектов изначально весьма невысоки. В процессе обслуживания большая часть отходов должна проходить длительный процесс утилизации, чтобы свести к минимуму возможность причинения вреда окружающей среде. Необходимость специальной программы как обработки, так и очистки очевидна, однако общая сумма такого проекта будет велика для заказчика и исполнителя. Государство не относит данное направление к числу рентабельных, поэтому с неохотой отдает работу в частные руки. Заключение соглашений подобного рода с недобросовестными исполнителями может привести к тяжелым последствиям и различного рода судебным разбирательствам. Согласно статистике, наиболее распространенным основанием для признания заключенного соглашения недействительным является отсутствие титула концедента на объект концессии (4 из

20 рассмотренных дел). Для осуществления всестороннего контроля за исполнением концессионного соглашения и обеспечения экологической безопасности на соответствующей территории правительство вынуждено прибегать к помощи различного рода экспертов [4], в данном случае в области экологии и природопользования.

Мировая практика последних десятилетий свидетельствует о существенных положительных изменениях в системе управления государственной собственностью. Избежать негативных последствий приватизации природных ресурсов, а также повысить целесообразность эффективности управления госсобственностью помогает особый вид партнерских отношений государства и бизнеса — концессии. Таким образом, при наличии значительных разведанных, но не разрабатываемых запасов природных ресурсов выгода от применения концессионного механизма очевидна — подобные соглашения позволяют привлечь финансовые и технические средства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Правительство** утвердило план приватизации до 2016 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/83371-pravitelstvo-utverdilo-plan-privatizatsii>.
2. **Фокин, Н.И.** Экономический толковый словарь «В начале было слово» [Электронный ресурс] / Н.И. Фокин. — Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru/word/>.
3. **Центр** развития государственно-частного партнерства. Судебная практика, концессионные

соглашения. Март, 2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pppcenter.ru/assets/files/Anons/Концессионные_соглашения_судебная_практика.pdf.

4. **Правительство Калужской области.** Постановление от 22.02.2012 г. № 82 «О концессионном соглашении в отношении объектов переработки и утилизации (захоронения) бытовых отходов на территории Калужской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/23/1656140>.

REFERENCES

1. The privatization plan of the Government until 2016. Access mode: <http://www.forbes.ru/news/83371-pravitelstvo-utverdilo-plan-privatizatsii>.
2. **Fokin N.I.** Economic Dictionary “In the beginning was the word”. Access mode: <http://dictionary-economics.ru/word/>.
3. Centre for Development of public-private partnerships. Judicial practice, the concession agree-

ment. March, 2013. Access mode: http://pppcenter.ru/assets/files/Anons/Концессионные_соглашения_судебная_практика.pdf.

4. The Government of the Kaluga region. Judgment of 22.02.2012, nr 82 “On the concession agreement for the processing and disposal facilities (disposal) of waste in the Kaluga region”. Access mode: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/23/1656140>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ГРИБОВА Елена Викторовна – аспирант кафедры экономической теории и инвестирования Московского государственного университета экономики, статистики и информатики.

Россия, 119501, Москва, ул. Нежинская, 7
elenagribova@mail.ru

GRIBOVA Elena V. – *Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics.*

Nezhynskaya str., 7, Moscow, 119501, Russia
elenagribova@mail.ru

СЕРГЕЕВА Анна Николаевна – аспирант кафедры математической статистики и эконометрики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики.

Россия, 119501, Москва, ул. Нежинская, 7
anna-mesi2013@mail.ru

SERGEEVA Anna N. – *Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics.*

Nezhynskaya str., 7, Moscow, 119501, Russia
anna-mesi2013@mail.ru

УДК 378.147

М.А. Аконова, О.С. Шишигина

**РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ**

Maria A. Akopova, Olga S. Shishigina

**DEVELOPMENT AND APPLICATION OF A NEW METHOD
TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES FOR SCIENTIFIC PURPOSES
AT TECHNICAL UNIVERSITY**

Аннотация

Предложена методика обучения английскому языку, ориентированная на изучение общетехнических вопросов с использованием программы Mathcad. В основу методики положена учебная ситуация, моделирующая участие студентов в международной научной конференции как средство повышения мотивации к изучению иностранного языка. Приведены данные анкетирования и тестирования студентов, подтверждающие эффективность предлагаемой методики.

Ключевые слова

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ, АНГЛОЯЗЫЧНАЯ НАУЧНАЯ РЕЧЬ, MATHCAD, ТЕХНИЧЕСКИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ.

Abstract

This paper covers a new teaching method, aimed at studying general technical topics with mathematical software package Mathcad used as the main technical mean. The method is based on students' participation at a model of international conference, which significantly raises their motivation level for learning Foreign Languages for Scientific Purposes. Survey and test data prove this method's effectiveness.

Keywords

TEACHING METHODS, ENGLISH LANGUAGE FOR SCIENTIFIC PURPOSES, MATHCAD, TECHNICAL SPECIALITIES.

Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения рассматривают задачу формирования практических навыков англоязычной научной письменной и устной речи у студентов технических специальностей в качестве необходимого условия их успешной профессиональной деятельности.

Современные студенты осознают значимость владения научным английским языком как средством международного общения, способствующим профессиональной мобильно-

сти и конкурентоспособности специалистов, и понимают перспективы участия в международных академических программах, учебы в зарубежных университетах, работы за границей. Но эти намерения часто не осуществляются из-за отсутствия у учащихся опыта научной коммуникации, знания правил написания и оформления тезисов и статей, умения составлять презентации на иностранном языке. В современном мире только публикация на английском языке может обеспечить признание новой идеи,

метода, технического решения, а большинство студентов не в состоянии пользоваться английским языком в профессиональных целях.

К настоящему времени иноязычный научный стиль речи подробно и полно теоретически изучен как один из функциональных стилей в рамках стилистики (Л.Б. Алексеева, Н.Э. Аносова, Ю.А. Комарова [2], Т.Н. Рыбина [3], И.А. Авхачева, Л.Н. Смирнова, С.М. Костенко, И.Б. Борковская, Т.И. Леонтьева, Т.Н. Михельсон, Н.В. Успенская, Н.К. Рябцева [4]). Эти знания создают основу для отбора содержания и структуры обучения, типов упражнений и т. д. Но при всей значимости проведенных исследований прикладной аспект данного вопроса остается открытым для дальнейших исследований.

Задачей преподавателя иностранного языка является расширение иноязычных научно-профессиональных компетенции студента, помощь в публикации научных достижений в зарубежных изданиях или представлении результатов исследований на международных конференциях. Однако преподавателю, имеющему гуманитарное образование, очень сложно «перестроиться» с традиционной гуманитарной и общенаучной тематики на сугубо технические дисциплины.

Сегодня разработаны методики профессионально ориентированного обучения иноязычной научной речи для отдельных узких специальностей. Но технических специальностей много, поэтому подготовить индивидуальный учебно-методический материал для каждой из них – трудоемкая задача, требующая специальной технической подготовки. Учебно-методические комплексы будут требовать постоянного обновления и дополнения, чтобы соответствовать современному уровню конкретной технической специальности. Подобные учебные курсы имеют право на существование при условии, что их автор – технический специалист с отличным знанием иностранного языка. При обучении иноязычной научной речи в техническом университете требуются общие методики для широкого круга технических специальностей, доступные для преподавателей-гуманитариев. Учебный материал должен отбираться по глобальным темам без жесткой привязки к конкретному техническому вопросу, поскольку информация в современном мире устаревает очень быстро.

Выбор эффективных технических средств обучения – это еще одна проблема. В настоящее время наиболее часто используются средства мультимедиа и компьютерные программы типа Microsoft Word и Power Point. Они, несомненно, расширяют возможности преподавателя и эффективны для преподавания предметов гуманитарного цикла, но недостаточны для обучения будущих технических специалистов.

Формирование навыков научной речи по специальности студента предлагается осуществлять, моделируя его участие в предполагаемой международной научной конференции с английским в качестве рабочего языка. На основе собственного или выбранного из материалов конференции научного текста студент проходит все этапы конференции (подача заявки; заполнение анкеты; подготовка тезисов доклада; устранение замечаний рецензента, тоже студента; ответы на его замечания; подготовка презентации доклада; выступление с ним; научная дискуссия с преподавателем и со своими товарищами).

В методике обучения научной речи можно выделить два уровня. На первом уровне формируются навыки иноязычной технической речи по общетехническим предметам (математике, физике, электротехнике), уже освоенным студентами на родном языке. Базовыми являются упражнения по «озвучиванию» математических операций с корнями, дробями, степенями, векторами, матрицами. Студенты учатся произносить буквы греческого алфавита и описывать инженерные задачи, включающие решение уравнений, проведение циклических расчетов, построение 2D- и 3D-графиков и др. Хотя при изучении иностранного языка нас не интересует техническая сторона проблемы, техническое решение должно быть правильным. Требовать же от преподавателя иностранного языка, чтобы он вычислял дроби и степени, строил графики и изучал математику для подбора материала, непродуктивно. Решение данной проблемы можно найти в использовании математического пакета Mathcad в качестве технического средства обучения.

Математический пакет Mathcad выбран для изучения математической лексики, поскольку миллионы ученых, инженеров и студентов по всему миру пользуются им для технических расчетов. Этот пакет дает возможность набрать текст,

формулы, построить графики, произвести вычисления, а встроенный учебник на английском языке содержит множество примеров. В рамках изучения английского языка нас интересуют не сами технические операции и решение задач, а точное произношение названий основных математических операций (см. табл. 1).

Таким образом, используя Mathcad как общепринятый электронный учебник по математике, редактор научного текста, средство вычислений, не требующее специальной подготовки и доступное каждому, мы занимаемся только своими задачами, связанными с обучением английской научной речи.

Научная визуализация – чертежи, диаграммы и схемы, 2D- и 3D-графики – дополняет научные тексты. Современный студент должен уметь их строить, задача преподавателя иностранного языка – научить его описывать элементы.

Работа в командах является эффективным методическим приемом для закрепления полученных знаний. Один из студентов дает команды на английском языке по изменению различных характеристик, таких как вид графика, цвет, заливка и т. п. Предположим, что испытуемый студент не понимает команды. В глазах товарищей неумение, например, *to change graph color from green to black* или *to draw light grey grid lines for all axes* или *set the axes at the front perimeter of the*

plot и т. п. – признак отсталости в престижной для студентов компьютерной сфере, что в соответствии с законами психологии заставит студента серьезнее относиться к нашим занятиям. Полагаем, что по завершении первого уровня обучения учащийся сможет описать аудитории техническую проблему и пояснить формулы и графики, находящиеся на слайдах презентации.

Задача второго уровня – изучение аспектов англоязычной научной речи, связанных с технической специальностью студента, на основе методик профессионально ориентированного обучения. Подобные курсы разработаны с участием специалистов только для некоторых специальностей. Главной проблемой здесь является то, что научных специальностей много, они быстро развиваются, поэтому профессионально обсуждать каждую из них преподаватель иностранного языка не может. Предлагаем выбирать темы, которые, имея глобальное значение, входили бы в перечень приоритетных направлений развития науки, были бы интересны и дискуссионны, имели бы публикации научно-популярного характера. Список тем подлежит обсуждению, мы же выбрали следующие: молния и молниезащита, электромагнитный терроризм, электромагнитная экология, проблемы климата, космос, робототехника, облачные вычисления. Изучение подобных тем позволяет учащимся развивать свой научный кругозор, формировать

Таблица 1

Примеры описания математических операций

Example	
$2 + x + \sqrt{4 + x^2} = 10$	Two plus x plus the square root of four plus x squared is equal to ten
$A = \frac{\frac{b}{c}}{\frac{d}{e}} = \frac{be}{cd}$	A is equal to the ratio of b divided by c to d divided by e is equal to the ratio of the product be divided by the product cd
$h = b\sqrt{\cos^2 o + \sin^2 o} = f$	h is equal to b square root out of cosine square o plus sine square o is equal to f
$\int \frac{\sqrt{a^2 - c^2}}{dv}$	Integral of the square root out of a square minus c square over (divided by) dv
$A_d = \frac{m^2 L^2}{u_p [n^2 o^2 + T_2 (T_1 + \frac{t^2 L^2}{u_p})]}$	A d-th is equal to m square L square divided by u p-th square brackets opened n square o square plus T second round brackets opened T first plus t square L square divided by u p-th round and square brackets closed

общетехнические навыки, закрепить умение поддерживать дискуссию на иностранном языке. Кроме того, здесь легко можно выделить проблемные ситуации, при преодолении которых учащиеся имеют возможность проявить такие важные качества, как инициативность, самостоятельность, познавательная активность. Анализ и обсуждение ситуации требуют осмысления, понимания и закрепления учебной информации в памяти студентов, что, собственно, и является задачей обучения.

В начале курса учащимся предлагается ответить на ряд вопросов, чтобы установить их мотивацию к изучению английского технического языка. Вопросы анкеты касаются роли английского языка в профессиональной деятельности, основных видов речевой деятельности и функциональных стилей, оценки своих способностей, а также знаний, умений и навыков, которыми студенты хотели бы овладеть. В ней используются различные вопросы открытого и закрытого типа. Например, при ответе на вопрос «Какие возможности дает знание английского языка?» учащиеся должны распределить шесть вариантов ответа по шкале от 1 до 6, начиная с наиболее важного (см. табл. 2).

Анализ ответов учащихся показывает, что приоритетной задачей обучения для большинства из них является карьера: 24 % опрошенных поставили вариант «Устроиться на высокооплачиваемую работу» на 1-е место, 19 % – на 2-е. Те учащиеся, которые уже начали профессиональную деятельность, рассматривают улучшение уровня владения английским языком в качестве значительного толчка для своего карьерного роста (16 %). Что касается варианта ответа «Читать литературу, слушать музыку и смотреть телевизионные каналы на английском языке», то лишь 8 % опрошенных поставили его на 1-е место, а 24 % – на предпоследнее. Получается, что студентов технических специальностей мало интересует бытовая сторона использования иностранного языка. Знание английского языка не рассматривается студентами и как средство повышения социального статуса и самооценки (41 % опрошенных поставили данный вариант ответа на последнее место), хотя с возрастом они, возможно, изменят свое мнение. Из ответов видно, что почти четверть (24 %) опрошенных стремятся к учебе и работе за границей и ровно столько же твердо намерены остаться в России.

Интересны также ответы учащихся на вопрос с открытым ответом «Какие знания, умения и навыки Вы ожидаете получить от курса английского языка, обучаясь в магистратуре?» (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 2

Ответы студентов на вопрос «Какие возможности дает знание английского языка?»

Варианты ответа	Распределение ответов по шкале от 1 до 6, %					
	1	2	3	4	5	6
1. Устроиться на высокооплачиваемую работу	24	19	24	14	14	5
2. Растить в профессиональном плане	16	27	27	11	14	5
3. Общаться с иностранцами	22	16	14	24	11	14
4. Читать литературу, слушать музыку и смотреть телевизионные каналы на английском языке	8	19	19	19	24	11
5. Повысить свой социальный статус и самооценку	5	11	0	19	24	41
6. Учиться и работать за границей	24	8	16	14	14	24

Т а б л и ц а 3

Ответы студентов на вопрос «Какие знания, умения и навыки Вы ожидаете получить от курса английского языка, обучаясь в магистратуре?»

Варианты ответа	Ответы, %
1. Общение на актуальные технические темы	41
2. Навыки общения в профессиональной сфере деятельности	35
3. Написание научных текстов	16
4. Навыки устного научного общения, научной дискуссии	16
5. Понимание специальной профессиональной литературы	14
6. Умение воспринимать английскую речь на слух	5
7. Расширение словарного запаса по специальности	16
8. Расширение словарного запаса общей лексики	11
9. Закрепление правил английской грамматики	11
10. Не определился	19

Анализ ответов показывает, что магистранты технических специальностей в наибольшей степени заинтересованы в развитии навыков говорения на общетехнические темы (41 %), которые соответствуют их интересам и могут быть полезны в процессе неформального общения с иностранными коллегами. На 2-м месте оказалось приобретение навыков общения в профессиональной сфере деятельности (35 %). Значительная часть опрошенных студентов (16 %) рассчитывают научиться писать научные тексты и вести научную дискуссию.

Согласно итогам анкетирования, заинтересованность студентов в изучении англоязычной научной речи высокая, что является хорошей предпосылкой для обучения.

Апробация методики обучения английской научной речи проводилась в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете на машиностроительном, радиофизическом, физико-механическом, инженерно-строительном факультетах и на факультете технической кибернетики в 2013 году. Экспериментом были охвачены магистранты 1-го года обучения (54 человека), которые были разделены на две группы – контрольную и экспериментальную. Обучение в контрольной группе проводилось на основе методических материалов зарубежных и русских авторов: Michael McCarthy, Felicity O'Dell «Academic Vocabulary in Use»; Расторгуева Л.А. «Science and Engineering»; Киселева Л.П., Микулина Л.Т. «English for young researchers»; Virginia Evans «CPE. Use of English».

Экспериментальная группа обучалась по специально разработанному учебному пособию [1], в котором были использованы только аутентичные материалы (основные источники – Интернет, американские и британские научно-популярные издания, материалы международных научных конференций). Техническим средством обучения был выбран математический пакет Mathcad.

В конце курса проводился контроль знаний. Студенты контрольной группы представляли доклад на научную тему по специальности. Уроки проходили вяло. Студенты готовили собственный доклад, но не принимали участия в дискуссиях. Преподаватель, не будучи специалистом в данной технической тематике, был не в состоянии создать рабочую атмосферу. Как уже отмечалось, это главная проблема,

которая возникает при изучении технической речи на занятиях английского языка под руководством преподавателя-гуманитария. Преподавание узкоспециализированных технических курсов на иностранном языке – это очень трудоемкая для преподавателя и часто мало интересная для студента процедура.

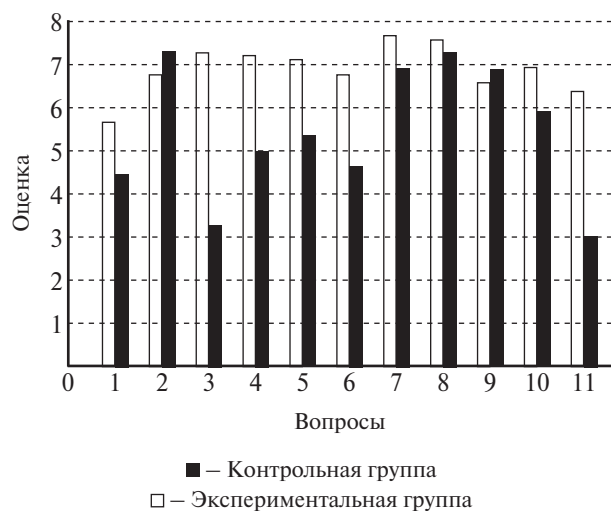
Учащиеся экспериментальной группы целенаправленно готовились к участию в международной конференции и имели ясную цель – подготовить тезисы и презентации с выступлением в аудитории. В больших группах, где всех заслушать невозможно, часть студентов готовили научные статьи (некоторые – с целью реальной публикации). Темы докладов предлагали студенты. Назначались оппоненты (тоже студенты), предварительно изучившие доклад своего товарища и подготовившие вопросы. В результате по завершении доклада разворачивалась дискуссия (на английском языке) с участием значительной части группы. Предполагаем, что это обеспечивает достаточно высокий научный уровень обсуждения. Ситуация, когда студент дает неверную техническую трактовку явления, а преподаватель лишь поправляет стилистическое оформление, здесь маловероятна. Выступая в той или иной роли (докладчика, оппонента, члена комиссии по оценке доклада), студенты активно и с интересом работают в течение всего занятия. Преподаватель выступает только в качестве организатора дискуссии. Таким образом, ролевая игра на тему участия в международной научной конференции позволила существенно повысить интерес студентов и управляемость процессом обучения.

Для оценки качества обучения в контрольной и экспериментальной группах было проведено тестирование, включавшее аудирование, вопросы на знание математических терминов и операций, правил словообразования, научной лексики и грамматики. Были предложены вопросы открытого и закрытого типа с одним и множеством вариантов. В качестве примера можно привести простое задание: «Give the algebraic expression for point five six plus two to the sixth power, over cube root of nine» с вариантами ответов: а) $0,56 + 6^2 / \sqrt[3]{9}$; б) $\frac{5,6 + 2^6}{\sqrt{9}}$; в) $\frac{0,56 + 2^6}{\sqrt[3]{9}}$.

Анализ результатов показал, что в большинстве вопросов (кроме 2-го и 9-го) средний

результат экспериментальной группы (6,88) выше, чем аналогичный в контрольной группе (5,46) на 26 %, что существенно (см. рисунок).

Современный мир предъявляет все более высокие требования к техническим специа-

Оценки тестирования по вопросам в контрольной и экспериментальной группах

листам, владеющим международным языком науки – английским. Поэтому обучение студентов английской научной речи (письменной и устной, в форме разных жанров) для профессионального общения становится важной задачей дисциплины «Иностранный язык» в техническом университете. Предложенная методика обучения научной речи моделирует участие студента в международной конференции. Хорошей предпосылкой для применения данной методики является высокая заинтересованность студентов в изучении англоязычной научной речи. На первом этапе обучения у студентов формируются навыки и умения иноязычной научной речи по общетехническим предметам (прежде всего по математике, являющейся основой технических знаний). В рамках дисциплины «Иностранный язык» нас интересует лишь «словесный» элемент заданий, но благодаря Mahcad мы имеем технически грамотные примеры. На втором этапе формируются навыки и умения научной речи по специальности студента с опорой на глобальные общетехнические темы, актуальные для всех специальностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шишигина, О.С.** Английский язык [Текст]: учебное пособие для магистрантов технических направлений / О.С. Шишигина; под ред. М.А. Акоповой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 167 с.
2. **Комарова, Ю.А.** Дидактическая система формирования научно-исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последиplomного образования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Ю.А. Комарова. – СПб., 2008.
3. **Рыбина, Т.Н.** К вопросу об обучении научной речи на английском языке слушателей

факультета повышения квалификации [Текст] / Т.Н. Рыбина // Обучение иностранным языкам (Материалы для специалиста образоват. учреждения) / под ред. М.К. Колковой. – СПб.: Каро, 2003. – С. 296–310.

4. **Рябцева, Н.К.** Научная речь на английском языке [Текст]: руководство по научному изложению; словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики: новый словарь-справочник активного типа / Н.К. Рябцева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Флинта : Наука, 1999. – 598 с.

REFERENCES

1. **Shishigina O.S.** Angliiskii iazyk. Posobie dlia magistrantov tekhnicheskikh napravlenii. Pod red. M.A. Akopovoi. St. Petersburg, Publ. Polytechnical Univ., 2013. 167 p. (rus.)
2. **Komarova Iu.A.** Didakticheskaiia sistema formirovaniia nauchno-issledovatel'skoi kompetentnosti sredstvami inostrannogo iazyka v usloviakh poslediplomnogo obrazovaniia. Avtoref. dis. ... dokt. ped. nauk. – St. Petersburg, 2008. (rus.)
3. **Rybina T.N.** K voprosu ob obuchenii nauchnoi rechi na angliiskom iazyke slushatelei fakul'teta povyshe-

niia kvalifikatsii. *Obuchenie inostrannym iazykam (Materialy dlia spetsialista obrazovatel'nogo uchrezhdeniia)*. Pod red. M.K. Kolkovoi. St. Petersburg, Karo, 2003. Pp. 296–310. (rus.)

4. **Riabtseva N.K.** Nauchnaia rech' na angliiskom iazyke. Rukovodstvo po nauchnomu izlozheniiu; slovar' oborotov i sochetamosti obshchenauchnoi leksiki: novyi slovar'-spravochnik aktivnogo tipa. Ros. akad. nauk, In-t iazykoznaniiia. Moscow, Flinta, Nauka, 1999. 598 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АКОПОВА Мария Алексеевна – директор Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заведующий кафедрой лингводидактики и перевода; доктор педагогических наук, профессор.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
lingva@mail.spbstu.ru

АКОРОВА Maria A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
lingva@mail.spbstu.ru

ШИШИГИНА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
olga-shishigina@mail.ru

SHISHIGINA Olga S. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
olga-shishigina@mail.ru

УДК 378.147

В.Н. Кругликов

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Viktor N. Kruglikov

INTERACTIVE LEARNING IN HIGHER EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Аннотация

В статье рассмотрены особенности подходов, реализуемых в рамках теорий интерактивного и активного обучения в свете новых требований федерального государственного образовательного стандарта по обязательному использованию форм интерактивного обучения при подготовке специалистов. Дан анализ существующей практики использования различных методов активного обучения как средства реализации концептуальных положений рассматриваемых теорий, а также перспектив широкого внедрения интерактивного обучения в практику обучения студентов.

Ключевые слова

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ, АКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ, МЕТОДЫ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ.

Abstract

The article discusses features of the approaches implemented within the framework of theories of interactivity and active learning in the light of new requirements on the mandatory use of the GEF as an interactive learning in training. The article also analyzes the current practice of using different methods of active learning, as a means of implementing the conceptual provisions of the theories and perspectives of a wide introduction of interactive learning in teaching students.

Keywords

INTERACTIVE EDUCATION, ACTIVE LEARNING; FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS, ACTIVE LEARNING METHODS.

Современная педагогика опирается на образовательную парадигму, которая отрицает понимание человека как пассивного объекта воспитательного воздействия, чей уровень освоения программы обучения обусловлен деятельностью субъектов образовательного процесса в лице преподавательского состава и управленческого звена образовательного учреждения. Традиционная практика обучения в вузе далеко не всегда соответствует этому требованию. Несмотря на то что активные методы обучения, направленные на активизацию учебной деятельности обучающихся, за последние десятилетия приобрели статус привычных, известных и в какой-то степени обыденных средств обучения, их использование носит не систематический характер. Этим вызвано включение в об-

разовательные стандарты третьего поколения обязательного требования по проведению не менее 25 % аудиторных занятий в бакалавриате и 40 % в магистратуре с использованием интерактивных форм обучения, а также введение дисциплины «Интерактивные формы профессионального обучения» в программу подготовки студентов по «психолого-педагогическому направлению».

В связи с тем, что введение данного требования для многих вузов оказалось полной неожиданностью, возникает вопрос о готовности вузов и профессорско-преподавательского состава к столь широкому использованию интерактивных форм обучения. Ответить на него можно, проанализировав особенности интерактивных методов и многолетнюю практику

использования интерактивного и других видов активного обучения в вузах. Целью данной статьи является анализ проблем массового внедрения интерактивного обучения в практику вузов на основе обобщения опыта работы профессорско-преподавательского состава кафедры инженерной педагогики и психологии Института гуманитарного образования СПбГПУ.

В свете исследуемых явлений уточним, **что следует понимать под интерактивным обучением**. Термин *интерактивное обучение* (ИО) в современном значении (как обучение, основанное на взаимодействии) появился в отечественной педагогике сравнительно недавно. Прежде под ИО понималось исключительно обучение, осуществляемое с использованием компьютерных технологий, дистанционное обучение, а также обучение с элементами виртуального присутствия и общения, основанное на целенаправленном внедрении в образовательный процесс таких технологий, как сетевые коммуникации, кабельное и спутниковое телевидение, видеоконференции, телефорумы, телемарафоны. В такой трактовке термин сохранил свое значение и используется как в отечественной, так и в зарубежной практике. Поэтому ИО следует рассматривать в двух ипостасях: во-первых, как обучение, основанное на непосредственном взаимодействии, диалоге, общении учащегося с социальным окружением в образовательной среде, во-вторых, как обучение, основанное на общении, опосредованном компьютером и другими телекоммуникационными средствами.

Нас в большей степени интересует первое название ИО. В основе теоретических подходов, которые сегодня используются в первую очередь для его описания, лежит представление о том, что существует несколько моделей обучения:

- *пассивная*, при которой ученик является объектом педагогического воздействия, пассивным приемником информации; от него не требуется проявления какой-либо активности, инициативы, творчества. Эта модель соответствует так называемой «школе памяти»;
- *активная*, характеризующаяся активной самостоятельной деятельностью ученика по освоению учебного материала;
- *интерактивная*, при которой приоритет отдается взаимодействию ученика и учителя, ученика и ученика, ученика и интерактивной обучающей системы.

Очевидно, что такая трактовка не совпадает с традиционным, сложившимся за последнее время представлением об активном обучении. В теории и практике активного обучения самостоятельная деятельность учащихся рассматривается как один из элементов, один из принципов организации обучения. В числе других базовых принципов – диалоговый подход, групповое обучение и т. д. [1, 2]. С позиций активного обучения ИО, используя весь багаж наработок активного обучения, в наибольшей степени акцентирует внимание на использовании указанных двух принципов активного обучения – диалогового подхода и группового обучения, не отрицая при этом и остальные принципы активного обучения. При этом теоретические подходы к ИО подкрепляются практикой с использованием всей гаммы методов и средств, разработанных ранее в русле теории активного обучения. К методам ИО относят все методы, за которыми давно закрепилось название *методов активного обучения* (МАО).

Таким образом, представляется логичным рассматривать ИО как одно из направлений, как одну из теорий семейства теорий, которые можно определить как теории активного обучения. Объединение их обусловлено использованием одних и тех же принципов, общих подходов и методов обучения. К этому семейству теорий помимо ИО мы относим также проблемное, программированное, игровое обучение и собственно активное обучение, реализуемое в рамках контекстного, мотивационно-деятельностного [2] и других подходов.

Повседневная жизнь высшей школы, конечно, в первую очередь связана не с теорией, а с практикой обучения. В рассматриваемой проблеме нас прежде всего интересует использование методов активного или интерактивного обучения, что одно и то же. Если проанализировать, **насколько распространено применение методов активного обучения**, кто из преподавателей вузов знает, слышал, может быть, когда-то использовал активные методы в своей деятельности, то можно с уверенностью сказать, что почти все о них знают. С практикой дело обстоит намного хуже. Опыт общения с преподавателями вузов на конференциях, на курсах повышения квалификации показывает следующее:

1. Четкого представления о том, что такое ИО, нет ни у кого! Это объясняется отсутстви-

ем глубоких теоретических разработок данного направления активного обучения.

2. Представление о МАО (деловые и дидактические игры, ролевые игры, тренинги) имеют многие преподаватели, но на практике их регулярно используют только гуманитарии, в первую очередь преподаватели психолого-педагогических направлений, для которых использование деловых игр и тренингов стало нормой деятельности.

3. Преподаватели технических дисциплин в подавляющем большинстве МАО не используют, интерактивными методиками не владеют и не видят в этом особого смысла.

4. Некоторые преподаватели (по опросу, проведенному на курсах повышения квалификации), в том числе гуманитарных направлений, отрицательно относятся к активному обучению и считают его никому не нужной и даже вредной выдумкой, а введение ИО в качестве обязательной формы проведения занятий – вредной инициативой. По мнению последних, обучение в вузе – это труд и обучающиеся должны трудиться, а использование игр, тренингов и других методов ИО только расслабляет и дезориентирует студентов.

Такое отношение к использованию МАО обусловлено несколькими хорошо известными причинами.

Во-первых, теории активного обучения, особенно ИО, пока не получили достаточно глубокой теоретической проработки и распространения, а его введение в практику вузов не было подготовлено ни информационно, ни практически и носило неожиданный характер.

Во-вторых, использование МАО требует от преподавателя изменения привычной позиции. Традиционную авторитарную позицию преподавателя, непререкаемого авторитета, излагающего некоторые истины, подлежащие запоминанию, но никак не обсуждению или оспариванию, необходимо сменить на позицию менеджера – организатора образовательного действия. Организатора, готового не только к любым ситуациям, изменению хода занятия, но и настолько подготовленного, что его не могут смутить любые, самые неожиданное и каверзные вопросы учащихся, как по теме занятия, так и не совпадающие с ней, готового использовать эти вопросы для достижения основной цели занятия – всестороннего рассмотрения темы и глубокого пони-

мания учащимися рассматриваемых проблем. Далеко не все преподаватели хотят и стремятся к такому изменению их роли, поскольку это трудоемко, требует приобретения новых навыков, это эмоционально более затратно. Не все преподаватели по своим качествам способны перейти на использование ИО.

В-третьих, применительно к преподавателям технических дисциплин, далеко не все преподаватели знают эти методы, понимают их значение и имеют навыки использования. В нашей стране до сих пор существует представление, что человек с высшим образованием, например инженер, может быть преподавателем вуза без какой-либо специальной подготовки. Несмотря на наличие курсов повышения квалификации, дисциплин психолого-педагогической направленности в рамках основного курса обучения по профессии, которые изучаются поверхностно, преподаватели технических дисциплин не получают необходимой педагогической подготовки. Большинство из них осваивает педагогику самостоятельно, на основе личного опыта и перенимая опыт старших товарищей, таких же преподавателей технических дисциплин. Регулярную переподготовку такие преподаватели традиционно проходят по специальности, а не по психолого-педагогической направленности, что лишает их возможности получения систематизированных современных знаний в этой области. Это порождает пренебрежительное отношение к теории и специализированным методам обучения, консервирует существующие подходы к подготовке специалистов технического профиля, препятствует введению любых изменений в процесс обучения. Очевидно, что это будет препятствовать и расширению использования ИО в обучении специалистов технического профиля.

Преподаватели вузов в своей практике используют различные методы активного обучения. **Какие из МАО наиболее популярны**, сказать трудно, все зависит от профиля подготовки, индивидуального опыта и склонностей преподавателей, некоторых внешних факторов. В общем случае преподаватели гуманитарных направлений используют практически весь спектр известных методов. Наибольшее распространение получили тренинги, деловые и дидактические игры, дискуссии и семинары, кейсы. Лекции проводятся преимущественно в

виде лекций-бесед, лекций-дискуссий, лекций с демонстрациями и экспериментами. На экономических факультетах чаще всего используются кейсы, бизнес-симуляции, ситуационные игры, анализ конкретных ситуаций.

Преподаватели технических дисциплин эпизодически используют элементы игрового проектирования, «мозговой штурм», семинары и дискуссии, проблемные лекции.

В практике бизнес-обучения используют тренинги, кейсы, бизнес-симуляции и деловые игры.

При этом следует оговориться: перечисляя используемые на практике методы, мы не учитывали, что каждый из методов может включать в себя другие методы, как мелкие, так и крупные, в качестве самостоятельных элементов.

Анализ теоретических предпочтений преподавателей, использующих МАО в своей практике, свидетельствует, что теории активного обучения нельзя отнести к числу популярных. Их пик популярности, видимо, уже прошел, и сегодня многие из этих теорий неоправданно забываются. Наиболее ярко это проявляется в отношении теории программированного обучения. Бум развития компьютерных технологий, дистанционного обучения практически не затронул теоретических разработок, представленных в рамках теории программированного обучения. Разработчики программного обеспечения для дистанционного обучения часто не знают и не учитывают результаты исследований, полученных в рамках данной теории, полученные эмпирические данные, иногда даже не знают, что такая теория существует.

Другие теории активного обучения также используются, по нашему мнению, недостаточно широко. При подготовке диссертационных работ кандидаты часто ограничиваются теми теориями, которые получили какое-то распространение в конкретном вузе, на конкретной кафедре, и не стремятся к глубокому анализу всего спектра разработок по исследуемому направлению. Ситуация усугубляется отсутствием современных разработок в области активного обучения, а старые работы часто недоступны. Поэтому развитие многих теорий активного обучения сегодня неоправданно прекратилось или приостановилось, а те работы, которые публикуются, не редко носят поверхностный характер.

Рассматривая вопросы активизации обучения, нельзя не учитывать, **как активное обучение согласуется с существующей организацией обучения.** Классно-урочная система на сегодня является основной, а по сути единственной формой организации обучения и в школе, и в техникуме, и в вузе. Будучи разработанной еще в XIX веке, она оказалась столь удачной, что сохранилась в большинстве стран мира до наших дней без существенных изменений, несмотря на смену властей, форм экономического и политического устройства стран, различие целей образования и изменения уровня преподавания. Система также практически не чувствительна к научным или техническим революциям. Спрашивается, насколько она пригодна сегодня и как согласуется с применением интерактивных форм обучения? Для ответа на эти вопросы нужно определить наиболее характерные особенности организации занятий интерактивного типа. К ним мы относим:

- групповую работу (диады, триады, команды) как основную форму организации взаимодействия учащихся;
- диалоговое общение (дискуссии, выступления, прения);
- непредсказуемость хода занятия, обусловленную активной, инициативной позицией учащихся;
- возможность изменения хода занятия в зависимости от текущей ситуации, что необходимо для достижения дидактических целей;
- снижение традиционного объема информации, выносимой на занятие, при значительно большей глубине ее изучения.

Указанные особенности МАО требуют определенной организации занятий, которая не всегда укладывается в традиции высшей школы: определенная численность учебных групп, строго установленная продолжительность занятий, оборудование учебных помещений. Самое, наверное, трудное – встроить интерактивное занятие в отведенные расписанием временные рамки. Продолжительность любого интерактивного, дискуссионного занятия (при условии полного и всестороннего рассмотрения его темы) зависит от многих факторов: численности участников, актуальности и значимости для них темы обсуждения, эмоционального состояния участников, умения преподавателя вести дискуссию, комплек-

са внешних факторов. Поэтому точно рассчитать, сколько продлится такое занятие, и четко уложиться в расписание сложно.

Еще одна трудность связана с организацией рабочего пространства. В аудиториях, где посадочные места жестко закреплены, т. е. их нельзя передвигать, или расположены амфитеатром, практически невозможно успешно проводить занятия в интерактивной форме, организовывать групповую работу, особенно предполагающую перемещение участников в ходе занятия. Весьма затруднительно проводить в них и дискуссионные занятия.

Большие проблемы в организации ИО связаны с численностью учащихся, присутствующих на занятии. Сегодня преподаватель не всегда может точно сказать, сколько студентов придет к нему на занятие. Следовательно, он не всегда может применить те или иные формы ИО, рассчитанные на более-менее определенное количество участников, и должен быть готов к тому, что численность учащихся может быть не оптимальной. В свете проходящей в нашей стране реформы системы образования наблюдается тенденция по увеличению численности студентов, приходящихся на одного преподавателя. Педагогическая теория и опыт использования как МАО, так и других форм обучения свидетельствуют, что оптимальная численность учащихся, присутствующих на занятии, 12–18 человек. Она позволяет преподавателю организовать занятие с применением любого из известных методов традиционного или активного обучения. Практика же организации обучения в вузе такова, что очень часто преподаватели проводят занятия в больших потоках, где численность студентов составляет 50–100 человек, или, наоборот, в маленьких группах по 6–12 человек. И в первом, и во втором случае проведение интерактивного занятия весьма затруднительно и неэффективно, а чаще всего невозможно.

Классно-урочная система обучения предполагает не только определенную организацию обучения, но и определенный методический подход. Всем известны постулаты, сформулированные еще Я.А. Коменским, но кроме них в практике вузовского образования сформировались и другие принципы, ставшие столь же обязательными и не подлежащими изменению. К их числу можно отнести неизменность пред-

ставления о приоритете теории над практикой. Это выражается в том, что студенту сначала «начитывается» теория, а только потом его допускают до практики, нередко после получения зачета об освоении теории. При этом и доля занятий, посвященных изучению теории, обычно выше, чем доля практических занятий. С точки зрения форм обучения приоритет соответственно отдается лекциям, которые считаются базовой основой всего курса обучения. Студенты вынуждены и год, и два изучать материал, не имея представления о том, какое место эти знания занимают в деятельности специалиста, где их можно будет применить и нужны ли они им вообще. От преподавателей студенты обычно получают неопределенное обоснование типа «учите – это вам в будущем пригодится». Ситуация усугубляется тем, что преподаватели, особенно общеобразовательных циклов, никак не корректируют, не изменяют читаемые курсы в зависимости от того, студентам какой специальности они преподают. Поэтому математику, химию, физику студентам технических специальностей читают по программам, как для математиков, химиков и физиков в университете.

При таком подходе основное значение в обучении отдается пресловутой «школе памяти», когда студенты изучают отдельные блоки знаний оторванно от практики, от собственного знания специальности, при отсутствии эмоционально-личностного отношения (по И.Я. Лернеру) к этим знаниям, что резко снижает эффективность их освоения, порождая безразличие студентов, а потом и преподавателей к учебному процессу и его конечному результату.

Очевидно, что без изменения отношения к организации учебного процесса переход от пассивного к действительно активному обучению будет невозможен. Все указанные организационные трудности преподаватели вузов, конечно, могут в какой-то степени преодолеть, но при условии, что управленческое звено вуза хотя бы иногда будет идти им навстречу и оказывать посильную помощь. Если этого не наблюдается, то желание использовать ИО в своей практике преподаватели постепенно теряют. Незаинтересованность, нередко психолого-педагогическая безграмотность и безразличие руководителей вузов, наряду с указанными трудностями, являются главной

причиной снижения интереса преподавателей к использованию активных методов.

Студенты обычно относятся к активному обучению положительно. Современный темп жизни, насыщенность информационного поля, объемы информации, обрабатываемые учащимися в единицу времени, многократно превышают аналогичные показатели совсем недалекого прошлого, когда еще не было компьютеров, мобильных средств связи и Интернета. В то же время процесс обучения за последние две сотни лет кардинально не изменился. Преподаватели тоже не научились читать лекции хотя бы в два раза быстрее. Такой диссонанс темпа отрицательным образом сказывается на процессе восприятия учебной информации студентами. Медленный темп традиционной лекции их просто усыпляет.

Практически все специалисты, а также данные различных опросов и исследований свидетельствуют, что рутинной лекционной практике студенты всегда предпочитают активные формы обучения. Тем более, что эти методы позволяют им не только глубже понять изучаемый материал, но и заглянуть в будущее – попробовать себя в роли специалиста, поэкспериментировать, сравнить себя с другими, показать себя. Активные формы обучения позволяют учащимся действовать в том темпе, который для них наиболее приемлем, к которому они готовы на данном этапе обучения, работать в той групповой роли, которая для них наиболее комфортна.

Но даже соответствие темпа изучения материала индивидуальным особенностям студентов не является определяющим в их отношении к изучаемому материалу. Определяющим является наличие четко осознаваемой значимой цели обучения. Абитуриент идет в вуз, чтобы получить свидетельство о высшем образовании. В принципе, это правильно. Вузы для того и созданы, чтобы готовить специалистов и выдавать им эти свидетельства. Но получение диплома не может рассматриваться студентами как самоцель, их целью должно быть приобретение профессиональных знаний. Сегодня ситуация другая: знания, полученные студентами в большинстве вузов, потеряли свою ценность, они не востребованы на рынке труда. Качество подготовки специалистов в вузе также оценивается не по уровню их подготовки, а по косвенным

критериям (учебная площадь на одного студента, число кандидатов и докторов наук, уровень достижений в научной сфере и др.). Даже такой показатель, как процент трудоустроившихся выпускников вуза, не является безупречным критерием. Поэтому и учебный процесс вуза чаще всего направлен не столько на повышение качества подготовки, сколько на экономию средств, поиск источников финансирования, развитие деловых отношений, получение грантов. Когда такое происходит, учащиеся это сразу понимают и также переходят на формальное освоение учебной программы, когда главное не в том, чтобы получить те или иные знания, освоить те или иные навыки, а в том, чтобы получить зачет, «спихнуть» экзамен, не «завалить» сессию и получить в итоге диплом, а где и кем потом работать – вопрос открытый.

В этих условиях использование ИО может сыграть важную роль в повышении качества подготовки специалистов, поскольку при использовании активных методов процесс обучения приобретает именно тот недостающий вектор целевой направленности, которого практически лишено традиционное обучение. Работая в режиме деловых и дидактических игр, ролевых игр и тренингов, дискуссий, студенты стремятся к решению поставленных задач, что достигается как раз через глубокое освоение учебного материала и освоение профессиональных навыков.

Введение форм ИО в качестве обязательного элемента обучения в вузе, безусловно, является положительным аспектом реформы высшего образования в нашей стране, но сама система образования пока не готова к переходу на новые принципы. Стремление использовать активное обучение вступает в острое противоречие с существующей схемой образовательного процесса, направленной на то, чтобы достичь определенных целей воспитания и обучения с минимальными затратами и в условиях, когда научное сопровождение образовательного процесса очевидным образом отстает от стремительного развития техники и технологий, когда повышения уровня образования, что диктуется требованиями времени, традиционно стараются достичь с помощью детально проработанных авторитарных по сути технологий и методик, которые вступают в противоречие не только с инновационной направленностью ак-

тивного обучения, но и с научным, творческим в своей основе характером педагогической деятельности, с субъективным характером познавательной деятельности обучающихся. Вузы по-прежнему не столько учат и вовлекают, заинтересовывают студентов процессом освоения будущей профессии, сколько принуждают к посещению занятий, заучиванию некоторого объема информации и сдаче зачетов и экзаменов, чтобы потом иметь моральное право выдать им дипломы – свидетельства о получении квалификации специалиста.

Сложившаяся сегодня ситуация в высшей школе не обещает успешного и быстрого продвижения по пути активизации учебного процесса и перехода на инновационный путь развития. Современный образовательный процесс

весьма консервативен и противоречив, так же как противоречива природа человека, и любое новшество с трудом пробивается через выстроенные веками барьеры. В сложившейся ситуации хотелось бы обратить внимание на отсутствие в высшей школе в последнее время заметных педагогических инноваций. Все эксперименты педагогической направленности носят локальный характер одной дисциплины, одной кафедры и обычно заканчиваются после успешной защиты диссертации, в то время как требование времени заключается в поиске новых подходов не только с точки зрения применения методов и технологий, но и с точки зрения революционных изменений в организации обучения с целью выведения его на современный технологический и методический уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вербицкий, А.А.** Активное обучение: контекстный подход [Текст] / А.А. Вербицкий. – М.: Высш. шк., 1991. – 207 с.

2. **Кругликов, В.Н.** Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности [Текст] / В.Н. Кругликов, Е.В. Платонов, Ю.А. Шаронов. – СПб.: Медный всадник, 2006.

REFERENCES

1. **Verbitskii A.A.** Aktivnoe obuchenie: kontekstnyi podkhod. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 207 p. (rus.)

2. **Kruglikov V.N., Platonov E.V., Sharonov Iu.A.** Delovye igry i drugie metody aktivizatsii poznavatel'noi deiatel'nosti. St. Petersburg, Mednyi vsadnik, 2006. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

КРУГЛИКОВ Виктор Николаевич – доцент кафедры инженерной педагогики и психологии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор педагогических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
kruvik@mail.ru

KRUGLIKOV Viktor N. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
kruvik@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 377.5

*Э.В. Онищенко, Ю.О. Бакашова***ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ СТУДЕНТОВ
МЕДИЦИНСКИХ КОЛЛЕДЖЕЙ***Eleonora V. Onishchenko, Julianna O. Bakashova***FEATURES PROFESSIONAL SELF STUDENTS
OF MEDICAL COLLEGE****Аннотация**

В статье рассмотрены особенности профессиональной самооценки будущих специалистов сестринского дела в условиях учреждений среднего профессионального образования. Дана характеристика корпоративной культуры как средства формирования профессиональной самооценки студентов. Проведен анализ сформированности профессиональной самооценки студентов на констатирующем этапе эксперимента.

Ключевые слова

СРЕДНЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА, КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КОЛЛЕДЖА, СЕСТРИНСКОЕ ДЕЛО.

Abstract

The article discusses the characteristics of professional self-assessment of future nursing professionals in terms of secondary vocational education. The characteristics of corporate culture as a means of formation of professional self-esteem of students. The analysis of the formation of professional self-esteem of students at ascertaining stage of the experiment.

Keywords

MEDICAL EDUCATION TRAINING, PROFESSIONAL SELF-ESTEEM, CORPORATE CULTURE COLLEGE, NURSING.

В настоящее время мы становимся свидетелями и активными участниками процессов снижения качества профессиональной подготовки специалистов медицинской сферы, и прежде всего на уровне среднего профессионального образования. Поэтому возникает реальная потребность в совершенствовании деятельности медицинских колледжей и обеспечении возможности для повышения качества их профессиональной работы. Одновременно исследователи (Н.З. Алиева, Г.В. Герасимова, Е.В. Щекотин, Н.В. Ярская) априори признают, что для развития гуманистического, духовного ориентированного общества необходимо, чтобы образование опережало другие сферы общественной жизни человека. Данное положение касается в первую очередь гуманитарной обра-

зовательной среды, к которой можно отнести и профессиональную подготовку медицинских работников, получающих среднее профессиональное образование по специальностям лечебное дело, фармация и сестринское дело. Поэтому рассмотрим особенности организации среднего профессионального образования, и в частности особенности формирования профессиональной самооценки будущих медицинских сестер/братьев.

Сегодня представление о сестринском деле как о профессии модифицируется. С изменением социальных условий и запросов здравоохранения преобразуется роль сестринского персонала. В нормативных документах отмечается, что сестринское дело – часть медицинского ухода за здоровьем, специфическая

профессиональная деятельность, наука и искусство, направленные на решение существующих и потенциальных проблем со здоровьем в условиях окружающей среды. Современные исследователи, например Д.Д. Ширапова, В.А. Левина, С.А. Мухина, И.И. Тарновская, признают, что от медицинской сестры требуется сформированность адекватных представлений о собственных профессиональных и личностных качествах, ведущими среди которых являются:

- профессиональные ценности (профессионализм, информированность, здоровье, здоровая окружающая среда);
- этические ценности (сострадание, милосердие, терпение, целеустремленность, уважение прав пациента на самостоятельность и информированность, уважение других членов бригады).

Комплекс указанных качеств начинает формироваться уже во время обучения в колледже, в процессе первоначального включения в профессиональную деятельность, общения с педагогами и учащимися, в рамках сложившихся в данном образовательном учреждении (далее – ОУ) отношений. В частности, в работе Д.Д. Шираповой [4] подчеркивается, что формирование личностных качеств и уровень профессионального мастерства зависят от адекватного формирования такого значимого регулятора взаимодействия студента с окружающим миром, как профессиональная самооценка будущего специалиста.

При этом в структуре профессиональной самооценки Н.С. Андреева, А.А. Бодалев, С.Ю. Головин, А.В. Захарова, Е.А. Климов, О.С. Погребная, А.А. Реан, Н.П. Рапохин, В.А. Степанов и другие исследователи выделяют такие виды самооценки, как самооценка результата и потенциала. Самооценка результата связана с оценкой:

- достигнутого (в общем и парциальном аспекте) – отражает удовлетворенность/неудовлетворенность достижениями;
- своих профессиональных возможностей – отражает веру в себя и уверенность в своих силах.

Одновременно в работе О.С. Погребной [3] профессиональная самооценка рассматривается как комплекс сознательных суждений участников деятельности, в которых они пытаются сформулировать свою значимость,

определяемую общепризнанными нормами, критериями и целями, представлениями об уровнях собственных достижений, моральными принципами, правилами поведения. Профессиональная самооценка формируется поэтапно; на начальных этапах освоения деятельности она устанавливается по результатам выполнения отдельных заданий и является очень неустойчивой.

Все вышесказанное дает, как нам представляется, достаточно оснований для вывода о необходимости целенаправленного формирования профессиональной самооценки у студентов медицинских колледжей. Для решения этой задачи требуются разработка и создание соответствующих организационно-педагогических условий. По нашему мнению, этот процесс будет проходить эффективнее при вовлечении учащихся в особую среду ОУ со сложившимся социокультурным окружением. Поэтому мы поставили перед собой цель – в ходе педагогического эксперимента выявить, теоретически обосновать и апробировать комплекс организационно-педагогических условий и педагогических технологий, формирующих профессиональную самооценку будущих медицинских работников в процессе обучения в ОУ среднего профессионального образования.

Для достижения поставленной цели в рамках теоретического анализа нами были проанализированы основные методологические подходы к процессу формирования профессиональной самооценки студентов колледжей, а на стадии констатирующего эксперимента определен и экспериментально проверен уровень ее сформированности у студентов медицинского колледжа, а также оценена эффективность проводимой в нем учебно-воспитательной деятельности. Опытно-экспериментальная работа проводилась со студентами отделений «Сестринское дело», «Лечебное дело» и «Фармация» Киришского филиала Медицинского колледжа (Тихвин), выпускники которого восполняют основную часть потребностей в кадрах среднего медицинского персонала системы здравоохранения Ленинградской области.

В эксперименте участвовали студенты пяти групп с 1-го по 4-й курс. В основу диагностики была положена методика самооценки личности С.А. Будасси [2]. Тестирование проводилось

анонимно для обеспечения более достоверного результата (общие результаты представлены на рисунке).

Уровень общей и профессиональной самооценки студентов Киришского филиала Медицинского колледжа (Тихвин)

Анализ полученных данных позволил определить уровень сформированности общей и профессиональной самооценки учащихся.

Студентов с неадекватно низкой самооценкой (менее 16 баллов) не выявлено. Однако общее количество учащихся с неадекватной самооценкой (37 баллов и менее – низкая, 66 баллов и более – высокая и неадекватно высокая) составило чуть более половины респондентов (52,4 %). Низкий уровень самооценки показали 7,7 % опрошенных. Неадекватно высокий уровень самооценки выявлен у 30,7 % учащихся, а высокий – у 7,7 %. Респонденты, набравшие от 38 до 65 баллов, имеют адекватную самооценку; из них 13,4 % имеют уровень самооценки ниже среднего, 19,2 % – средний, а 28,8 % – выше среднего. Таким образом, результаты тестирования позволили выявить наличие проблемы неадекватного уровня сформированности общей и профессиональной самооценки студентов, а также необходимость поиска комплекса организационно-педагогических условий и педагогических технологий, формирующих в пер-

вую очередь профессиональную самооценку будущих медицинских работников в процессе обучения в ОУ среднего профессионального образования.

При имеющихся подходах к обучению в медицинских колледжах необходима целенаправленная коррекция профессиональной самооценки учащихся. Перекос в сторону неадекватно завышенной самооценки свидетельствует об излишней самоуверенности студентов, что на этапе приобретения практического опыта будет приводить к отказу от помощи более опытных коллег и, как следствие, к повышению процента сестринских ошибок. При таком уровне профессиональной самооценки будущий специалист не сможет качественно оказывать медицинскую помощь, плодотворно работать и хорошо взаимодействовать в коллективе.

В ходе теоретического анализа научной проблемы нами выдвинуто предположение, что формирование профессиональной самооценки учащихся медицинского колледжа будет эффективным:

- при учете актуальных запросов работодателей на подготовку успешных специалистов с активной жизненной позицией;
- обеспечении комплексного воздействия на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы сознания личности студента;
- адекватном психолого-педагогическом и учебно-методическом сопровождении этого процесса на основе системы профессиональных ценностей, норм поведения и взаимодействия специалиста, обозначенной рамками особой, сложившейся в данном ОУ культуры взаимоотношений;
- реализации педагогических технологий, учитывающих спектр решаемых профессиональных задач и ориентированных на своеобразие деятельности специалистов медицинского профиля, которое потребовало экспериментальной проверки.

Поиск средств эффективного формирования профессиональной самооценки студентов медицинского колледжа с учетом специфики данной профессиональной деятельности показал, что таким средством может выступать *корпоративная культура ОУ*, так как в процесс реализации ее основных функций входит весь спектр указанных выше условий.

Остановимся на этом вопросе более подробно. Как мы уже отмечали, в современном понимании всей системы образования функции медицинского колледжа не ограничиваются только подготовкой учащегося к профессиональной деятельности, т. е. формированием его профессиональных знаний и умений. Важно, чтобы обучение в ОУ было направлено и на подготовку будущего медицинского работника к эффективному общению с пациентами с целью реализации его профессиональных функций. Поэтому медицинский колледж можно рассматривать:

- как организацию, которая проводит трансляцию и воспроизводство культурных норм, ценностей, идей;
- как пространство воспитания гуманистической идеологии, которая станет личной культурой выпускников и обеспечит формирование их профессиональной самооценки.

Процесс обучения должен включать в себя не только освоение многочисленных медицинских знаний, но и приобщение к профессиональным ценностям.

Наиболее эффективным средством приобщения к профессиональным ценностям, по нашему мнению, может быть именно функционирующая в колледже корпоративная культура, которая выступает как фактор, объединяющий интересы субъектов и объектов обучения путем выработки и закрепления определенных правил, поведенческих установок и стереотипов, связанных с профессиональной, в нашем случае – медицинской, деятельностью и соблюдением норм ее осуществления. Поэтому корпоративную культуру колледжа можно развивать, используя опыт педагогического проектирования развития коллектива и личности, который будет выступать как значимый педагогический ресурс.

Ряд исследователей (Г.В. Герасимова, Т.Н. Персикова, О.В. Половникова) рассматривают корпоративную культуру колледжа как уникальную совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения, которые определяют способ объединения преподавателей, учащихся, административных работников и отдельных личностей в организацию для достижения поставленных перед ней целей. При этом корпоративная культура эффективно работает только в том случае, если идеи, взгляды,

основополагающие ценности ОУ разделяют и признают все его члены. Именно ценности являются ядром, вокруг которого сплачиваются учащиеся, преподаватели, администрация колледжа, они определяют стиль поведения, стиль общения в ОУ, уровень мотивированности, активность и др.

Определить уровень развития корпоративной культуры в колледже и оценить ее эффективность можно по критериям, представленным в работе Г.В. Герасимовой:

- *организационным* (инфраструктура, управление (методы), организационная структура);
- *финансовым* (финансовое обеспечение, принципы разделения средств);
- *качественным* (взаимодействие групп/индивидов, коммуникации, процесс достижения результата – мотивация, стандартизация, инициатива) [1].

Особо следует отметить, что в процессе образовательной деятельности все эти критерии можно рассматривать как особо значимые при условии выявления их корреляции с критериями сформированной профессиональной самооценки учащихся (см. таблицу).

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что корпоративная культура медицинского колледжа может выступать в качестве мощного средства формирования профессиональной самооценки студентов, которое способствует не только повышению качества знаний, но и приобщению к профессиональным ценностям, развитию навыков коммуникации с пациентами, коллегами, врачами, т. е. обеспечивает успешность деятельности, повышает ценность и значимость профессии для студентов.

Констатирующий эксперимент показал, что, к сожалению, в ходе учебно-воспитательной работы в Киришском филиале Медицинского колледжа (Тихвин) формированию и развитию корпоративной культуры не уделяется должного внимания. Требуется корректировка и существенные преобразования деятельности этого ОУ. Разработка экспериментальной программы развития корпоративной культуры медицинского колледжа и ее реализация будут положены в основу формирующего эксперимента. На этом основании можно сделать вывод, что в процессе становления и функционирования корпоративной культуры медицин-

ского колледжа будут задействованы все члены ОУ: студенты, студенческий актив, коллектив преподавателей, администрация. Важно, чтобы при этом было учтено влияние внешних и

внутренних факторов. Все это, в свою очередь, будет способствовать корректировке собственно уровня формирования профессиональной самооценки учащихся

Сравнительный анализ критериев профессиональной самооценки учащихся и корпоративной культуры медицинского колледжа

Критерии профессиональной самооценки	Качественные критерии корпоративной культуры образовательного учреждения (ОУ)
1. Сопоставление уровня своих притязаний с объективными результатами своей деятельности	1. Формирование имиджа медицинского работника. 2. Развитие личности учащегося за счет улучшения психологического климата в коллективе. 3. Улучшение мотивационной структуры за счет приобщения к профессиональным ценностям колледжа
2. Сравнение себя с другими людьми	1. Отбор наиболее результативных для достижения цели внутри-корпоративных межличностных отношений, соответствующих моделей поведения. 2. Закрепление стиля отношений и поведения в социуме. 3. Создание среды жизнедеятельности в коллективе
3. Оценка успешности своих действий и проявлений через призму своей идентичности (удовлетворение не только от того, что индивид что-то делает хорошо, но и от того, что он избрал определенное дело и именно его делает хорошо)	1. Повышение конкурентоспособности ОУ. 2. Рост гордости за свой колледж. 3. Образование «организационного клея», объединяющего силы преподавателей и учащихся. 4. Саморазвитие корпоративных ценностей, которые порождают особый дух ОУ, формируют братство людей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова, Г.В. Педагогические факторы формирования корпоративной культуры колледжа [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Герасимова Галина Васильевна. – М., 2011. – 256 с.

2. Будасси, С.А. Самооценка личности [Текст] / С.А. Будасси // Практические занятия по психологии / под ред. А.В. Петровского. – М., 1972. – С. 30–37.

3. Погребная, О.С. Рефлексия как условие формирования адекватной «Я-концепции» педагога [Текст]: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Погребная Оксана Сергеевна. – Ставрополь, 2007. – 234 с. – Библиогр.: с. 166–190.

4. Ширапова, Д.Д. Психологические факторы развития профессиональной самооценки студентов [Текст]: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Ширапова Дарима Доржиевна. – СПб., 2005. – 165 с.

REFERENCES

1. Gerasimova G.V. Pedagogicheskie faktory formirovaniya korporativnoj kul'tury kolledzha. Dis. kand. ped. nauk: 13.00.01. Moscow, 2011. 256 p. (rus.)

2. Budassi S.A. Samoocenka lichnosti. *Prakticheskie zanjatija po psihologii*. Pod red. A.V. Petrovskogo. Moscow, 1972. Pp. 30–37. (rus.)

3. Pogrebnaja O.S. Refleksija kak uslovie formirovaniya adekvatnoj "Ja-konceptii" pedagoga. Dis. kand. psihol. nauk.: 19.00.13. Stavropol', 2007. 234 p. Bibliograf.: pp. 166–190. (rus.)

4. Shirapova D.D. Psihologicheskie faktory razvitija professional'noj samoocenki studentov. Dis. kand. psihol. nauk: 19.00.13. St. Petersburg, 2005. 165 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ОНИЩЕНКО Элеонора Васильевна – профессор кафедры педагогики начального образования и художественного развития ребенка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
eleonoraon@mail.ru

ONISHCHENKO Eleonora V. – *Herzen State Pedagogical University of Russia.*

Moika emb., 48, St. Petersburg, 191186, Russia
eleonoraon@mail.ru

БАКАШОВА Юлианна Олеговна – аспирант лаборатории методологии и прогностики развития педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Чернышевского, 2
yulianna-bakashova@yandex.ru

BAKASHOVA Julianna O. – *Institute of Pedagogical and Adult Education of Russian Academi of Education.*

Cherniakhovskogo str., 2, St. Petersburg, 191119, Russia
yulianna-bakashova@yandex.ru

УДК 378.147:811.111-25

*М.А. Аكوпова, М.Д. Кукушкина***НАУЧНОЕ ОБЩЕНИЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ –
ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА***Maria A. Akopova, Maria D. Kukushkina***ACADEMIC COMMUNICATION
AS AN ESSENTIAL PART OF THE PROFESSIONAL EDUCATION
OF A TECHNICAL UNIVERSITY GRADUATE****Аннотация**

В статье рассмотрена проблема обучения студентов технического вуза научному общению на иностранном языке. Целью исследования является поиск наиболее эффективных методов формирования у студентов навыков и умений, необходимых для участия в международных конференциях и научных проектах. Представлены методические рекомендации и алгоритм подготовки студентов к участию в международных конференциях при помощи интернет-технологий.

Ключевые слова

НАУЧНОЕ ОБЩЕНИЕ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ДОКЛАД, ПРОЕКТ, ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК.

Abstract

The article deals with the problem of the foreign language academic communication skills formation among technical university students. The research is aimed at finding the most effective methods of the formation of the students' skills in making successful presentations at international conferences and taking part in intercultural scientific projects. The article contains methodical recommendations and the plan of preparing students to participating in intercultural conferences with the help of Internet Technologies.

Keywords

ACADEMIC COMMUNICATION, INTERCULTURAL CONFERENCES, REPORT, PROJECT, FOREIGN LANGUAGE.

Влияние процесса глобализации на современное общество не оставляет сомнений в необходимости повышения уровня языковой подготовки студентов технических вузов. При этом целью курса иностранного языка в системе вузовского образования должно стать формирование коммуникативной компетенции в научном общении на иностранном языке. Профессиональная коммуникативная компетенция рассматривается как «способность решать коммуникативные задачи в определенных рамках множества коммуникативных ситуаций» [3, с. 11].

Одна из причин недостаточной сформированности профессиональной коммуникативной компетенции – заблуждение, что сфер

применения научного дискурса на иностранном языке для студентов технического вуза существенно меньше, чем повседневно-бытового (курс Conversational English) или же профессионального дискурса (курс Business English), а уровень мотивации студентов технического вуза к участию в международных конференциях и проектах является сравнительно низким. Проведенный нами опрос среди студентов 1–4-го курсов гуманитарных (ФИЯ), инженерно-экономических (ФЭМ, МВШУ) и технических (ЭнМФ, ИСФ) факультетов показал, что из 100 опрошенных студентов 85 % рассматривают участие в международных конференциях и проектах как необходимый компонент их профессиональной подготовки, 62 % участвовали в

ежегодной конференции «Неделя Науки», 51 % имеют опыт выступления с докладом на иностранном языке, а 40 % определили недостаточную подготовку к написанию и презентации доклада на иностранном языке и ведению научной полемики как основную причину отказа от участия в международных конференциях. На примере СПбГПУ, где с каждым годом для студентов всех специальностей открываются новые возможности участия в международных проектах и конференциях, обучения в магистратуре и аспирантуре зарубежных вузов и ведения научной деятельности за границей, можно говорить о необходимости достижения качественно нового уровня подготовки специалиста, что, в свою очередь, поднимает вопрос о необходимости изменения требований к составу компетенций выпускника технического вуза. Стоит отметить, что именно недостаток опыта в научном общении является основным сдерживающим фактором участия в научной жизни университета для большинства студентов. Мы рассматриваем компетенцию в научном общении как один из компонентов научно-исследовательской компетенции студентов.

Понятие общения является ключевым в процессе формирования всех составляющих коммуникативной компетенции, в частности компетенции в иноязычном научном общении учащихся. В самом общем значении общение характеризуется как социальный процесс, осуществляемый внутри определенной социальной общности (в группе, классе, обществе в целом). Социальность общения объясняется не только тем, что оно обслуживает коллективную деятельность, но прежде всего тем, что оно выражает или реализует общественные отношения [1].

Многие исследователи (А.А. Леонтьев, В.А. Сластенин, М.С. Каган и др.) в своих работах рассматривают общение как условие организации и реализации учебной деятельности. В процессе обучения иностранному языку общение является: 1) средством обучения иностранному языку, 2) целью изучения иностранного языка, 3) средством проверки знаний учащегося. Поэтому в научной литературе общение часто рассматривается как совокупность коммуникативных задач, в процессе решения которых реализуются две цели: передать сообщение (повествовательная) и побудить к действию (побудительная) [9].

Однако известно, что речевое научное взаимодействие не ограничивается коммуникативной стороной. Именно поэтому важно рассмотреть термины «общение» и «коммуникация».

Понятия «общение» и «коммуникация» имеют как общие, так и отличительные признаки. Общими признаками являются их соотнесенность с процессами обмена и передачи информации и связь с языком как средством передачи информации. Отличительные признаки обусловлены различием в объеме содержания этих понятий (узким и широким). Это связано с тем, что они используются в разных науках, которые на первый план выдвигают различные аспекты этих понятий. Основное различие заключается в том, что за общением в основном закрепляются характеристики межличностного взаимодействия, а за коммуникацией – дополнительное значение: информационный обмен в обществе [Там же]. Общение представляет собой социально обусловленный процесс обмена мыслями и чувствами между людьми в различных сферах их познавательно-трудовой и творческой деятельности, реализуемый главным образом при помощи вербальных средств коммуникации. В отличие от общения коммуникация – это социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных коммуникативных средств [4].

Формирование компетенции в научном общении является не только обязательным условием последующего формирования научно-исследовательской компетенции студентов, но и одним из мотивирующих факторов к ведению научной деятельности и получению постдипломного образования. Большинство исследователей выделяют три составляющие научно-исследовательской компетенции: 1) профессиональная научная; 2) компетенция в научном общении; 3) образовательная [7]. Рассмотрим каждую из вышеперечисленных компетенций.

Профессиональная научная компетенция характеризует состояние профессиональных научных знаний, а также отражает готовность специалиста к научно-исследовательской деятельности с точки зрения его профессионального образования и опыта в осуществлении

названной деятельности. Образовательная компетенция нацелена на формирование у научных работников способности эффективно управлять своей учебной деятельностью, оптимально и компетентно регулируя ее качественное содержание и количественный объем [7].

Компетенция в научном общении обладает рядом особенностей, предопределенных спецификой сферы научного общения, основной характеристикой которой является точное, логичное и однозначное выражение мысли. Принципиальные единицы научного мышления – это научные понятия и термины, а языковое воплощение динамики мышления выражается в суждениях и умозаключениях, следующих одно за другим в строгой логичной последовательности. В рамках компетенции в научном общении представляется логичным выделить три основные структурные части: 1) коммуникативный компонент; 2) интерактивный компонент, 3) перцептивный компонент [2].

В силу того что речь развертывается в условиях определенной коммуникативной ситуации, помимо коммуникативного компонента особую важность приобретают интерактивный и перцептивный компоненты общения. Рассмотрим их, чтобы найти оптимальные методы формирования всех трех компонентов иноязычной компетенции в научном общении у студентов.

Особый интерес представляет коммуникативный компонент компетенции в научном общении на иностранном языке, поскольку он нацелен на умение ясно, четко и логично излагать мысли, умение убеждать, выстраивать свою речь аргументированно, оппонировать собеседнику в рамках научной полемики, а также на умение точно понимать и интерпретировать устную или письменную иноязычную научную речь. Для успешного декодирования смысла информационного посыла необходимо владение единицами языка, а также знание экстралингвистических факторов и овладение нормами и ценностями, свойственными культуре другой страны и профессиональной сфере.

Коммуникативный компонент компетенции в научном общении характеризуется:

1) умением устанавливать психологический контакт при ведении научной полемики;

2) учетом особенностей коммуникативного поведения, концептов и норм, присущих научной среде другой страны;

3) аргументированностью, логичностью и адекватностью ситуации общения;

4) наличием сформированных операций организации и интерпретации научного дискурса, с учетом специфики определенного научного контекста;

5) эффективностью использования вербальных и невербальных средств общения (предполагает верное фонетическое, лексическое и грамматическое оформление научной речи);

6) продуцированием и пониманием устных и письменных текстов соответственно стилистике научной речи;

7) владением компенсаторными приемами, способами и средствами, приемлемыми в научной среде;

8) знанием специфики научных жанров и умением построения устных и письменных научных текстов согласно коммуникативным и стилистическим особенностям жанра научной речи [7].

Интерактивные и перцептивные умения формируются в ходе совместной деятельности в условиях социально-профессионального взаимодействия в научной среде. Таким образом, участие студентов в конференциях, международных семинарах, ведение ими научной полемики и работа над проектами будут способствовать формированию этих умений.

Интерактивный компонент компетенции в научном общении нацелен на формирование умений взаимодействия учащихся. Эта сторона общения связана с непосредственной организацией их совместной деятельности. Интерактивный компонент компетенции в научном общении характеризуется:

1) управлением своим эмоциональным состоянием согласно нормативам научного общения, уместностью принятых решений;

2) адекватным интерактивным поведением в научно-деловых ситуациях другой культурной среды, участием в научном общении с позиции положительной тональности;

3) умелым разрешением конфликтов.

Перцептивный компонент компетенции в научном общении нацелен на формирование восприятия и понимания других людей в научном общении и включает в себя комплексные умения восприятия и адекватной интерпретации информации о сигналах от партнера по общению, получаемых в ходе совместной деятельности. В состав структуры перцептив-

ного компонента входят операции определения эмоционального настроения собеседника, демонстрация эмпатии и операции верного понимания поведения собеседника в условиях научного общения.

Следовательно, владение компетенцией в научном общении позволяет реализовать следующие функции: а) информационную, б) познавательную, в) коммуникативную, г) воздейственную, д) контактоустанавливающую, е) этическую, ж) социокультурную, з) трансляционную [5].

С нашей точки зрения, для наибольшей эффективности в реализации всех вышеперечисленных функций необходимо формирование компетенции в научном общении на иностранном языке как в аудиторное, так и во внеаудиторное время. В рамках аудиторных занятий мы предлагаем систему упражнений, нацеленную на формирование разных компонентов компетенции в научном общении. К внеаудиторным видам деятельности относятся участие студентов в научных конференциях и проектах, ведение научной полемики в рамках студенческого научного клуба.

Важно отметить, что формирование компетенции в научном общении на иностранном языке невозможно без правильно организованной и курируемой преподавателем самостоятельной работы студентов. Нам представляется, что для наиболее эффективной подготовки студентов к различным ситуациям научного общения на иностранном языке необходимо использовать современные интернет-технологии как в аудиторное, так и во внеаудиторное время. Как пример организации работы студентов с интернет-ресурсами приведем алгоритм подготовки студентов к выступлению с докладом на международной конференции «Неделя Науки»:

1-й этап: просмотр веб-лекций на занятии или дома (<http://www.academicearth.org/subjects/engineering>), прослушивание подкастов (<http://breakingnewsenglish.com/technology.html>) на темы, входящие в область научных интересов студентов, выбор темы доклада;

2-й этап: обсуждение на занятии выбранных тем, видов поиска в Интернете и принципов отбора информации, работа с информацией на русском и иностранном языке с использованием электронных словарей и переводчиков (<http://www.proz.com/> – ProZ,

<http://online.multilex.ru/> – Мультилекс), а также специализированных сайтов (например, сайта <http://www.lex Tutor.ca/>, выполняющего роль помощника-эксперта при чтении, сочетая возможности конкорданса, переводного звукового словаря и поисковой системы [6]);

3-й этап: веб-квест на поиск дискурсивных формул, свойственных научному общению, обсуждение результатов, тренировка и закрепление навыков употребления выбранных дискурсивных формул при помощи программы Hot Potatoes;

4-й этап: написание текста доклада и аннотации к нему, используя VocabGrabber с целью выявления когнитивно-значимых слов, передающих смысловую суть текста. VocabGrabber – это интернет-инструмент, представляющий лексику текста, кроме служебных слов, в виде «лексического облака» со словами разного размера в зависимости от их популярности; при наведении курсора на слово появляются его определение, список синонимов и коллокаций [8];

5-й этап: формирование навыков оформления цитат, ссылок на первоисточники и библиографических списков с помощью BibMe – бесплатного онлайн-инструмента для создания библиографических списков и онлайн-упражнений, представленных на сайте Harvard Referencing Tutorial (<https://ilrb.cf.ac.uk/citingreferences/tutorial/index.html>);

6-й этап: подготовка к презентации доклада с использованием PowerPoint.

Следовательно, использование информационных технологий необходимо студентам при работе над исследовательскими проектами с целью: а) поиска информации (аутентичных текстов, статей зарубежных исследователей, подкастов с лекциями зарубежных ученых на иностранном языке по теме исследования; б) анализа и обработки информации на иностранном языке; в) обмена информацией с преподавателем и другими студентами при работе над проектом или подготовке к выступлению с докладом на конференции (электронная почта, блоги, Skype, сайты для обмена файлами); г) общения с иноязычными коллегами и студентами с целью получения аутентичной информации, профессионального общения и совместной проектной деятельности (чаты, форумы, ICQ); д) повышения мотивации к изучению иностранного языка и участию в международных веб-проектах.

Анализ выступлений студентов на конференции «Неделя Науки» за последние пять лет показал, что сложности в научном общении на иностранном языке, возникающие у студентов как с низким (A1–A2), так и с высоким уровнем владения иностранным языком (B2–C1), обусловлены незнанием ими особенностей научно-общения на иностранном языке и специфики

научного дискурса, а также недостатком опыта общения в межкультурной академической среде. Отсутствие этих знаний и умений, вопреки мнению многих студентов, не может быть компенсировано высоким уровнем беглости речи, формирование которого является основной целью разговорных курсов иностранного языка, но не языковой подготовки в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Акопова, М.А.** Компьютерные технологии в иноязычном высшем образовании [Текст] / М.А. Акопова // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. – 2008. – № 5. – С. 137–141.
2. **Она же.** Гуманитарная составляющая технического образования [Текст] / М.А. Акопова // Вопр. методики преподавания в вузе. – 2005. – № 8 (спец. вып.). – С. 4–11.
3. **Алмазова, Н.И.** Формирование поликультурной языковой личности на основе проектирования содержания самостоятельной деятельности студентов [Текст] / Н.И. Алмазова // Там же. – 2008. – № 11 (спец. вып.). – С. 11–15.
4. **Она же.** Анализ особенностей развития синдрома выгорания у преподавателей высших учебных заведений [Текст] / Н.И. Алмазова, М.А. Акопова, Ф.И. Валиева // Науч.-техн. вед. – 2008. – № 5. – С. 91–98.
5. **Жук, Л.Г.** Формирование информационной культуры преподавателя иностранного языка в усло-

- виях информатизации общества [Текст] / Л.Г. Жук // Вопр. методики преподавания в вузе. – 2006. – № 9. – С. 82–86.
6. **Коган, М.С.** О роли и месте компьютерных программ при изучении иностранных языков в неязыковых вузах [Текст] / М.С. Коган // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. – 2009. – № 4. – С. 54–59.
7. **Комарова, Ю.А.** Дидактическая система формирования научно-исследовательской компетентности средствами иностранного языка в условиях последиplomного образования [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Ю.А. Комарова. – СПб., 2008.
8. **Печинская, Л.И.** Формирование иноязычной информационной компетенции у студентов технических вузов [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Л.И. Печинская. – СПб., 2011.
9. **Сластенин, В.А.** Педагогика: профессиональная компетентность специалиста [Текст] / В.А. Сластенин. – М., 1992. – 237 с.

REFERENCES

1. **Akopova M.A.** Komp'yuternye tekhnologii v inoiazychnom vysshem obrazovanii. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*, 2008, nr 5, pp. 137–141. (rus.)
2. **Eadem.** Gumanitarnaia sostavliaiushchaia tekhnicheskogo obrazovaniia. *Voprosy metodiki prepodavaniia v vuze*, 2005, nr 8 (spetsial'nyi), pp. 4–11. (rus.)
3. **Almazova N.I.** Formirovanie polikul'turnoi iazykovoi lichnosti na osnove proektirovaniia sodержaniia samostoiatel'noi deiatel'nosti studentov. *Ibidem*, 2008, nr 11 (spetsial'nyi), pp. 11–15. (rus.)
4. **Almazova N.I., Akopova M.A., Valieva F.I.** Analiz osobennostei razvitiia sindroma vygoraniia u prepodavatelei vysshikh uchebnykh zavedenii. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*, 2008, nr 5, pp. 91–98. (rus.)
5. **Zhuk L.G.** Formirovanie informatsionnoi kul'tury prepodavatelia inostrannogo iazyka v usloviiakh infor-

- matizatsii obshchestva. *Voprosy metodiki prepodavaniia v vuze*, 2006, nr 9, pp. 82–86. (rus.)
6. **Kogan M.S.** O roli i meste komp'yuternykh programm pri izuchenii inostrannykh iazykov v neiazykovykh vuzakh. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU*, 2009, nr 4, pp. 54–59. (rus.)
7. **Komarova Iu.A.** Didakticheskaiia sistema formirovaniia nauchno-issledovatel'skoi kompetentnosti sredstvami inostrannogo iazyka v usloviiakh poslediplomnogo obrazovaniia. Dis. ... kand. ped. nauk. St. Petersburg, 2008. (rus.)
8. **Pechinskaia L.I.** Formirovanie inoiazychnoi informatsionnoi kompetentsii u studentov tekhnicheskikh vuzov. Dis. ... kand. ped. nauk. St. Petersburg, 2011. (rus.)
9. **Slastenin V.A.** Pedagogika: professional'naia kompetentnost' spetsialista. Moscow, 1992. 237 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АКОПОВА Мария Алексеевна – директор Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор педагогических наук, профессор.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
linqua@mail.spbstu.ru

АКОРОВА Maria A. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
linqua@mail.spbstu.ru

КУКУШКИНА Мария Дмитриевна – ассистент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
msamuilova@mail.ru

KUKUSHKINA Maria D. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
msamuilova@mail.ru

УДК 801:316.62

*Т.А. Баранова, Н.Г. Ольховик***ПРИНЦИПЫ ДИАГНОСТИКИ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ
РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ***Tatyana A. Baranova, Natalya G. Olkhovik***PRINCIPLES OF TESTING THE LEVEL OF VERBAL CONFLICT COMPETENCE****Аннотация**

В статье даны обоснование и описание оптимальных условий для выявления уровня сформированности речевой конфликтологической компетенции как одного из критериев готовности студентов к успешной профессиональной деятельности и компонента конфликтологической культуры. Актуальность темы статьи определяется необходимостью научно-практического обоснования принципов исследования наиболее оптимальных моделей речевого поведения в сфере профессиональной коммуникации. Новизна методов изучения речевой деятельности будущих специалистов заключается в использовании лингвопрагматического анализа речевого поведения личности для определения эффективности выбора речевой стратегии и тактики в конфликте.

Ключевые слова

РЕЧЕВАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ, СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ.

Abstract

The purpose of the article is to define and describe efficient conditions for identifying the level of verbal conflict competence formation. Verbal conflict competence is considered to be both a criterion of student's ability to participate successfully in the professional area and a component of conflict culture. The relevance of the paper is determined by necessity to justify scientifically and practically efficient patterns of verbal behavior in the sphere of professional communication. Research novelty is seen in the application of linguo-pragmatic analysis to the successful choice of the verbal strategy and tactics in the conflict situation.

Keywords

VERBAL CONFLICT COMPETENCE, CONFLICT CULTURE, LINGVO-PRAGMATIC ANALYSIS, PATTERNS OF VERBAL BEHAVIOUR, VERBAL STRATEGIES IN THE CONFLICT SITUATION.

Межличностное взаимодействие является неотделимым аспектом профессиональной деятельности будущего специалиста в любой области. В ходе межличностного взаимодействия неизбежно возникновение конфликтных ситуаций, с которыми каждая личность в силу своей уникальности может справиться по-своему. Однако задачей высшего учебного заведения является не только становление образцового профессионала, но также и воспитание самостоятельного человека, способного разрешать возникающие конфликтные ситуации наиболее эффективно для обеих сторон. Иначе говоря, высшее учебное заведение долж-

но снабдить студента необходимыми знаниями и умениями для достижения конструктивного межличностного взаимодействия, так как по своей сути конфликт – это амбивалентное явление, т. е. содержит как разрушительный, так и созидательный потенциал.

Владение различными стратегиями поведения в конфликте и умение их использовать для продуктивного урегулирования конфликтных ситуаций приобретают достаточную значимость в нашей стране, поскольку адекватное восприятие конфликтов, креативное отношение к ним, в частности поиск новых механизмов их разрешения, говорит о высокой культуре личности,

в том числе о сформированной конфликтологической культуре. Конфликтологическая культура предполагает сформированность не только конкретных знаний и практических умений, но и ряда специфических способностей личности, в том числе речевых, являющихся основой для лучшего понимания других и самого себя, для самосовершенствования, самореализации посредством конструктивного решения проблем межличностного взаимодействия. Иными словами, конфликтологическая культура личности – это интегративное качество, включающее культуру мышления, культуру чувств, коммуникативную и поведенческую культуру, проявляющиеся в конструктивных стратегиях поведения.

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что формирование конфликтологической культуры у студентов вуза представляет собой актуальную проблему высшего образования.

Одной из составляющих конфликтологической культуры является речевая конфликтологическая компетенция, понимаемая как способность выбирать и употреблять в речи языковые средства (лексико-грамматические, синтаксические, стилистические), конструктивные поведенческие модели, тактики и стратегии, обеспечивающие эффективность процесса общения.

Следовательно, ключевое значение для нас прежде всего имеет конструктивная конфликтная позиция личности как компонент речевой конфликтологической компетенции. Термин «позиция» интерпретируется в данном исследовании в общепринятом смысле и означает устойчивую систему отношений человека к определенным сторонам действительности, проявляющуюся в соответствующем поведении. Таким образом, конструктивная конфликтная позиция специалиста подразумевает под собой систему отношений и оценок конфликтологического опыта, конфликтной реальности и перспектив, которые задают, в свою очередь, направленность конфликтных действий и речевого поведения на результативный для обеих сторон исход конфликта.

В качестве методологической основы формирования речевой конфликтологической компетенции в нашем исследовании выступает концепция педагогической индивидуальности О.С. Гребенюка. Индивидуальность определяется основными ее сферами – интеллектуальной, мо-

тивационной, эмоциональной, волевой, предметно-практической, экзистенциальной и сферой саморегуляции. Так как именно потребности и производные от них (мотивы, интересы, убеждения, стремления, влечения, желания, ценностные ориентации и т. п.) представляют основу и движущую силу поведения личности, его побуждение и цель, эти потребности следует рассматривать как ядро индивидуальности, как самую существенную ее характеристику [1].

Согласно концепции индивидуальности О.С. Гребенюка, выделим личностные и речевые способности личности (социальное по природе образование, формирующееся под влиянием социальных факторов, главным образом потребности в общении и реализации коммуникативных интенций в различных ситуациях совместной деятельности людей), которые являются составляющим ее речевой конфликтологической компетенции (см. табл. 1).

Необходимо отметить, что становление и развитие данных личностных качеств также в целом способствуют формированию высококвалифицированного специалиста, обладающего высоким уровнем профессионально-ценностных ориентаций, общекультурными и профессиональными компетенциями, готового к постоянному саморазвитию и самосовершенствованию.

Выделим в качестве содержательных компонентов речевой конфликтологической компетенции следующие:

- познавательный: владение знанием о конфликте, конструктивных стратегиях в конфликтных взаимодействиях, стилях поведения, умение предупреждать и разрешать конфликт;
- речевой: умение выразить заданный смысл разными способами (способность к перифразированию), извлекать из сказанного на данном языке нужный смысл, часто различая сходные по форме, но различные по содержанию единицы языка (явление лексической и синтаксической омонимии) и, наоборот, находя общий смысл у внешне разных, но одинаковых по значению выражений (полисемия, синонимия);
- поведенческий: способность личности использовать полученные знания при решении конкретных конфликтных задач;
- эмоционально-волевой: умение управлять своими эмоциями, особенно гневом.

Таблица 1

Взаимосвязь сфер индивидуальности, личностных и речевых способностей, составляющих речевую конфликтологическую компетенцию личности

Сфера индивидуальности	Личностные способности	Речевые способности
1. Интеллектуальная	Гибкость ума, саногенное (здоровое) мышление, прогностическое мышление, система конфликтологических знаний	Гибкость речевого поведения, выделение и толкование функций ключевых слов, умение блокировать неверную интерпретацию собственного высказывания
2. Эмоциональная	Ситуативная тревожность, уверенность в себе, эмпатия, сочувствие, умение управлять своими чувствами, отношениями, настроением, адекватная самооценка	Адекватное восприятие эмоционального настроя вербального высказывания, определение эмоциональных коннотаций фонетических, лексических и синтаксических единиц, способность вербализовать эмоциональное сопереживание
3. Мотивационная	Отношение к конфликту как к средству разрешения объективного противоречия, устремленность на решение проблемы	Умение адекватно воспринимать речь оппонента и различать позитивные и деструктивные речевые тактики
4. Волевая	Терпение, настойчивость, инициативность, смелость, принципиальность, толерантность	Интерпретация языковых механизмов выражения позитивного и деструктивного предмета общения
5. Саморегуляции	Совестливость, самокритичность, разносторонность и осмысленность действий в конфликте, рефлексия	Семантика языковой единицы (общезыковой, общекультурной и контекстуальной)
6. Экзистенциальная	Стремление к самоактуализации, саморазвитию, самосовершенствованию	Умение воспринимать и интерпретировать фоновую информацию, производить отбор наиболее точного, уместного слова для выражения мысли и чувства
7. Предметно-практическая	Совокупность знаний и умений для решения конфликтологических задач (анализ ситуации, невосприимчивость к провокационным действиям оппонента и т. д.)	Способность к аргументации и цивилизованной полемике в условиях спора

Следовательно, мы можем сделать вывод, что критериями сформированности речевой конфликтологической компетенции являются:

1) социально-психологический – адекватное восприятие и оценивание конфликта, умение правильно определить трудную ситуацию как конфликтную, опираясь на полученные знания о конфликте, а также использование эффективных стратегий поведения;

2) когнитивно-речевой – способность выражать в речи на всех языковых уровнях (особенно лексическом, синтаксическом и стилистическом) стремление к конструктивному решению конфликта и осуществлять корректный и уместный выбор соответствующих речевой ситуации, целям и задачам коммуникации

моделей и стратегий речевого поведения, а также речевой тактики;

3) эмоционально-волевой – умение управлять своим психическим состоянием (снятие эмоционального напряжения, использование различного рода психологических защит), способность к воздействию на оппонента профессионального конфликта в результате рефлексивного самоопределения на основе конструктивной конфликтной позиции.

Для выявления уровня сформированности речевой конфликтологической компетенции в совокупности целесообразно использовать методику диагностики предрасположенности к конфликтному поведению, разработанную К. Томасом, и метод лингвопрагматического

анализа речевого поведения (на примере теста «Незаконченные предложения», а также анализ тактик речевой агрессии и толерантности в завершенных логически и композиционно текстах общественно-социального характера, представляющих стандартную ситуацию общения в рамках профессиональной деятельности) [2].

В своем подходе К. Томас перенес акцент с элиминирования конфликтов на управление ими. В соответствии с этим он считает нужным сконцентрировать внимание на следующих аспектах изучения конфликта: какие формы поведения в конфликтных ситуациях характерны для людей, какие из них являются более продуктивными или деструктивными; каким образом можно стимулировать эффективное поведение.

В тесте каждый из перечисленных выше вариантов описывается 12 суждениями о поведении человека в конфликтной ситуации. Они сгруппированы в 30 пар, в каждой из которых предлагается выбрать суждение, наиболее типичное для характеристики его поведения.

В условиях социального конфликта Томас выделяет два основных стиля поведения:

- **Настойчивость** (от *англ.* assertiveness – напористость, самоуверенность) – характеризуется прежде всего защитой собственных интересов;

- **Сотрудничество** (от *англ.* cooperativeness) – связан с вниманием человека к интересам других участников конфликта.

Соответственно двум стилям поведения выделяются следующие способы регулирования конфликтов (стратегии поведения в конфликте):

- **Соперничество** (соревнование) (+ Настойчивость, – Сотрудничество) – неэффективный стиль поведения, выражающийся в стремлении добиться своих интересов, не принимая во внимание интересы других;

- **Избегание** (– Настойчивость, – Сотрудничество) – уход от конфликта, подразумевающий как уклонение от сотрудничества, так и отказ отстаивать собственные интересы;

- **Приспособление** (– Настойчивость, + Сотрудничество) – пренебрежение собственными интересами ради интересов других;

- **Компромисс** (\pm Настойчивость, \pm Сотрудничество) – соглашение между конфликтующими сторонами, достигаемое путем взаимных уступок;

- **Сотрудничество** (кооперация) (+ Настойчивость, + Сотрудничество) – альтернативное решение конфликта, полностью удовлетворяющее интересам всех конфликтующих сторон [5].

Итак, только в ситуации сотрудничества обе стороны оказываются в выигрыше, что свидетельствует о конструктивности решения конфликта, а следовательно, только такой конфликт может быть плодотворным для всех участников и способствует самоактуализации личности, ее целостности и гармоничности в отношении к себе и к окружающим. Следует отметить, что компромисс также конструктивная стратегия поведения в конфликтной ситуации, но отказ от некоторых ранее выдвигаемых требований в ходе использования данной стратегии является лишь способом разрешения конфликта и не устраняет самой причины конфликта, в то время как стратегия сотрудничества позволяет ликвидировать его источник.

Метод лингвопрагматического анализа высказывания основывается на принципах организации конструктивной речевой деятельности, целью которой является эффективное межличностное взаимодействие в профессиональной сфере общения.

Первым принципом выступает лингвокогнитивный, который раскрывает аспекты «концептуальной организации знаний, задействованных в процессе порождения и понимания мысли» [3]. Описывая речевое высказывание в этом ракурсе, мы имеем возможность использовать лингвистические методы, направленные на анализ языковой и речевой семантики различных единиц высказывания. Предметом лингвокогнитивного анализа являются единицы всех уровней языка, сигнализирующие об интенциях участников коммуникативной ситуации, их стратегических замыслах и тактических задачах («маркеры коммуникативного акта по типу взаимодействия») [Там же].

Второй принцип анализа высказывания с точки зрения степени его конфликтности – прагматико-интерпретационный. Данный принцип учитывает адекватность и оправданность речевых действий коммуникантов. Значимыми единицами для анализа являются как языковые, речевые компоненты, так и невербальные элементы высказывания, в частности фактор пресуппозиции, последовательность изложения мысли, корректность планирования речевого высказывания.

Третьим принципом анализа речевого высказывания (а вместе с тем и определения уровня сформированности конфликтологической компетенции) является контекстный, который предполагает включение каждого конкретного высказывания в более широкий контекст. Единицами анализа речевого высказывания в рамках контекстного принципа выступают внутриконтекстуальные значения, общекультурные ассоциации, фоновые знания, модели поведения, актуальные для того или иного социума («социально одобренные программы поведения») [4].

Таким образом, метод лингвопрагматического анализа речевого высказывания может выявить, способны ли коммуниканты проявлять гибкость речевого поведения,

используя корректирующие речевые ходы и тактики, воспринимать и интерпретировать фоновую информацию, при помощи речевых тактик блокировать неверную интерпретацию собственного высказывания, определять интенции говорящего по ключевым словам, корректно интерпретировать речевые действия говорящего, реализовывать собственные коммуникативные цели, задачи и намерения и т. д.

Основываясь на вышеперечисленных принципах лингвопрагматического анализа высказывания, речевых и личностных способностях, стратегиях поведения с целью урегулирования конфликта, определим уровни сформированности речевой конфликтологической компетенции (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровни сформированности речевой конфликтологической компетенции

Уровень сформированности речевой конфликтологической компетенции	Характеристика уровня
Низкий (деструктивный)	Неадекватное восприятие конфликта; отсутствие сформированности умений осуществлять выбор и интерпретацию роли языковых единиц в выражении позитивного или деструктивного отношения к предмету общения; недостаточная сформированность фоновых знаний для понимания контекста ситуации общения; отсутствие мотива к конструктивному разрешению конфликта; выбор таких стратегий поведения в конфликтной ситуации, как соперничество и избегание
Средний (непродуктивный)	Проявление непоследовательности в адекватном понимании конфликта; определение функции языковых единиц в создании конфликтогенной ситуации общения, но недостаточная осведомленность о фоновых знаниях конкретной коммуникативной ситуации; неточная интерпретация экстралингвистических факторов общения, например жестов, мимики, паузации (что особенно актуально для иноязычной среды); сформированность мотива к избеганию конфликтной ситуации, а не к ее разрешению; преобладающее использование стратегий приспособления и компромисса в процессе разрешения конфликтной ситуации
Высокий (продуктивный)	Адекватное восприятие конфликта; сформированность мотива к конструктивному разрешению конфликта; точная оценка и выбор языковой единицы в организации собственного речевого произведения и корректное понимание языкового пространства высказывания оппонента; адекватное определение контекстуального значения ключевых языковых единиц для той или иной ситуации общения; способность интерпретировать высказывание с точки зрения актуализируемых фоновых знаний; четкое определение дифференциальных признаков речевой ситуации (интересов, мотивов, установок, целей, кодекса взаимоотношений и т. д.); сознательное управление своим психическим состоянием (успешно контролируются отрицательные эмоции в сторону разрешения конфликта); используется оптимальная стратегия в разрешении конфликта – сотрудничество

Таким образом, уровни сформированности речевой конфликтологической компетенции охватывают социально-психологический (стратегии поведения в конфликтной ситуации), эмоционально-волевой (сформированность мотива к конструктивному

разрешению конфликта) и речевой аспекты коммуникативной ситуации (вербализованная репрезентация собственного отношения к конфликтогенной речевой ситуации и умение урегулировать отношения в речевом аспекте).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гребенюк, О.С.** Основы педагогики индивидуальности [Текст]: учеб. пособие / О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 572 с.
2. **Сонин, В.А.** Психодиагностическое познание профессиональной деятельности [Текст] / В.А. Сонин. – СПб.: Речь, 2004. – 408 с.
3. **Третьякова, В.С.** Конфликт глазами лингвиста [Текст] / В.С. Третьякова // Юрлингвистика-2:

русский язык в его естественном и юридическом бытии. – 2000. – С. 127–140.

4. **Она же.** Речевой конфликт и гармонизация общения [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003.

5. **Thomas, K.W.** Conflict and Conflict Management [Text] / K.W. Thomas // M. Dunnette (Ed.). – Handbook of Industrial and Organizational Psychology. – Chicago: Rand McNally, 1976. – 240 p.

REFERENCES

1. **Grebeniuk O.S., Grebeniuk T.B.** Osnovy pedagogiki individual'nosti. Kaliningrad, Iantarnyi skaz, 2000. 572 p. (rus.)
2. **Sonin V.A.** Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noi deiatel'nosti. St. Petersburg, Rech', 2004. 408 p. (rus.)

3. **Tret'iakova V.S.** Konflikt glazami lingvista. *Iur-lingvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii.* 2000. Pp. 127–140. (rus.)

4. **Eadem.** Rechevoi konflikt i garmonizatsiia obshcheniia. Ekaterinburg, 2003. (rus.)

5. **Thomas K.W.** Conflict and Conflict Management. M. Dunnette (Ed.), Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago: Rand McNally, 1976. 240 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

БАРАНОВА Татьяна Анатольевна – доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
baranova.ta@flspbpu.ru

BARANOVA Tatyana A. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
baranova.ta@flspbpu.ru

ОЛЬХОВИК Наталия Геннадьевна – доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
nataly.olkhovik@mail.ru

OLKHOVIK Natalya G. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
nataly.olkhovik@mail.ru

УДК 372.881.111.1

*М.Н. Соснина***ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ***Mariia N. Sosnina***TECHNOLOGY OF MANAGING THE QUALITY OF MODERN
LANGUAGE EDUCATION IN THE NON-LANGUAGE UNIVERSITY****Аннотация**

В статье рассматривается новая частнопредметная педагогическая технология обеспечения качества иноязычного обучения в неязыковом вузе. До недавнего времени управление качеством обучения в вузе заключалось в администрировании образовательной деятельности, без учета особенностей преподавания конкретных дисциплин. Целью данной технологии является организация иноязычного обучения в неязыковом вузе с учетом компетентностной модели и методологии профессиональных профилей. Концептуальную основу технологии составляют понятие качества иноязычного обучения и принципы всеобщего управления качеством (TQM). Содержательная сторона обучения данной технологии представлена ФГОС ВПО третьего поколения и Общевропейскими компетенциями владения иностранным языком.

Преимуществами данной технологии являются повышение мотивации учащихся неязыкового вуза к изучению иностранного языка и достижению эффективного результата за оптимальный период времени.

Ключевые слова

ЧАСТНОПРЕДМЕТНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ, КАЧЕСТВО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ, КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ, ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ, ПРИНЦИПЫ ВСЕОБЩЕГО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОФИЛИ.

Abstract

The article considers a new course-oriented educational technology which manages the quality of modern language teaching in the non-language university. Up to the present, the quality management in universities was targeted only at the educational process as a whole, with no attention to particular subjects and courses. The purpose of the given technology is the organization of modern language teaching in the non-language university on the basis of core educational competencies and CEF Professional Profiles. The technology is established on the concept of modern language quality and principles of Total Quality Management. The educational content of the technology is presented by the latest Federal State Standards for Higher Education and Common European Framework of Reference.

This educational technology contributes to the better motivation of students to learn foreign languages and achieve the results within the reasonable time.

Keywords

COURSE-ORIENTED EDUCATIONAL TECHNOLOGY, MODERN LANGUAGE QUALITY, COMPETENCE MODEL, COMMON EUROPEAN FRAMEWORK OF REFERENCE, TOTAL QUALITY MANAGEMENT PRINCIPLES, CEF PROFESSIONAL PROFILES.

В настоящее время приоритетными направлениями развития российского высшего профессионального образования являются следующие: горизонтальная/вертикальная интеграция; ин-

тернационализация на основе Болонских принципов; дальнейшее обеспечение многоуровневого образования; реализация образовательных стандартов третьего поколения, основанных на ком-

петентностном подходе; развитие систем оценки качества образовательных услуг; разработка рейтинговой системы оценки знаний; инновационная составляющая образования; непрерывное образование (life-long learning).

Основополагающим моментом для реализации концепции управления качеством явилось подписание европейскими странами в июне 1999 года. Болонской декларации о высшем образовании. Это ознаменовало начало нового этапа развития высшего образования, направленного на международное сотрудничество на основе взаимного доверия, прозрачности, признания компетенций и квалификаций, повышающих гарантии открытости рынка труда.

После присоединения России к Болонской декларации в 2003 году «болонский формат» стал приоритетным в реорганизации отечественной системы высшего образования в соответствии с принципами создания единого международного образовательного пространства. Учебные заведения стали активно разрабатывать и внедрять системы менеджмента качества. В основе таких систем лежат международные стандарты ISO 9000:2008 и ISO 9001, 9004 в области образования, реализующие восемь принципов концепции всеобщего управления качеством (TQM). Системы управления качеством помогают вузам создавать особые условия для улучшения результативности обучения и повышения удовлетворенности потребителей образовательных услуг, к которым относятся студенты, их родители, потенциальные работодатели, а также общество в целом [1].

Однако до сих пор управление качеством в вузе заключалось в основном в администрировании образовательной деятельности, без учета особенностей преподавания конкретных дисциплин. Таким образом, целесообразно было бы создать новую технологию обеспечения качества для конкретной дисциплины, а именно для иноязычного обучения в неязыковом вузе. В уровневой системе педагогических технологий данная технология определяется как частнопредметная, имеющая своей целью организацию иноязычного обучения в неязыковом вузе таким образом, чтобы результат был достигнут наиболее эффективным способом с учетом современных принципов, методов, подходов, приемов и средств обучения. В структуру данной технологии входят:

- ФГОС ВПО третьего поколения;

- опубликованный в 2001 году документ Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» («Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment») (далее – CEF);

- система всеобщего управления качеством (TQM).

Две первые составляющие отражают содержательную сторону обучения технологии управления качеством. Система TQM лежит в основе процессуального компонента данной технологии.

Концептуальную основу технологии управления качеством составляют, с одной стороны, понятие качества и, с другой стороны, принципы TQM.

В иноязычном обучении качество обычно интерпретируется с позиций результата обучения, под которым подразумевается практическое владение языком. В свою очередь, содержание понятия «владение языком» зависит от доминирующих на данном этапе методов и подходов к обучению иностранным языкам. Те же самые методы и подходы заложены в технологию управления качеством иноязычного обучения.

С 1990-х годов пальма первенства принадлежит коммуникативному, или коммуникативно-ориентированному, методу, возникшему на базе социолингвистики. Главной целью обучения в соответствии с этим методом является формирование коммуникативной компетенции. Таким образом, владение языком с точки зрения коммуникативного метода приравнивается к формированию речевых навыков, умений, коммуникативной компетенции.

Среди преобладающих в современной методике подходов к обучению иностранному языку чаще всего выделяют два: личностно-деятельностный (личностно ориентированный) и компетентностный.

В соответствии с личностно-деятельностным подходом в центре процесса обучения находится обучающийся, который из объекта обучения превращается в субъекта обучения, осуществляющего определенную деятельность в социальном контексте с целью решения задач (не обязательно языковых). В рамках такого подхода в процессе обучения учитываются индивидуально-психологические особенности учащихся, их интересы и потребности.

Компетентностный подход получил широкую известность после публикации «Стратегии модернизации содержания общего образования» (2001) и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» (2002), где был отмечен переход оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «общая культура» на понятия «компетенция/компетентность»

С точки зрения компетентностного подхода качество интерпретируется как эффективность процесса обучения, обусловленная достижением целей и результатов обучения, под которыми понимается овладение компетенциями/компетентностями [2]. На низших уровнях ВПО формируются компетенции, способствующие осуществлению профессиональной деятельности, а на высших – компетенции, способствующие управлению процессами профессиональной деятельности.

Для иноязычного обучения основной формируемой компетенцией является коммуникативная компетенция (термин предложен Д. Хаймсом), или иноязычная коммуникативная компетенция. Согласно ФГОС ВПО третьего поколения, этот вид компетенции для неязыковых специальностей предполагает умение использовать иностранный язык в межличностном общении и профессиональной деятельности, извлекать необходимую информацию из оригинального текста на иностранном языке, а также навыки публичной речи, аргументации, ведения дискуссии [3]. Понятие коммуникативной компетенции легло в основу документа СЕФ.

Составляющими иноязычной коммуникативной компетенции являются следующие компетенции: лингвистическая, социолингвистическая (речевая), социокультурная, дискурсивная, стратегическая (компенсаторная), предметная, социальная [4].

Одним из эффективных способов формирования коммуникативной компетенции и, следовательно, повышения качества иноязычного обучения может служить педагогическая технология, основанная на принципах системы TQM (см. таблицу).

Концепция TQM базируется на следующих принципах:

- ориентация на потребителя;
- роль преподавателя;

- всеобщее вовлечение в решение проблем качества;
- процессный подход;
- постоянное совершенствование;
- системный подход к управлению качеством;
- принятие решений, основанных на фактах;
- концентрация усилий в сфере качества в сторону человеческих взаимоотношений [5].

Ориентация на потребителя в рассматриваемой технологии управления качеством иноязычного обучения предполагает удовлетворение запросов лиц, заинтересованных в результате обучения иностранному языку. Результат предопределяет цели обучения, имеющие следующие особенности:

а) как правило, носят прагматический характер;

б) определяются потребностями общества и социальным заказом использовать иностранный язык для общения в различных сферах деятельности;

в) тесно связаны с основными языковыми свойствами (коммуникативностью, системностью, функциональностью) и функциями (созданием, хранением, передачей информации);

г) согласуются с существующей на данном этапе развития общества концепцией иноязычного обучения.

В рамках технологии управления качеством цели обучения формируются с учетом требований ФГОС ВПО, реализующего компетентностную модель, и общеевропейскими компетенциями владения иностранным языком. Опираясь на структуру уровней, представленных в документе Совета Европы, с одной стороны, и требования к сдаче единого государственного экзамена – с другой, можно предположить, что для неязыкового вуза оптимальными являются предпороговый (waystage), пороговый (threshold) и пороговый продвинутый (vantage) уровни (в терминах СЕФ – соответственно А2, В1, В2). Владение иностранным языком на каждом уровне осуществляется через речевую деятельность, включающую рецептивные (чтение, аудирование) и продуктивные (говорение, письмо) виды. Тематика общения на иностранном языке, в соответствии с примерной программой по дисциплине «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов, происходит в рамках четырех коммуникационных сфер:

**Преимущества системы TQM для высшего образования
 по сравнению с традиционной системой управления качеством**

Традиционные принципы управления качеством	Принципы системы TQM
1. Удовлетворение потребностей только одной из сторон. В образовании это либо образовательное учреждение, получающее высокие показатели успеваемости, либо учащиеся, стремящиеся сдать экзамены и защитить дипломную работу	1. Удовлетворение потребностей всех сторон, как участников образовательного процесса, так и лиц / организаций, финансирующих обучение, потенциальных работодателей, общества в целом
2. Планирование, обеспечение и контроль улучшения качества в циклическом режиме, когда образовательный процесс воспринимается как набор отдельных, никак не пересекающихся дисциплин. Соответственно основное внимание уделяется качеству отдельных составляющих процесса	2. Планирование, обеспечение и контроль улучшения качества всех процессов и системы в непрерывном режиме. Все компоненты образовательного процесса (например, обучения иностранному языку) взаимосвязаны, подчинены общей цели. Приоритетом является качество общего результата через постоянное улучшение качества всех процессов
3. Разработка преимущественно корректирующих воздействий, направленных на исправление недостатков. В образовании таким воздействием могут считаться дополнительные занятия, переэкзаменовки, разработка дидактических материалов	3. Разработка преимущественно предупреждающих воздействий, которые связаны главным образом с прозрачностью всей системы контроля качества в образовательном процессе. К подобным мерам воздействия в иноязычном обучении можно отнести предварительную диагностику знаний, умений, навыков учащихся, применение системы дескрипторов для каждой составляющей образовательного процесса, дифференцированный подход к обучению для каждого уровня владения языком, материалы для самооценки учащихся
4. Возложение функций обеспечения качества на преподавателей и администрацию	4. Возложение функций управления качеством на всех вовлеченных лиц, включая преподавателей, учащихся, потенциальных работодателей, внешние и внутренние контролирующие организации
5. Решение в области качества только срочных вопросов и первоочередных задач	5. Регулярное выявление и решение хронических проблем, связанных с качеством, долгосрочное планирование качества и методов его достижения
6. Деятельность фокусируется на методах и средствах достижения цели. Ориентиром является обсуждение, приоритетом – процесс	6. Деятельность направлена на результат, ориентиром являются эффективные действия
7. Решения принимаются на основе мнений	7. Решения принимаются на основе фактов

бытовой, социально-культурной, учебно-познавательной и профессиональной [6]. Подобная тематическая дифференциация позволяет организовать обучение нелинейно, разбивая учебный курс на модули, соответствующие содержательным блокам «Иностранный язык для общих целей», «Иностранный язык для академических целей», «Иностранный язык для специальных / профессиональных целей», «Иностранный язык для делового общения».

Кроме того, при определении целей иноязычного обучения для неязыковых специальностей и реализации двух последних из упомянутых

блоков эффективным могло бы стать использование методологии профессиональных профилей, дополняющих CEF. Проект CEF Professional Profiles разрабатывался в 2005–2007 годах ведущими специалистами европейских университетов Болгарии, Венгрии, Германии, Нидерландов, Польши, Финляндии на основе анализа профессиональных потребностей. Основной целью проекта явилось определение и внедрение в процесс иноязычного обучения дополнительных компетенций, необходимых в настоящей / будущей профессиональной деятельности учащихся. Это позволило бы максимально при-

близить содержание занятий по иностранному языку к условиям рабочей среды.

Структура профессиональных профилей включает следующую информацию [7]:

- специализация или область профессиональных интересов;
- описание возможных должностей и профессиональных обязанностей для данной специальности, включая потенциальные места работы (предприятия и организации);
- перечисление возможных коммуникативных ситуаций, партнеров по коммуникации, средств коммуникации;
- подробное описание наиболее распространенных коммуникативных ситуаций и ситуативных заданий;
- подробное описание наиболее сложных и ответственных ситуаций и ситуативных заданий;
- портфолио, резюмирующее всю вышеперечисленную информацию по заданной специальности с учетом коммуникативно-речевых потребностей.

Системный подход к управлению качеством в описываемой технологии реализуется с использованием замкнутого управленческого цикла PDCA, или цикла Деминга, в котором P (Plan) – планирование работы, D (do) – осуществление плана, C (check) – проверка соответствия полученного результата эталонному («Общеввропейские компетенции владения иностранным языком»), A (act) – принятие мер при отклонении результата от запланированного. Данный цикл позволяет **постоянно совершенствовать процесс обучения** и гарантирует воспроизводимость педагогической технологии.

В основе системы TQM лежит **процессный подход**, в соответствии с которым желаемый результат достигается эффективнее, если деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом. С точки зрения педагогической технологии вышеназванный подход способствует обеспечению управляемости иноязычной подготовки посредством следующего циклического алгоритма:

1. Постановка целей (планирование качества) осуществляется на основе компетентного подхода и единых критериев, нацеленных на результат. Таким набором критериев служат ФГОС ВПО, CEF и CEF Professional Profiles.

2. Качество иноязычного обучения обеспечивается через процесс обучения, где прин-

ципы системы TQM реализуются через **роль преподавателя и всеобщее вовлечение учащихся в решение проблем качества**. Преподаватель больше не является единственным источником знаний и контролером усвоенного материала. Роль преподавателя теперь заключается в организации учебного процесса таким образом, чтобы учащиеся могли проявить свои интеллектуальные, когнитивные, творческие способности в исследовании, усвоении и закреплении материала. Учащийся из объекта обучения превращается в субъекта обучения, что проявляется в таких педагогических технологиях, как обучение в сотрудничестве, метод проектов, центрированное на ученике обучение, дистанционное обучение, кредитно-модульная система и др. Студенты, имея партнерские отношения с преподавателем, могут принимать участие в определении целей, выборе тематики обучения и форм контроля. В иноязычном обучении большое значение имеет самоконтроль, когда учащийся, используя банк данных иллюстративных дескрипторов CEF, может оценить свой уровень владения иностранным языком на любой стадии обучения.

3. Контроль качества, позволяющий принимать **решения на основе фактов**, осуществляется через систему дескрипторов, или шкал, разработанных Советом Европы и объединенных в три группы в зависимости от целей, субъектов и объектов выявления уровня владения иностранным языком (классификация предложена в 1991 году J.C. Алдерсеном [8]). В эту систему входят:

- шкала, ориентированная на изучающего иностранный язык (user-oriented) и показывающая, что учащийся должен уметь на каждом уровне владения иностранным языком. При этом все умения описываются максимально доступно и просто, в общем виде, без учета видов речевой деятельности и перечня компетенций. Применяется в основном для самоконтроля;

- шкала, ориентированная на экзаменаторов (assessor-oriented). Отличительная особенность: объектами данной группы дескрипторов являются деятельность учащегося и ее оценка посредством различных видов контроля (диагностического, текущего, промежуточного, итогового и т. д.). Эта шкала может быть представлена как в обобщенном, так и в аналитическом виде, когда рассматриваются различные аспекты иноязычной деятельности, например

лексико-грамматический диапазон, точность, беглость, произношение и др.;

- шкала, ориентированная на составителей тестов, разработчиков учебных программ, экзаменаторов (constructor-oriented). Дескрипторы данной шкалы для каждого уровня владения иностранным языком описывают конкретные задания для учащихся или ситуации, в которых учащиеся должны взаимодействовать с окружающими (например, умение рассказать о своей работе, общаться по телефону, сформулировать жалобу и т. д.). Кроме того, шкала может отражать и языковые требования к выполнению данных заданий для каждого языкового уровня. Дескрипторы шкалы могут использоваться для самоконтроля.

Технология обеспечения качества в иноязычном обучении не только выполняет организующую и контролирующие функции, она связана с воспитанием и развитием личности учащихся, что на данном этапе организации образовательного процесса в вузе представляется крайне важной задачей [9]. В современных образовательных концепциях акцент делается на **улучшение человеческих взаимоотношений**, т. е. данная технология согласуется с концепцией гуманизации образования и отражает определение педагогической технологии, данное ЮНЕСКО: «Педагогическая технология – системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технологических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования» [10, с. 217].

Таким образом, можно сделать вывод, что рассматриваемая технология позволяет:

- управлять качеством иноязычного обучения как процессом;
- определять цели обучения с учетом запросов всех заинтересованных сторон, включая лиц и организации, финансирующие обучение, потенциальных работодателей, общества в целом;

- более тесно связывать цели и результат обучения, принимая во внимание специфику неязыкового вуза;

- систематизировать критерии оценки результата на протяжении всего процесса обучения, используя компетентностную модель ФГОС ВПО и рамочные европейские компетенции СЕФ;

- разработать более объективную систему оценивания достижений учащихся, основанную на применении различных шкал/дескрипторов СЕФ;

- вовлекать учащихся в планирование и контроль образовательного процесса, что способствует повышению мотивации к изучению иностранных языков;

- регулярно применять материалы для самодиагностики учащихся и выявления их уровня владения языком, что особенно актуально для неязыкового вуза, где обучение часто проходит в разноуровневых и переполненных группах;

- постоянно совершенствовать процесс иноязычного обучения с помощью цикла Деминга, направленного на реализацию принципов СЕФ и компетентностного подхода с учетом требований и ограничений конкретных неязыковых специальностей;

- опираться на достижения системы TQM, инновационные методические и дидактические концепции, тем самым укрепляя междисциплинарные связи.

В перспективе рассматривается возможность внедрения технологии управления качеством иноязычного обучения для большинства институтов СПбГПУ с целью повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка и достижению эффективного результата за оптимальный период времени. В макроконтексте это позволит повысить конкурентоспособность вуза на международной арене и успешно реализовать проект «5-100-2020», согласно которому СПбГПУ войдет в сотню ведущих мировых университетов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анализ** мирового и российского опыта создания систем управления качеством [Текст] / сост. В.В. Зверев, А.И. Рудской, В.Н. Козлов [и др.]. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. — 114 с.
2. **Иванов, Д.А.** Экспертиза в образовании [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / Д.А. Иванов. — М.: Академия, 2008. — 336 с.
3. **Федеральный** государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 «Экономика» (квалификация (степень) «бакалавр») [Текст] / М-во образования и науки РФ. — М., 2009. — 14 с.
4. **Щукин, А.Н.** Обучение иностранным языкам: теория и практика [Текст]: учеб. пособие / А.Н. Щукин. — 3-е изд. — М.: Филоматис, 2007. — 480 с.
5. **Разработка** системы менеджмента качества образовательной деятельности вуза [Текст]: метод. рекомендации / под ред. Е.А. Горбашко. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004.
6. «**Иностранный язык**» для неязыковых вузов и факультетов: примерная программа [Текст] / под общ. ред. С.Г. Тер-Минасовой. — М., 2009. — 24 с.
7. **Huhta, M.** Needs analysis for language course design: a holistic approach to ESP [Text] / M. Huhta, K. Vogt, E. Johnson, H. Tulkki. — 2013. — 266 p.
8. **Alderson, J.C.** Bands and scores. Language testing in the 1990s [Text] / J.C. Alderson. — London: British Council/Macmillan, Developments in ELT, 1991. — P. 71–86.
9. **Акопова, М.А.** Гуманитарная составляющая образовательной среды в техническом вузе [Текст]: моногр. / М.А. Акопова, Н.И. Алмазова, Л.Г. Жук, Т.В. Савушкина. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. — 138 с.
10. **Менеджмент** качества образовательных процессов [Текст]: учеб. пособие / под ред. Э.В. Минько, М.А. Николаевой. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. — 400 с.

REFERENCES

1. **Zverev V.V., Rudskoi A.I., Kozlov V.N. et al.** Analiz mirovogo i rossiiskogo opyta sozdaniia sistem upravleniia kachestvom. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2005. 114 p. (rus.)
2. **Ivanov D.A.** Ekspertiza v obrazovanii. Moscow, Akademiia, 2008. 336 p. (rus.)
3. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshogo professional'nogo obrazovaniia po napravleniiu podgotovki 080100 "Ekonomika" (kvalifikatsiia (stepen') "bakalavr"). Moscow, 2009. 14 p. (rus.)
4. **Shchukin A.N.** Obuchenie inostrannym iazykam: teoriia i praktika. 3-e izd. Moscow, Filomatis, 2007. 480 p. (rus.)
5. Razrabotka sistemy menedzhmenta kachestva obrazovatel'noi deiatel'nosti vuza: Metodicheskie rekomendatsii. Pod red. E.A. Gorbashko. St. Petersburg, Publ. SPbGUEF, 2004. (rus.)
6. "Inostrannii iazyk" dlia neiazykovykh vuzov i fakul'tetov: primernaia programma. Pod obshchei red. S.G. Ter-Minasovoi. Moscow, 2009. 24 p. (rus.)
7. **Huhta M., Vogt K., Johnson E., Tulkki H.** Needs analysis for language course design: a holistic approach to ESP, 2013. 266 p.
8. **Alderson J.C.** Bands and scores. Language testing in the 1990s. London, British Council/Macmillan, Developments in ELT, 1991, pp. 71–86.
9. **Akopova M.A., Almazova N.I., Zhuk L.G., Savushkina T.V.** Gumanitarnaia sostavliaiushchaia obrazovatel'noi sredy v tekhnicheskom vuze. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2010. 138 p. (rus.)
10. Menedzhment kachestva obrazovatel'nykh protsessov. Pod red. E.V. Min'ko, M.A. Nikolaevoi. Moscow, Norma, INFRA-M, 2013. 400 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СОСНИНА Мария Николаевна — старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
mmasha2004@inbox.ru

SOSNINA Mariia N. — St. Petersburg State Polytechnic University.

Politechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
mmasha2004@inbox.ru

УДК 159.99

Е.В. Руснак, Ф.И. Валиева

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ*

Elena V. Rusnack, Fatima I. Valieva

THE FEATURES OF USING COPING STRATEGIES WITHIN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация

В статье представлены результаты статистического и корреляционного анализа данных относительно предпочтений в выборе различных видов стратегий школьниками, студентами и преподавателями разных возрастных групп. Анализируются наиболее устойчивые двусторонние положительные и отрицательные корреляции между исследуемыми конструктами и их составляющими. На примере репрезентативной выборки объемом более ста человек выделены наиболее часто используемые продуктивные и непродуктивные копинг-стратегии.

Ключевые слова

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ, КОРРЕЛЯЦИИ, АДАПТИВНЫЕ И НЕАДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ.

Abstract

The results of statistical and data correlation analysis on the preferences in the selection of different strategies among school students and different age groups of teaching staff are presented in the work. The most frequently used productive and non-productive coping strategies were highlighted on the example of a representative sample that surpassed one hundred people. The most stable two-way positive and negative correlations are also revealed and analyzed.

Keywords

COPING STRATEGIES, CORRELATIONS, ADAPTIVE AND NON-ADAPTIVE STRATEGIES, AGE SPECIFICATION, SOCIAL CONTEXT.

Если проанализировать современные проблемы системы образования, станет понятно, что все задачи и функции, которые возложены на участников этой системы, трудновыполнимы из-за нехватки ресурсов и времени. Хорошо известно, что одной из самых стрессогенных сегодня является профессия преподавателя. К основным факторам, способствующим снижению успешности профессиональной деятельности преподавателей в целом, большинство исследователей, занимающихся этой проблемой, относят: дисбаланс между интеллектуально-энергетическим уровнем и мораль-

но-материальным вознаграждением; ролевые конфликты, асоциальное поведение «трудных» учащихся/студентов; низкую оплату труда; относительно низкий социальный статус преподавателей; недостаточный уровень профессиональной подготовки специалиста и др. Эти и многие другие факторы провоцируют неудовлетворенность своей работой и возникновение конфликтов как на внутриличностном, так и на межгрупповом уровне [1].

Одним из наиболее уязвимых в аспекте устойчивости к различным стрессам и стрессорам является молодое поколение специалистов в системе образования. Успешность и результативность первых профессиональных шагов молодого специалиста зависят не только от его профессионального образования, пред-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.В37.21.0545).

полагающего профессионализм соответствующих знаний и умений. Особую актуальность для положительного адаптационного процесса приобретают коммуникативные компетенции адаптанта, умение взаимодействовать с другими людьми, представление о профессионально значимых качествах, знание своих особенностей и проблем, умение самостоятельно выходить из неблагоприятных, сложных состояний (стрессов, непредвиденных изменений и др.).

Исследование поведения, направленного на преодоление трудностей, чаще всего проводится в рамках исследований, посвященных копингу. Под копингом понимают постоянно изменяющиеся когнитивные, эмоциональные и поведенческие попытки справиться со специфическими внутренними и внешними потребностями, которые определяются как напряжение [2, 3].

Копинг-поведение возникает, когда человек осознает, что он находится в трудной ситуации [4]. Каждая подобная ситуация подразумевает наличие какого-либо обстоятельства и определенного отношения к ней. Это отношение зависит от уровня важности ситуации для индивида.

Среди наиболее известных копинг-стратегий следует упомянуть: проблемно-ориентированные, эмоционально-фокусированные; когнитивные, поведенческие, эмоциональные; стратегии поведенческого уровня, стратегии уровня эмоциональной обработки и стратегии познавательного уровня [5].

Некоторые исследователи предпочитают классифицировать копинг-стратегии по принципу функциональности. Функциональные стили представляют собой попытки справиться с ситуацией, прибегая или не прибегая к помощи других людей. Дисфункциональные стили связаны с использованием непродуктивных стратегий; в научной литературе их принято называть избегающим копингом [6].

Полагаем, что с помощью знания и умелого применения копинг-стратегий можно решить проблему профессиональной дезадаптации, являющуюся одной из самых актуальных для образовательного процесса.

В ходе нашего исследования были проанализированы особенности использования копинг-стратегий людьми, чья сфера деятельности в той или иной степени соотносится с

системой образования, а именно учащимися школ и университетов, школьными учителями и преподавателями вузов. Опрос был проведен по нескольким шкалам и тестам. В их число вошли: тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана, методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хейма (Method for Determination of Individual Coping-Strategies) и тест на определение уровня стрессоустойчивости. В качестве методов исследования использовались аналитический обзор научно-исследовательской литературы, методы частичного моделирования и математико-статистической обработки полученных результатов.

В исследовании приняли участие около 100 человек, в том числе школьники – 28 %, студенты – 33 %, преподаватели – 39 %.

Для изучения характерных предпочтений в выборе копинг-стратегий результаты опроса были проанализированы по тесту Р. Лазаруса и С. Фолкмана (см. табл. 1), а также по методу определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хейма.

Из представленных в табл. 1 данных видно, что участники образовательного процесса используют разные копинг-механизмы, что связано с их возрастом, социальным статусом и т. д.

Конфронтационный копинг (подразумевает агрессивные попытки изменить ситуацию, определенный уровень враждебности и способность пойти на риск). Частота его использования уменьшается с возрастом: посредством этой стратегии справляются с напряжением 66,6 % школьников, 60 % студентов и 56,6 % преподавателей.

Дистанцирование (предполагает отстранение от ситуации и уменьшение ее значимости). Этот способ для преодоления стрессовой ситуации выбирают 56,6 % школьников, 53,3 % студентов и 50 % преподавателей.

Самоконтроль (в качестве копинг-стратегии интерпретируется как комплекс прилагаемых индивидом усилий, ориентированных на регуляцию своих эмоций и действий). На выбор данной стратегии также влияет возрастной фактор, что подтверждается результатами: 54,2 % школьников, 60 % студентов и 65,7 % преподавателей считают этот копинг-механизм наиболее эффективным. Полученные результаты еще раз подтверждают, что с возрастом человек больше склоняется к приспособ-

Таблица 1

**Предпочтения участников образовательного процесса
 в выборе копинг-стратегий (по тесту Р. Лазаруса и С. Фолкмана)**

Копинг-стратегия	Школьники		Студенты		Преподаватели	
	Ср. знач.	%	Ср. знач.	%	Ср. знач.	%
Конфронтационный копинг	20	66,6	18	60,0	17	56,6
Дистанцирование	17	56,6	16	53,3	15	50,0
Самоконтроль	19	54,2	21	60,0	23	65,7
Поиск социальной поддержки	19	63,3	19	63,3	21	70,0
Принятие ответственности	12	60,0	14	70,0	14	70,0
Уход (избегание)	21	52,5	23	57,5	21	52,5
Планирование решения проблемы	22	73,3	21	70,0	22	73,3
Положительная переоценка	23	65,7	23	65,7	22	62,8

соблению к требованиям общества и старается реагировать на стрессы и стрессоры, не демонстрируя свои положительные или отрицательные эмоции.

Поиск социальной поддержки (отражает усилия к поиску информативной, активной и эмоциональной поддержки). Согласно результатам опроса (школьники и студенты – по 63,3 %, преподаватели – 70 %), выбор этой стратегии может быть предопределен социальным статусом респондента, равно как и социокультурным фактором в целом. Безусловно, в данной ситуации намного сильнее сказываются особенности профессиональной деятельности и контекстуальная составляющая стрессовых ситуаций.

Принятие ответственности. Анализ результатов опроса отчетливо выявил возрастную зависимость при выборе данной стратегии (школьники – 60 %, студенты и преподаватели – по 70 %). Несомненно, студенты-выпускники намного чаще сталкиваются с необходимостью отвечать за свои действия, тем более, что сегодня большая часть выпускников имеет постоянную или временную работу. А отсутствие сформированности готовности принимать решения у преподавателей расценивается как значительный недостаток их профессиональной компетентности. Отметим, что у молодых преподавателей, чей стаж не превышает 2-3 лет, принятие ответственности как стратегия встречается несколько реже.

Уход (избегание) (в качестве стратегии представляет собой как когнитивные, так и поведен-

ческие попытки избегания трудной ситуации). Результаты опроса (школьники и преподаватели – по 52,5 %, студенты – 57,5 %) свидетельствуют о выраженном социальном контексте выбора этой стратегии.

Интересные данные были получены вследствие анализа показателей опроса по методике Э. Хейма. Так, согласно нашим результатам, 100 % школьников используют *когнитивные неадаптивные копинг-стратегии*, которые включают в себя смирение и смущение. С учетом того, что средний возраст респондентов этой группы 17 лет и что на момент проведения опроса они являлись выпускниками, подобный выбор логичен.

Самая предпочтительная стратегия преодоления стресса среди преподавателей (80 %) и студентов (73,3 %) – *проблемный анализ*. Этот факт также определен спецификацией возраста.

Чтобы раскрыть проблему спецификации возраста и понять, действительно ли выбор копинг-механизмов зависит от возраста, мы разделили преподавателей на четыре группы: в группу А вошли преподаватели в возрасте от 21 года до 25 лет (средний профессиональный стаж 2-3 года), в группу Б – от 26 до 35 лет (средний стаж 6–10 лет), в группу В – от 36 до 55 лет (средний стаж 18–20 лет), в группу Г – от 56 до 65 лет (продолжительность работы в сфере образования в среднем 25–30 лет). Результаты исследования приведены в табл. 2.

С учетом особенностей каждой возрастной группы, влияния профессионального ас-

пекта и стажа работы результаты не кажутся индивидуально зависимыми. Частота применения стратегии агрессивного копинга уменьшается с возрастом — это было показано выше. Но интересно, что преподаватели, относящиеся по возрасту к группе В (средний стаж около 20 лет), выделяются своими агрессивными усилиями изменить ситуацию (61,3 %). Безусловно, этот факт может быть связан с сильным утомлением и ослаблением саморегуляции, равно как и с эмоциональной истощенностью и неудовлетворенностью результатами своей работы. Однако это можно также объяснить кризисом старшего возраста, переосмыслением ценностей и просто реакцией на собственную беспомощность в вопросе принятия решения в рамках профессиональной деятельности. Специалистам данной возрастной группы свойственно более осмысленное стремление изменить свою жизнь, свою работу и свои отношения в лучшую сторону. Но подобные интенции в указанном возрасте предполагают наличие определенной готовности к рискам (см. табл. 2).

Молодые преподаватели из группы А и педагоги из группы Г (в возрасте от 56 до 65 лет) не склонны дистанцироваться так сильно, как их коллеги. Хорошо известно, что молодые педагоги в силу своего возраста больше открыты новому опыту, полны энтузиазма и уверены в позитивном исходе любых проблемных ситуаций. Преподаватели с 30-летним стажем очень опытные, как правило, отзывчивы и го-

товы помочь. (Полагаем, данную информацию можно использовать при определении возрастной категории профессионалов-наставников, готовых оказывать методическую поддержку молодым преподавателям.) Преподаватели в возрасте от 36 до 55 лет, наоборот, переживают кризисный момент, нередко разочарованы результатами профессиональной действительности, их действия могут быть направлены на уход от проблемы. Преподаватели этой возрастной категории контролируют свои эмоции хуже, чем другие преподаватели (61,1 %). Данный возрастной пласт характеризуется желанием и стремлением иметь что-то большее, чтобы достичь своей цели, повысить свой социальный статус и т. д. Из-за неудовлетворенности своим положением человеку становится все труднее контролировать себя на эмоциональном уровне. В связи с этим очень многие преподаватели в возрасте от 26 до 55 лет нуждаются в социальной поддержке больше, чем преподаватели других возрастных групп (71,3 и 72,3 %), они также избегают стрессовых ситуаций чаще (52,5 и 55,5 %), чем совсем неопытные и очень опытные преподаватели.

Корреляционный анализ зависимости различных стратегий взаимодействия среди участников образовательного процесса позволил выявить взаимосвязи компонентов и способы их взаимодействия.

Двусторонняя значимая положительная корреляция между возрастом (Л7) и адаптив-

Таблица 2

Копинг-стратегии, используемые преподавателями разных возрастных групп

Копинг-стратегия	Группа А (стаж ~ 2 года)		Группа Б (стаж ~ 6 лет)		Группа В (стаж ~ 18 лет)		Группа Г (стаж ~ 25 лет)	
	Ср. знач.	%	Ср. знач.	%	Ср. знач.	%	Ср. знач.	%
Конфронтационный копинг	18,2	60,6	16,0	53,3	18,4	61,3	16,3	54,3
Дистанцирование	14,4	48,0	17,4	58,0	16,1	53,6	14,0	46,6
Самоконтроль	22,8	65,1	24,6	70,2	21,4	61,1	22,8	65,1
Поиск социальной поддержки	20,0	66,6	21,4	71,3	21,7	72,3	21,0	70,0
Принятие ответственности	14,2	71,0	14,0	70,0	14,1	70,5	14,5	72,5
Уход (избегание)	19,0	47,5	21,0	52,5	22,2	55,5	19,5	48,7
Планирование решения проблемы	20,2	67,3	20,4	68,0	21,8	72,6	23,1	77,0
Положительная переоценка	22,8	65,1	22,0	62,8	21,1	60,2	23,8	68,0

ными когнитивными копинг-стратегиями (X1) представлена на рис. 1. Это доказывает, что существует возрастная предопределенность в успешном, конструктивном решении проблем.

Взаимосвязи между несколькими показателями отражены на рис. 2. Стратегия избегания (Л6) положительно коррелирует с поведенческими неадаптивными стратегиями (X6) – 0,46. Конфронтационный копинг (Л1) также коррелирует с избеганием – 0,40. Все изображенные стратегии принадлежат к непродуктивным механизмам копинга.

Значимая двусторонняя корреляция (0,74) между эмоциональными адаптивными копинг-стратегиями (X2) и поведенческими адаптивными стратегиями совладания со стрессом (X3), которые также коррелируют (0,61) с самоконтролем (Л3), представлена на рис. 3. Это еще раз доказывает, что контроль над чувствами и эмоциями помогает развитию способности сотрудничать (X3) и смотреть на происходящее с большим оптимизмом (X2).

Анализ корреляций между показателями выявил, что чем сильнее у человека развит оптимизм, тем меньше частота использования такой стратегии, как избегание; между ними наблюдается достаточно сильная отрицательная корреляция (–0,60). Если избегание используется реже (–0,52), то возрастает частота позитивной переоценки ситуации. Развитие способности контролировать свои действия, чувства и эмоции приводит к сокращению частоты использования таких стратегий, как абстракция, эмоциональное подавление, покорность, самообвинение и агрессивность (–0,49).

На последнем этапе исследования нами была поставлена цель выявить, в какой из выделенных ранее возрастных групп стрессоустойчивость выше. Для ее определения были взяты шкалы MBI и SAWL. Молодые преподаватели (группа А) продемонстрировали высокий уровень стрессоустойчивости и низкий уровень профессионального выгорания (1,1; 0,9; 1,6). Статистический анализ показателей в рамках данной группы показал, что самыми предпочтительными копинг-механизмами у молодых преподавателей являются проблемный анализ, положительная переоценка и оптимизм. В то же время они реже, чем преподаватели других возрастных групп, используют неадаптивные копинг-стратегии.

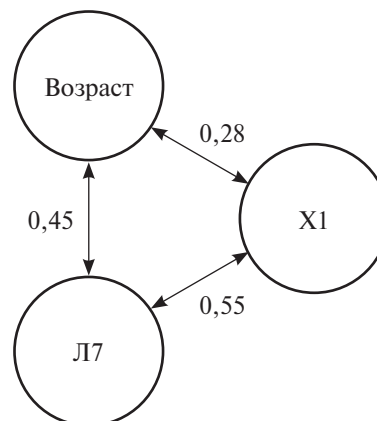

Рис. 1. Корреляционная плеяда 1

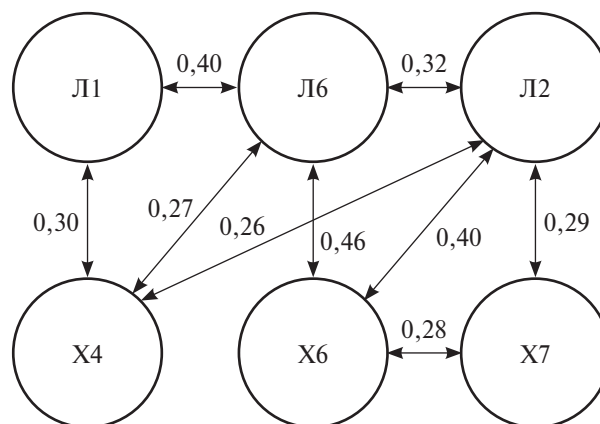

Рис. 2. Корреляционная плеяда 2

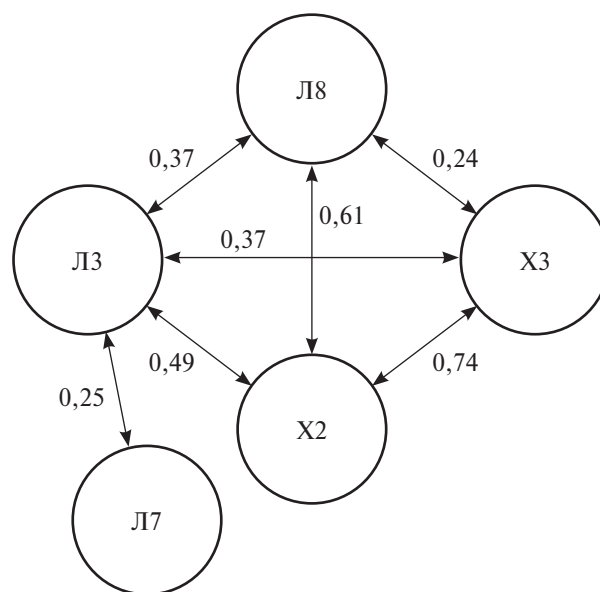

Рис. 3. Корреляционная плеяда 3

У преподавателей группы В (в возрасте от 36 до 55 лет) был выявлен самый высокий уровень выгорания, а значит, у них самый низкий уровень стрессоустойчивости. Ранее мы отмечали, что этот возраст характеризуется растущей потребностью в улучшении жизненных условий, социального положения. После 40 лет люди стремятся достичь своих целей более, чем когда-либо.

Преподаватели группы Б (в возрасте от 26 до 35 лет) показали самый высокий уровень стрессоустойчивости (3,03). Этот факт можно объяснить как индивидуально-личностным контекстом, так и некоторыми социальными особенностями.

Таким образом, сознательное использование продуктивных копинг-стратегий и по-

требность в использовании непродуктивных копинг-механизмов со стрессом снижается. Выбор стратегий преодоления чаще всего не является осознанным и зависит от индивидуально-личностного и социокультурного контекстов, специфики профессиональной деятельности и ряда других факторов. Имея представление о механизме взаимообусловленности и взаимосвязи между копинг-стратегиями и профессиональной результативностью, можно повысить эффективность собственного профессионально ориентированного труда, поднять уровень стрессоустойчивости и в определенной степени обеспечить собственное благополучие и успешность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jerry, K.** A Brief History of the Term Stress [Text] / K. Jerry // *Health Pro.* – 2008. – June 10.
2. **Keil, R.M.K.** Coping and stress: a conceptual analysis [Text] / R.M.K. Keil // *J. of Advanced Nursing.* – 2011. – Nr 45. – P. 659–665.
3. **Lazarus, R.S.** Emotion and Adaptation [Text] / R.S. Lazarus. – N. Y.: Oxford University Press, 1991. – P. 39–51.
4. **Frydenberg, E.** Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges [Text] / E. Frydenberg. – Oxford University Press, 2002. – 86 p.
5. **Lazarus, R.S.** Stress, Appraisal and Coping [Text] / R.S. Lazarus, S. Folkman. – N. Y.: Springer, 1984. – 211 p.
6. **Carlson, N.R.** Psychology the science of behavior [Text] / N.R. Carlson, C.D. Heth. – 4th ed. // Upper Saddle River. – New Jersey: Pearson Education, Inc., 2007. – 527 p.

REFERENCES

1. **Jerry K.** A Brief History of the Term Stress. *Health Pro*, 2008, June 10.
2. **Keil R.M.K.** Coping and stress: a conceptual analysis. *J. of Advanced Nursing*, 2011, nr 45, pp. 659–665.
3. **Lazarus R.S.** Emotion and Adaptation. New York, Oxford University Press, 1991. Pp. 39–51.
4. **Frydenberg E.** Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges. New York, Oxford Univ. Press, 2002. 86 p.
5. **Lazarus R.S., Folkman S.** Stress, Appraisal and Coping. New York, Springer, 1984. 211 p.
6. **Carlson N.R., Heth C.D.** Psychology the science of behavior. 4th ed. *Upper Saddle River*. New Jersey: Pearson Education, Inc., 2007. 527 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

РУСНАК Елена Валерьевна — переводческое агентство «Интертекст».

Россия, 191167, Санкт-Петербург, ул. Александра Невского, 3
alenska_rusnak@mail.ru

RUSNACK Elena V. — *St. Petersburg language service provider "Intertext"*.

Aleksandra Nevskogo str., 3, St. Petersburg, 191167, Russia
alenska_rusnak@mail.ru

ВАЛИЕВА Фатима Ивановна — доцент кафедры лингводидактики и перевода Института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат педагогических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
jf.fairways@mail.ru

VALIEVA Fatima I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
jf.fairways@mail.ru

УДК 378:373.1:159.9

И.Л. Федотенко, А.В. Сергеева, Д.В. Малий

**ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ:
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Inna L. Fedotenko, Aleksandra V. Sergeeva, Dmitry V. Maly

**STUDENTS' TRAINING FOR CREATING OF PSYCHOLOGICALLY
SAFE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: TECHNOLOGICAL ASPECT**

Аннотация

Статья посвящена проблеме подготовки будущих учителей к проектированию психологически безопасной образовательной среды. Исследователи представили уточненную дефиницию понятия «психологически безопасная образовательная среда». Обоснованы авторские показатели психологической безопасности личности. Разработана технологическая модель, реализация которой позволит успешно подготовить студентов к проектированию образовательного пространства класса.

Ключевые слова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНАЯ СРЕДА, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ.

Abstract

The article is devoted to the problem of preparing students for creating psychologically safe educational environment. Researchers presented an adjusted definition of “psychologically safe educational environment”, they supported the authors’ indicators of psychological security of a person. The technological model was worked out, which allow students to prepare successfully for the creating of the educational space in the class.

Keywords

EDUCATIONAL ENVIRONMENT, PSYCHOLOGICALLY SAFE ENVIRONMENT, PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE PERSONALITY, TECHNOLOGICAL MODEL OF PREPARATION OF THE STUDENTS FOR CREATING A PSYCHOLOGICALLY SAFE ENVIRONMENT.

Образовательное пространство средней школы – наименее защищенная сфера жизнедеятельности школьников и учителей. Широкий спектр внутренних и внешних угроз безопасности (терроризм, организованная преступность, экологические катастрофы, риски физического и сексуального насилия, формирование наркотической, психотропной, алкогольной, компьютерной зависимостей) в

полной мере транслируется на среду образовательного учреждения. Однако наиболее серьезной опасностью для нее остается постоянно нарастающее психологическое насилие. Принуждение, давление, агрессивное поведение учителя, унижение, оскорбление школьника – все это привычное тривиальное повседневное педагогическое воздействие, имеющее серьезные, далеко идущие последствия. При всех

формах социальной дезадаптации, в том числе и школьной, практически всегда выявляется психологическое насилие. Длительное негативное воздействие на ребенка школьной среды создает эмоциональное напряжение, а желание его ослабить провоцирует поиск суррогатных выходов, уход ребенка из школы и, как следствие, безнадзорность — одну из важнейших социальных проблем. С другой стороны, многое из того, что считается насилием, подчас объясняется психологической безграмотностью учителя, незрелостью личности, несбалансированностью показателей психического здоровья, несовершенством социальных условий.

Одной из негативных тенденций в условиях перемен, происходящих в образовании, является повышение уровня тревожности, неуверенности как у педагогов, так и у учеников. Стрессовые факторы, эмоциональная напряженность, аффективные всплески, снижение работоспособности, протесты в форме асоциального поведения в образовательной среде приобретают масштабный характер. Увеличилось количество детей с пограничными психическими состояниями, растет число детских суицидов [1].

Вопрос об ответственности учителя за самочувствие ребенка в образовательном процессе получает сегодня новое, все более актуальное звучание. Обеспечение педагогом психологической безопасности ребенка способствует переживанию им положительных эмоций, оптимизма, доверия к своему опыту, веры в себя, в свои возможности. Снижение уровня психологического насилия становится основным направлением по созданию психологически безопасной образовательной среды.

Психологическая безопасность школьников и педагогов представляет собой специфическое эмоциональное состояние, обусловленное переживанием психологического благополучия, защищенности, комфорта, отсутствием тревожности, страха, фрустрации и стрессов. Образовательная среда — это психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности, а также потенциальные возможности для ее развития, включенные в социальное и пространственно-предметное окружение. Безопасность среды связана с позитивным отношением к ней всех субъектов образовательного

процесса, с высокими показателями индекса их удовлетворенности взаимодействием и защищенности от психологического насилия [2].

Психологическую безопасность образовательной среды мы рассматриваем как важнейшее условие, позволяющее придать образовательной среде развивающий характер, влиять на психосоциальное благополучие всех субъектов образовательного процесса.

Показателями психологической безопасности школьников являются:

- отсутствие страха перед учителем, свободное сотрудничество с ним;
- вопросы ребенка, их количество и характер;
- самостоятельность и независимость ребенка от мнения окружающих;
- успешное построение взаимоотношений со сверстниками;
- удовлетворенность условиями школьной среды;
- низкий уровень тревожности, фрустрации и стрессов.

Вместе с тем среда не ограничивается отношениями, она включает в себя также физическое пространство образовательного учреждения (его состояние, цвет, дизайн, организацию). Единое образовательное пространство создается за счет образовательной политики, направленной на сохранение и укрепление физического, психического, социального здоровья всех субъектов системы образования.

Результаты анализа уровня подготовки выпускников педагогического университета убеждают в том, что проблема проектирования психологически безопасной образовательной среды создает особые сложности в их профессиональной деятельности. Педагоги не обладают необходимым и достаточным для успешного проектирования среды класса уровнем психолого-педагогической компетентности [3].

Трансформируемый образовательный процесс в университете предоставляет значительные возможности для формирования у студентов ценностно-смыслового отношения к психологически безопасной среде. Выявление личностных смыслов в изучаемой информации предполагает развертывание психолого-педагогического образования в логике гуманитарного, а не естественно-научного знания. Важно убедить будущего учителя, что образовательная среда является важнейшим фактором психоло-

гического, личностного, социального развития ребенка. В отношении этого развития школьная среда выступает также и как возможность, и как ограничение. Образовательное пространство имеет возможность приспособляться к конкретному ребенку, но не до бесконечности. Однако есть ряд требований, норм, жестких правил, которые ребенок должен усвоить, принять и реализовывать в своем поведении и общении.

Технологии подготовки будущих учителей к проектированию образовательной среды, отвечающей характеристикам безопасности, весьма разнообразны. Инструментальная палитра включает игровые, диалоговые, тренинговые, проектно-исследовательские, компьютерные технологии, ориентированные на обмен не только информацией, но и ценностями, отношениями. Всем перечисленным технологиям присущи вариативность, многомерность, полисубъектность, включение личностного опыта студентов.

В системе образовательных технологий по масштабу их применения можно выделить четыре соподчиненные группы (см. рисунок).

1. Метатехнологии представляют образовательный процесс на уровне реализации социальной политики в области образования (социально-педагогический уровень). Это общепедагогические технологии, которые охватывают целостный образовательный процесс в стране, регионе, учебном заведении (например, технология развивающего образования, принцип психологической защиты личности каждого субъекта образовательного процесса).

2. Макротехнологии, или отраслевые педагогические технологии, охватывают деятельность в рамках какой-либо образовательной отрасли, области, направления обучения или воспитания, учебной дисциплины (общепедагогический и общеметодический уровни) (например, технология преподавания элективного курса «Психологическая безопасность образовательной среды»).

Основные технологии подготовки будущих учителей к проектированию психологически безопасной образовательной среды

3. Мезотехнологии, или модульно-локальные технологии, представляют собой технологии осуществления отдельных частей (модулей) учебно-воспитательного процесса или технологии, направленные на решение частных, локальных, методических задач (например: коммуникативно-диалоговые, тренинговые, игровые, компьютерные технологии).

4. Микротехнологии ориентированы на решение узких оперативных задач и относятся к индивидуальному взаимодействию субъектов педагогического процесса (контактно-личностный уровень) (например, проектно-исследовательские технологии, кейс-технологии, технология формирования коммуникативных навыков, тренинговые технологии по развитию отдельных качеств личности).

В структуру мезо- и микротехнологий включены активные методы формирования профессиональных компетенций студентов, необходимых для проектирования психологически безопасной образовательной среды. Так, коммуникативно-диалоговые технологии применяются для обсуждения спорных, противоречивых вопросов, для формирования умения студентов отстаивать и аргументировать свою позицию. Диалог в образовательном процессе – это особая коммуникативная атмосфера, которая помогает студенту не только овладеть диалогическим способом мышления, но и развивает интеллектуальные и эмоциональные свойства личности. Данные технологии позволяют студентам отразиться свое поведение в процессе дискуссионного общения, проанализировать ход взаимодействия участников на межличностном уровне и откорректировать его. В качестве основных методов, применяемых в коммуникативно-диалоговых технологиях, можно выделить следующие: «дебаты», дискуссии «эстафета», «аквариум», «вертушка», «круглый стол», «пресс-конференция», «защита проектов».

Как показали результаты исследований, проведенных зарубежными психологами, решение проблемы психологической безопасности образовательной среды может осуществляться путем использования тренинговых технологий по улучшению межличностного взаимодействия и приобретению социальных навыков. Среди основных тренингов можно выделить: тренинг повышения социокультур-

ной толерантности и эмпатии (направлен на признание и понимание индивидуальных различий людей, их ценности); тренинг «Технология управления эмоциями» (ориентирован на осознание и умение управлять собственными эмоциями); тренинги «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях», «Антиманипулятивные стратегии поведения» (направлены на получение знаний о возможных вариантах решения и выбор стратегии поведения в конфликтных ситуациях, а также на формирование умений сотрудничать); гештальт-тренинг как метод повышения эффективных копинг-стратегий (направлен на усиление свободы выражения личности, развитие способности принятия себя и других, ослабление психологических «защит», на создание условий открытия новых путей для решения проблемных ситуаций); аутотренинги (тренировка навыков саморегуляции и самоконтроля) [4, с. 74].

Игровые технологии, используемые в высшем профессионально-педагогическом образовании, по целевым установкам относятся к группе личностно ориентированных, они отличаются гуманистической и психотерапевтической направленностью, имеют целью развитие субъектных характеристик личности [5]. Игровые технологии позволяют смоделировать конфликтные ситуации и обучить поиску их решений с использованием ненасильственных средств: возможность выразить свою точку зрения и перспективу решения проблемы; возможность выслушать с уважением друг друга; возможность узнать различные точки зрения; рассмотрение в группе трудных ситуаций, прошлого опыта; умение справляться с чувствами, проигрывая ситуации и получая обратную связь от членов группы; возможность свободного выражения чувств, не причиняющих вреда другим людям, акцентирование внимания на поступках и ответственности, а не на личности.

Овладение проектно-исследовательскими технологиями (методы проектов, погружения, диагностики и обработки данных, исследовательский и проблемный методы, анализ информационных источников, поисковый эксперимент, обобщение и интерпретация результатов исследований) позволит студентам смоделировать и диагностировать не только личностные особенности субъектов безопасной среды, но и показатели психологической

безопасности самой образовательной среды. Показатели диагностических критериев могут дать реальную картину, а аналитическая оценка позволит выявить рассогласование идеального и реального. Благодаря данным технологиям осуществляются сопровождение образовательной среды и, как следствие, управление развитием ее участников.

Использование компьютерных технологий повышает эффективность подготовки студентов к проектированию психологически безопасной образовательной среды. Это обусловлено особенностями современного студента, а именно наличием у него сформированных умений и навыков использования компьютера в повседневной жизни. В качестве основных средств компьютерных технологий, используемых при подготовке студентов к проектированию психологически безопасной образовательной среды, можно выделить следующие: электронные учебники («Педагогическая психология», «Компьютерные технологии в решении психолого-педагогических задач»); комплекты презентаций («Возрастная психология», «Социальная психология», «Педагогическая психология», «Конфликтология»), электронные тексты (хрестоматии, справочники), аудио- и видеоматериалы (рассмотрение видеосюжетов

различных ситуаций педагогической деятельности с целью анализа проявлений личностных особенностей всех участников межличностного взаимодействия), автоматизированные диагностические методики и тесты достижений (освоение различных методик, формирование диагностических компетенций, самопознание), компьютерные развивающие программы.

Кейс-технологии построены на обучении путем решения реальных практических задач. Кейсы имеют множество решений, рассчитаны на использование большого количества понятий, теорий, принципов и способствуют приобретению конкретных навыков. С помощью кейс-технологий возможно решение проблем, обусловленных психолого-методической некомпетентностью, вызванных неготовностью решать воспитательные задачи, коммуникативной некомпетентностью, а также личностными особенностями учителя.

Реализация разработанной технологической модели, включающей различные формы, методы и средства организации образовательного процесса, позволит сформировать у будущих учителей систему знаний, умений, навыков, компетенций, необходимых для эффективного проектирования психологически безопасной образовательной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотенко, И.Л. Подготовка будущего учителя к проектированию психологически безопасной образовательной среды школы: компетентностный подход [Текст] / И.Л. Федотенко // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. — В 2 ч. Ч. 2. — М.: МАНПО; Ярославль: Ремдер, 2013. — 532 с.
2. Баева, И.А. Безопасность как психолого-педагогический ресурс образовательной среды [Текст] / И.А. Баева // Психолого-педагог. обеспечение нац. образоват. инициативы «Наша новая школа». — М.: Изд-во МГППУ, 2010. — С. 91–103.
3. Федотенко, И.Л. Теоретические основы проектирования безопасной образовательной среды [Текст] / И.Л. Федотенко, А.В. Сергеева // Университеты мира

как центры научных исследований: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. — 326 с.

4. Малий, Д.В. Профилактика эмоционального выгорания будущих педагогов как фактор создания психологически безопасной образовательной среды [Текст] / Д.В. Малий // Университетское образование: опыт, проблемы, перспективы развития: тез. докл. III Междунар. конгр. — В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Р.С. Пионова. — Мн.: Изд-во МГЛУ, 2013. — 316 с.

5. Югфельд, И.А. Подготовка будущих учителей к использованию игровых технологий в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / И.А. Югфельд. — Тула, 2007.

REFERENCES

1. Fedotenko I.L. Preparation of students for creation of psychologically safe educational environment: technological aspect. *Professionalism of the teacher: essence, contents, development prospects*. Moscow, 2013. 532 p.

2. Bayeva I.A. Safety as psychological-pedagogical resource of the educational environment. *Psychological-pedagogical providing a national educational initiative "Our new school"*. Moscow, 2010. Pp. 91–103.

3. **Fedotenko I.L., Sergeyeva A.V.** The Theoretical Basis of the Planning of Safe Learning Environment. *The Universities of the World as the Centres of Scientific Research*. Tula, 2013. 326 p.

4. **Maly D.V.** Prevention of emotional burning out of future teachers as factor of creation of psychologically

safe educational environment. *University education: experience, problems, development prospects*. Pt. 2. Minsk, 2013. 316 p.

5. **Yugfeld I.A.** Preparation of future teachers for use of game technologies in the course of studying of psychopedagogical subjects. Tula, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ФЕДОТЕНКО Инна Леонидовна – заведующий кафедрой психологии и педагогики профессионального образования Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; доктор педагогических наук, профессор.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
fedotenko@tspu.tula.ru

FEDOTENKO Inna L. – *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*.

Lenina av., 125, Tula, 300026, Russia
fedotenko@tspu.tula.ru

СЕРГЕЕВА Александра Владимировна – доцент кафедры технологии и сервиса Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; кандидат педагогических наук.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
AVSergueeva@gmail.com

SERGEEVA Aleksandra V. – *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*.

Lenina av., 125, Tula, 300026, Russia
AVSergueeva@gmail.com

МАЛИЙ Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры психологии и педагогики профессионального образования Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Россия, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
MaliyDmitriy@yandex.ru

MALY Dmitry V. – *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*.

Lenina av., 125, Tula, 300026, Russia
MaliyDmitriy@yandex.ru

УДК 159.9.07

*Н.Е. Водопьянова, А.Н. Густелева, Е.А. Родионова, А. Ихия***СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРОССКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У РОССИЙСКИХ
И АРАБСКИХ УЧИТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ИЗРАИЛЕ***Natalya Y. Vodopianova, Alla N. Gusteleva, Elena A. Rodionova, Afif Ihiya***COMPARATIVE ANALYSIS OF CROSSCULTURAL DIFFERENCES
OF PROFESSIONAL BURNOUT AMONG RUSSIAN AND ARAB TEACHERS****Аннотация**

В статье представлены результаты сравнительного анализа показателей выгорания (burnout) и ресурсов ценностно-смысловой регуляции у российских и арабских учителей. Выявлено, что для арабских учителей характерны более низкая выраженность выгорания, более высокая ресурсообеспеченность в сфере ценностно-смысловой регуляции, что они оценивают удовлетворенность работой и состояние своего здоровья выше, чем российские учителя. Это обусловлено различиями в педагогической нагрузке, условиях работы и отдыха, социально-экономическом статусе учителей и природно-климатических условиях двух стран.

Ключевые слова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ, РЕСУРСООБЕСПЕЧЕНИЕ, РЕСУРСЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ, САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ.

Abstract

The article presents the results of the comparative analysis of burnout indicators among Russian and Arab teachers and resources of their value-semantic regulation. It has been found out that Arab teachers are characterized by less pronounced burnout effect at the background of higher resourcefulness of the value-semantic regulation. They give higher estimation to their satisfaction with job and their health condition as compared to that of Russian teachers. The discovered differences are explained by cross-national differences in working load, conditions of work and leisure, climatic conditions as well as in socio-economic status of teachers.

Keywords

PROFESSIONAL BURNOUT, RESOURCE PROVISION, RESOURCES OF VALUE-SEMANTIC REGULATION, JOB SATISFACTION, SELF-EFFICACY.

Исследование общих и отличительных национальных особенностей профессионального выгорания представляется актуальным в связи с мировыми социальными процессами глобализации, миграции, интеграции.

Во многих исследованиях выявлены общие особенности профессионального выгорания у субъектов труда независимо от их профессиональной принадлежности. Исходя из этого, ученые заключают, что данный феномен является общепрофессиональным. В качестве основных причин выгорания ис-

следователи называют нарушение в смысловой регуляции субъектов труда – противоречие между ожиданиями, желаниями и реалиями жизни, деструктивное отношение к стрессогенным ситуациям, переживание чувства несправедливости, как следствие, потеря ценностно-смысловых ориентиров, удовлетворенности самореализацией и другие негативные последствия [2, 4, 5].

Представляется интересным сравнить особенности выгорания у субъектов труда одной и той же профессиональной группы, но работаю-

ших в разных социокультурных пространствах. Известно, что профессиональная деятельность, социальный статус и качество жизни арабских и российских учителей по многим параметрам имеют существенные различия [6].

Кросскультурные различия профессионального выгорания изучены крайне недостаточно. Имеется лишь небольшое количество исследований, посвященных этому аспекту. По данным одного из сравнительных исследований [10], у польских медсестер наблюдается более высокий уровень выгорания по сравнению с их голландскими коллегами, что, по мнению исследователей, обусловлено межнациональными различиями в образовании, условиях работы, зарплате, социальной поддержке. Несмотря на эти различия, основные корреляты выгорания (неопределенность, дисбаланс между вкладом и результатом и др.) остаются идентичными в обеих выборках, аспекты рабочей ситуации и личностные характеристики оказываются менее важными.

Согласно данным другого исследования [9], в котором приняли участие более 1000 норвежских и американских социальных работников, норвежские специалисты имеют более высокий уровень выгорания, чем их американские коллеги. Наблюдались также межнациональные различия во взаимосвязях выгорания с разными стрессорами, что исследователи объясняют различиями в структуре деятельности социальных работников.

Исследование [10] с участием менеджеров из Израиля и США показало, что уровень выгорания у израильских менеджеров ниже, чем у американских. Результат достаточно неожиданный, так как жизнь в Израиле считается более стрессогенной, чем в США. По мнению ученых, это объясняется тем, что израильских менеджеров лучше поддерживают члены семьи и друзья; кроме того, им присуще ощущение социальной сплоченности, что характерно для израильского общества.

Сравнительное исследование [8], проведенное на нормативных выборках среди американцев и голландцев, выявило, что американцы в среднем отличаются более высокими показателями выгорания по субшкалам эмоционального истощения и деперсонализации и меньшей редукцией персональных достижений. Ученые объясняют это несколь-

кими причинами. Во-первых, американцы более склонны к выбору крайних вариантов ответов (похожие различия в стилях ответов наблюдались и ранее в кросскультурных исследованиях). Во-вторых, работа в Северной Америке более стрессогенная, чем в Европе. Например, как правило, оценки выгорания у американских медсестер (особенно по шкалам эмоционального истощения и деперсонализации) выше, чем у их коллег в таких европейских странах, как Франция, Германия, Италия, Великобритания, Ирландия. Только в Польше наблюдаются сходные с Северной Америкой величины выгорания. Очевидно, это объясняется тем, что в США в отличие от европейских стран общество более ориентировано на достижения. Если в США придается большее значение индивидуальным достижениям, то следует ожидать, что число случаев выгорания в этой стране превысит аналогичные показатели в других странах, где успех в карьере с меньшей вероятностью приравнивается к личному успеху, например в Нидерландах.

Сравнительное исследование [11] с участием работников лесной промышленности из Финляндии ($n=8529$), Швеции ($n=267$) и Нидерландов ($n=259$) не выявило значимых различий у респондентов финской и шведской выборок. Однако специалисты из Нидерландов имели более низкие оценки по шкалам истощения и деперсонализации (цинизма). Кроме того, у голландцев оценки по шкале редукции персональных достижений (профессиональная успешность) выше, чем у финнов. Исследователи пришли к выводу, что наиболее благополучными относительно выгорания следует считать респондентов из Нидерландов.

Итак, ученые отмечают существование межнациональных различий, но их причины не всегда ясны.

Цель нашего исследования – сравнение российских и арабских учителей, проживающих на территории Израиля, по выраженности профессионального выгорания и ресурсам ценностно-смысловой регуляции в виде убеждений в самоэффективности, субъективной оценки потерь и приобретений ресурсов в процессе профессиональной деятельности, удовлетворенности работой и собственным здоровьем.

Задачи исследования:

1. Сравнить педагогическую нагрузку у российских и арабских учителей.
2. Сравнить показатели выраженности профессионального выгорания и ресурсообеспеченности в сфере ценностно-смысловой регуляции у российских и арабских учителей.
3. Изучить взаимосвязь показателей профессионального выгорания и ресурсообеспеченности.
4. Определить, как убежденность в возможности самоэффективности и ресурсообеспеченность влияют на выраженность профессионального выгорания.

Для оценки ресурсообеспеченности в сфере ценностно-смысловой регуляции использовались две методики. Первая из них — шкала общей самоэффективности, разработанная на основе социально-когнитивной теории А. Бандуры [7]. По мнению Бандуры, психологический конструкт самоэффективности — это когнитивная диспозиция, которая проявляется в переживаниях, мыслях и действиях, сказывается на продуктивности субъектов деятельности и поведения. Согласно разработчикам шкалы самоэффективности, показатель общей самоэффективности является достаточно стабильной характеристикой человека, положительно коррелирует с показателями самоуважения и оптимизма, отрицательно — со значениями общей и ситуативной тревожности, застенчивости и пессимизма [Там же].

Вторая из использованных методик — «Оценка потерь и приобретений ресурсов» (ОППР). В соответствии с методикой индекс ресурсности определялся как частное от деления суммы баллов приобретений (субъективных оценок приобретенных ресурсов) на сумму баллов потерь (субъективных оценок потерянных ресурсов) за прошедшие три года работы [1, 12].

Для измерения выраженности профессионального выгорания использовался опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социально-экономических профессий [3]. С его помощью оценивались: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция персональных достижений и стандартизированный интегральный показатель выгорания.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием возможностей MS Excel и IBM SPSS Statistics 20.

В исследовании приняли участие 59 арабских учителей средней школы города Озир (Израиль) и 55 российских учителей общеобразовательных школ Сахалинской области.

На основе сравнительного анализа обеих выборок учителей было выявлено, что у российских учителей, среди которых преобладали женщины, педагогическая нагрузка (уроки, внеурочная деятельность, форма отчетности) больше, чем у их арабских коллег. Российские учителя чаще, чем арабские, имеют неполные семьи (как правило, это одинокие мамы, воспитывающие своих детей). Возрастной ценз у российских учителей выше, чем у их арабских коллег из Израиля. Арабские учителя в большей мере удовлетворены работой и атмосферой на работе, чем российские (см. табл. 1, 2). Таким образом, между двумя выборками имеются существенные различия по демографическим характеристикам, педагогической нагрузке и психологической составляющей. С позиций объективных и субъективных стресс-факторов стрессогенность педагогической деятельности у российских учителей выше, чем у арабских.

Сравнение параметров профессионального выгорания показало, что у арабских учителей достоверно более низкие показатели выгорания по субфактору деперсонализации, чем у российских; по субфактору редукции личностных достижений различий не выявлено. Российские учителя имеют тенденцию к более высокому эмоциональному истощению (высокий уровень выгорания по среднегрупповому значению) и достоверно более высокую выраженность выгорания по интегральному показателю по сравнению с арабскими (см. табл. 3).

В результате сравнения показателей ценностно-смысловой регуляции обнаружено, что арабские учителя оценивают приобретения и потери в процессе их профессиональной деятельности выше, чем их российские коллеги, т. е. более остро воспринимают изменения жизненно важных ресурсов (см. табл. 4). При этом арабские учителя характеризуются более высоким индексом ресурсности (частное от деления суммы приобретений на сумму потерь), что означает, что их жизненные разочарования и достижения лучше сбалансированы, они позитивнее оценивают результаты трудовой

Т а б л и ц а 1

Характеристика арабских и российских учителей по демографическим параметрам и учебной нагрузке

Демографические особенности		Количественное распределение учителей, %		Достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
		Арабские	Российские	
Пол	Мужской	58	17	p ≤ 0,005
	Женский	42	78	
Возраст	До 30 лет	29	22	p ≤ 0,005
	До 40 лет	15	22	
	До 50 лет	39	17	
	До 60 лет	13	16	
	Старше 60 лет	4	12	
Семейное положение	Женаты/замужем	85	63	p ≤ 0,005
	Не женаты/не замужем	15	37	
Количество детей в семье	1-2	10	85	p ≤ 0,005
	3 и более	90	15	
Образование	Средне специальное	27	19	p ≤ 0,005
	Высшее	73	81	
Учебная нагрузка	Ставка	63	21	p ≤ 0,005
	Больше ставки	37	79	

Т а б л и ц а 2

Стаж и удовлетворенность работой арабских и российских учителей

Показатель		Среднее значение показателя		Достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
		Арабские учителя	Российские учителя	
Стаж работы, годы	Общий	19,5	24	p ≤ 0005
	Педагогический	10,5	21,4	
Удовлетворенность, % (максимальная – 100 %)	Содержанием работы	91	78	p ≤ 0,005
	Психологической атмосферой в коллективе	88	67	p ≤ 0,005

Т а б л и ц а 3

Сравнительный анализ показателей профессионального выгорания у российских и арабских учителей

Показатель выгорания	Среднее значение показателя		Стандартные отклонения		U test / достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
	Арабские учителя	Российские учителя	Арабские учителя	Российские учителя	
Эмоциональное истощение	22,22 (средний уровень)	26,56 (высокий уровень)	7,80	7,88	1091,5 / p > 0,005
Деперсонализация	7,55 (средний уровень)	15,19 (высокий уровень)	4,36	5,29	447,5 / p ≤ 0,005

Окончание табл. 3

Показатель выгорания	Среднее значение показателя		Стандартные отклонения		U test / достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
	Арабские учителя	Российские учителя	Арабские учителя	Российские учителя	
Редукция личных достижений	29,71 (средний уровень)	31,51 (средний уровень)	6,97	8,90	1463,0 / $p > 0,005$
Интегральный показатель (стены)	5,13 (средняя выраженность)	7,12 (высокая выраженность)	1,76	1,65	659,00 / $p \leq 0,005$

Таблица 4

Результаты сравнения показателей ценностно-смысловой регуляции у российских и арабских учителей

Показатель ценностно-смысловой регуляции	Учителя		Стандартные отклонения		U test / достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
	Российские	Арабские	Российские учителя	Арабские учителя	
Приобретения	66,24	113,59	27,22	57,87	468,50 / $p \leq 0,005$
Потери	56,29	94,37	22,19	31,70	546,50 / $p \leq 0,005$
Индекс ресурсности	1,28 (средний уровень)	2,37 (высокий уровень)	0,67	0,96	547,00 / $p \leq 0,005$
Убеждения в самоэффективности	29,44	29,35	4,35	3,24	$p > 0,005$

активности по сравнению с российскими учителями. По тестовым нормам методики «Оценка потерь и приобретений ресурсов» ресурсообеспечение у арабских учителей соответствует высокому уровню, а у российских – среднему. Это свидетельствует о том, что у россиян риск экзистенциальной неудовлетворенности и развития профессионального выгорания больше. По показателю самоэффективности различий не обнаружено. Согласно данным анкетирования, арабские учителя достоверно выше оценивают собственное здоровье и физическую активность, чем российские. С одной стороны, это может быть связано с более молодым возрастом арабской выборки, а с другой – с более благоприятными социально-экономическими и природными условиями жизни в Израиле по сравнению с Сахалином.

Корреляционный анализ показал наличие различий в структуре связей показателей выгорания и ресурсообеспечения, а также возраста и стажа работы учителей с индексом ресурсообеспечения.

У российских учителей связь возраста и стажа работы с индексом приобретения отрицательная ($r = -0,29$ и $r = -0,35$ соответственно, при $p \leq 0,01$), т. е. чем старше становятся российские учителя и чем дольше они работают в системе образования, тем ниже их оценка своих приобретений в жизни и работе. У арабских учителей, напротив, выявлена положительная связь возраста и стажа работы с индексом приобретения ($r = 0,28$ и $r = 0,58$ соответственно, при $p \leq 0,01$), т. е. они выше оценивают свои приобретения, работая в системе образования. Такие кардинальные различия в структуре связей воз-

раста и стажа с индексом ресурсообеспечения у арабских и российских учителей, возможно, вызваны как разными условиями работы, уровнем социальной защищенности, так и субъективной оценкой профессиональной идентичности и востребованности соотечественников.

В группах российских и арабских учителей получены положительные корреляты оценки приобретений и потерь ($r = 0,43$ и $r = 0,42$ соответственно, при $p \leq 0,01$), а также отрицательные корреляты индекса ресурсности с потерями (у российских учителей $r = -0,48$, у арабских $r = -0,70$). Только в группе российских учителей мы получили статистически значимую положительную связь индекса ресурсности с приобретениями ($r = 0,54$ при $p \leq 0,01$).

Для регрессионного анализа в качестве независимых факторов были выбраны воспринимаемая самоэффективность и индекс ресурсности, в качестве зависимых – показатели субфакторов и интегральный показатель профессионального выгорания.

В ходе множественного регрессионного анализа в группе российских учителей обнаружены:

- статистически значимый отрицательный вклад самоэффективности ($\beta = -,440$) и индекса ресурсности ($\beta = -,466$) в эмоциональное истощение; вклад этих предикторов объясняет до 43,6 % дисперсии (R -квадрат = ,436);

- статистически значимые отрицательные связи деперсонализации с показателем самоэффективности ($\beta = -,239$, $p < 0,032$) и индексом ресурсности ($\beta = -,471$); вклад этих предикторов объясняет до 33,5 % дисперсии (R -квадрат = ,335);

- статистически значимые положительные связи показателя редукции личных достижений с индексом ресурсности ($\beta = ,524$); вклад индекса ресурсности объясняет до 35,8 % дисперсии (R -квадрат = ,358);

- статистически значимые отрицательные связи интегрального показателя выгорания с показателем самоэффективности ($\beta = -,320$, $p < ,001$) и индексом ресурсности ($\beta = -,568$); вклад этих предикторов объясняет до 51,6 % дисперсии (R -квадрат = ,516).

В группе арабских учителей выявлены:

- статистически значимый отрицательный вклад индекса ресурсности ($\beta = -,478$) в эмоциональное истощение; вклад данного фактора объясняет до 46,9 % дисперсии;

- отрицательный вклад индекса ресурсности ($\beta = -,423$) в деперсонализацию; его вклад объясняет до 33,5 % дисперсии;

- положительный вклад индекса ресурсности ($\beta = ,524$) в редукцию личных достижений; его вклад объясняет до 35,8 % дисперсии, т. е. чем больше ресурсообеспеченность, тем меньше выгорание по субфактору редукции личных достижений (обратный показатель);

- вклад самоэффективности ($\beta = -,320$, $p < ,001$) и индекса ресурсности ($\beta = -,568$) в интегральный показатель выгорания; вклад данных факторов объясняет до 46,6 % дисперсии.

Значимыми, на наш взгляд, результатами исследования явились отрицательные связи интегрального показателя ресурсности, оценки приобретений и потерь, а также субъективной оценки самоэффективности с показателями профессионального выгорания в группах арабских и российских учителей. Это подтверждает субъектно-ресурсную концепцию зависимости профессионального выгорания от ресурсов смысловой регуляции субъектов труда [2]. Позитивные убеждения в возможности самоэффективности и ресурсообеспеченности рассматриваются нами как когнитивно-диспозиционные ресурсы саморегуляции субъекта жизнедеятельности.

В ходе регрессионного анализа обнаружено, что в обеих группах учителей показатели ресурсообеспечения вносят существенный вклад в интегральный показатель выгорания: чем сильнее убеждения в возможности самоэффективности и ресурсообеспеченности, тем меньше выраженность профессионального выгорания. Таким образом, общим для арабских и российских учителей является следующее: профессиональное выгорание зависит от ресурсов ценностно-смысловой регуляции.

У российских учителей устойчивость к профессиональному выгоранию определяется преимущественно убежденностью в возможности самоэффективности. На устойчивость к профессиональному выгоранию у арабских учителей в большей мере оказывает влияние оценка приобретений. Причины данных различий кроются, очевидно, в культуральных особенностях ценностных ориентиров, менталитета, правил поведения и самовосприятия субъектов труда в профессиональных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Водошнянова, Н.Е.** Опросник потерь и приобретений (ОПП) [Текст] / Н.Е. Водошнянова, М.В. Штейн // Практикум по психологии здоровья / под ред. Г.С. Никифорова. – СПб., 2003. – С. 119–126.
2. **Она же.** Дисфункции ценностно-смысловой регуляции как факторы риска синдрома выгорания и профессионального здоровья [Текст] / Н.Е. Водошнянова // Психотерапия и клиническая психология. – 2011. – № 4. – С. 64–73.
3. **Она же.** Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социомических профессий [Текст] / Н.Е. Водошнянова, Е.С. Старченкова, А.Д. Наследов // Вестн. СПбГУ. – Сер. 12. – 2013. – Вып. 4. – С. 17–27.
4. **Гришина, Н.В.** Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы [Текст] / Н.В. Гришина // Психолог. проблемы самореализации личности / под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1997. – С. 143–156.
5. **Ермолаева, Е.П.** Профессиональная идентичность и маргинализм: концепции и реальность [Текст] / Е.П. Ермолаева // Психолог. журн. – 2001. – Т. 22, № 4. – С. 51–65.
6. **Шагаль, В.Э.** Арабский мир: пути познания [Текст] / В.Э. Шагаль. – М.: Изд-во РАН, 2001. – 288 с.
7. **Шварцер, Р.** Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема [Текст] / Р. Шварцер, М. Ерусалем, В. Ромек // Иностран. психология. – 1996. – № 7. – С. 46–56.
8. **Dierendonck, D.V.** Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory [Text] / D.V. Dierendonck, W.B. Schaufeli, H.J. Sixma // J. of social and clinical Psychology. – 1994. – Vol. 13. – P. 86–100.
9. **Himle, D.P.** Predictors of job satisfaction, burnout and turnover among social workers in Norway and the USA6 Across-cultural study [Text] / D.P. Himle, S. Jayaratne, P. Thyness // International Social Work. – 1986. – Vol. 29.
10. **Schaufeli, W.B.** Burnout among nurses: a Polish-Dutch comparison [Text] / W.B. Schaufeli, B. Janzur // J. of cross-cultural psychology. – 1994. – Vol. 25. – P. 25–113.
11. **Schutte, N.** The factorial validity of the Maslach Burnout Inventory-General Survey (MBI-GS) across occupational groups and nations [Text] / N. Schutte, S. Toppinen, R. Kalimo, W. Schaufeli // J. of Occupational and Organizational Psychology. – 2005. – Vol. 73. – Iss. 1. – P. 53–66.
12. **Shteyn, M.** The Impact of the Russian Transition on Psychosocial Resources and Psychological Distress [Text] / M. Shteyn, N. Vodopianova, J.A. Schumm, S.E. Hobfoll, R. Lilly // J. of Community Psychology. – 2003. – T. 31, nr 2. – P. 113–127.

REFERENCES

1. **Vodop'ianova N.E., Shtein M.V.** Oprosnik "Otsenka poter' i priobretenii (OPP)". *Praktikum po psikhologii zdorov'ia*. Pod red. G.S. Nikiforova. St. Petersburg, 2003. Pp. 119–126. (rus.)
2. **Vodop'ianova N.E.** Disfunktsii tsennostno-smyslovoi reguliatsii kak faktory riska sindroma vygoraniia i professional'nogo zdorov'ia. *Psikhoterapiia i klinicheskaia psikhologiya*, 2011, nr 4, pp. 64–73. (rus.)
3. **Vodop'ianova N.E., Starchenkova E.S., Nasledov A.D.** Standartizirovannyi oprosnik "Professional'noe vygoranie" dlia spetsialistov sotsionomicheskikh professii. *Vestnik St. Petersburg State Univ.*, 2013, seriia 12, vyp. 4, pp. 17–27. (rus.)
4. **Grishina N.V.** Pomogaiushchie otnosheniia: professional'nye i ekzistentsional'nye problemy. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti*. Pod red. A.A. Krylova, L.A. Korostylevoi. St. Petersburg, Publ. St. Petersburg State Univ., 1997. Pp. 143–156. (rus.)
5. **Ermolaeva E.P.** Professional'naia identichnost' i marginalizm: kontseptsii i real'nost'. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, t. 22, nr 4, pp. 51–65. (rus.)
6. **Shagal' V.E.** Arabskii mir: puti poznaniia. Moscow, RAN, 2001. 288 p. (rus.)
7. **Shvartser R., Erusalem M., Romek V.** Russkaia versia shkaly obshchei samoeffektivnosti R. Shvartsera i M. Erusalema. *Inostrannaia psikhologiya*, 1996, nr 7, pp. 46–56. (rus.)
8. **Dierendonck D.V., Schaufeli W.B., Sixma H.J.** Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory. *J. of social and clinical Psychology*, 1994, vol. 13, pp. 86–100.
9. **Himle D.P., Jayaratne S., Thyness P.** Predictors of job satisfaction, burnout and turnover among social workers in Norway and the USA6 Across-cultural study. *International Social Work*, 1986, vol. 29.
10. **Schaufeli W.B., Janzur B.** Burnout among nurses: a Polish-Dutch comparison. *J. of cross-cultural psychology*, 1994, vol. 25, pp. 25–113.
11. **Schutte N., Toppinen S., Kalimo R., Schaufeli W.** The factorial validity of the Maslach Burnout Inventory-General Survey (MBI-GS) across occupational groups and nations. *J. of Occupational and Organizational Psychology*, 2005, vol. 73, iss. 1, pp. 53–66.
12. **Shteyn M., Vodopianova N., Schumm J.A.** et al. The Impact of the Russian Transition on Psychosocial Resources and Psychological Distress. *J. of Community Psychology*, 2003, t. 31, nr 2, pp. 113–127.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

ВОДОПЬЯНОВА Наталия Евгеньевна – доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
vodop@mail.ru

VODOPIANOVA Natalya Y. – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya emb., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia
vodop@mail.ru

ГУСТЕЛЁВА Алла Николаевна – доцент Института развития образования (Южно-Сахалинск).

l1aa15@mail.ru

GUSTELEVA Alla N. – *Institute of education development (Sakhalin Region).*

l1aa15@mail.ru

РОДИОНОВА Елена Анатольевна – доцент кафедры инженерной педагогики и психологии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
psyrea@mail.ru

RODIONOVA Elena A. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
psyrea@mail.ru

ИХИЯ Аффиф – директор школы города Эль Азиз Микуд (Израиль).

amd_lives@hotmail.com

ИНИҮА Аффиф – *the principal city of El Aziz Micoud (Israel).*

amd_lives@hotmail.com

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 94(47).084

С.Б. Ульянова

**ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
(1920 – 1930-е ГОДЫ)**

Svetlana B. Ulyanova

**GENDER RELATIONSHIP IN THE SOVIET INDUSTRY
(1920'S AND 1930'S)**

Аннотация

В статье рассматриваются гендерная структура трудовой занятости в советской промышленности в межвоенный период, место женщин-работниц в заводском сообществе, а также гендерные нормы, стереотипы и предрассудки, бытовавшие в фабричной социальной среде. Автор делает вывод, что, несмотря на провозглашенное равноправие полов и политику гендерного реструктурирования советской экономики, женщины оставались дискриминируемой группой промышленного сообщества.

Ключевые слова

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ.

Abstract

The present article studies a gendered structure of an employment in the Soviet industry in the 1920's and 1930's; the situation of women-workers in factory communities; gendered norms, stereotypes and prejudices in a factory social space. The author concludes that, in spite of a declaration of gendered equality and gendered restructuring of the Soviet economy, women were a discriminated stratum of the industrial community.

Keywords

SOCIAL HISTORY OF INDUSTRY, GENDER HISTORY, HISTORY OF SOVIET SOCIETY, GENDER RELATIONSHIP, GENDER DISCRIMINATION.

За последние годы отечественная историография сделала большой шаг вперед в изучении гендерной (в основном, женской) истории [1–4]. Исследователи изучают полоролевые стереотипы, нормы и идентичности. Общепринятым стало утверждение, что гендерные отношения являются важным фактором социальной организации любого общества. При этом, как отмечает М. Хаттон, положение женщины представляло собой одну вещь в теории, другую – в законодательстве и третью – в

повседневной жизни; реальное же положение было смесью всех трех [5, с. 139].

В гендерном аспекте может быть рассмотрена и история промышленной повседневности [6]. Профессиональное продвижение женщин в индустрии представляет собой социальный процесс, заключающий в себе множество разнообразных проблем. Его специфика в России связана, с одной стороны, с особенностями организационной культуры, отягощенной патриархальными и авторитарными

традициями, с другой стороны, с тем, что в годы советской власти вовлеченность женщин в индустриальное производство была выше, чем в большинстве стран мира, и, следовательно, они обладали значительным потенциалом активности [7, с. 450].

Советская женщина-работница привлекает наибольшее внимание исследователей темы. Так, например, Ю.В. Градскова в своей работе по изучению феномена «советской женщины» отметила, что для большинства российских тружениц работа по найму в основном представлялась вынужденной мерой, попыткой исправить тяжелое экономическое положение семьи или скопить деньги для замужества [8]. Как негативные последствия гендерной политики советской власти в историографии оцениваются: сохранение оценки женщины как работника «второй категории»; оценка женщин как менее способных работников; сосредоточение женщин в низкооплачиваемых отраслях производства; наличие гендерных стереотипов занятости и пр. [9, с. 206; 10, с. 431–432]. В советской литературе все это подавалось как отрицательная тенденция, которой партия и правительство противопоставили ряд административных и пропагандистских мер административного характера. В работах же современных авторов вовлечение женщин в промышленный труд интерпретируется не столько как стремление «освободить» женщину, сколько как навязанная ей обязанность выполнять свой «долг перед государством» наравне с мужчиной [8].

Женский труд в России, как и в других странах, стал массовой реальностью в годы Первой мировой войны [11, с. 515]. Но после окончания Гражданской войны женская занятость в промышленности снизилась [12, с. 257]. Безработица в 1920-е годы коснулась женщин гораздо сильнее, чем более квалифицированных рабочих-мужчин. Падало число женщин — членов профсоюзов, что свидетельствовало о сокращении женских мест на производстве. В середине 1924 года по СССР на 100 человек в производстве было занято 77,2 % мужчин и 27,8 % женщин [13, с. 94]. По данным переписи 1926 года, среди горожанок работающих женщин было 28,4 % (в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 %), причем 40,4 % всех занятых женщин находились в возрастной группе 16–29 лет (это значит, что большая часть жен-

щин работала до замужества и рождения детей) [14, с. 155–156].

В целом в годы нэпа администрация предприятий и профсоюзы стремились ограничить доступ женщин в индустрию, так как это приводило к появлению дополнительных проблем. Увеличивались социально-бытовые расходы, большинство работниц не обладало достаточной квалификацией (так, в 1926 году по 12 промышленным профсоюзам средний разряд был лишь у 4,1 % работниц [13, с. 95]), возможности интенсификации их труда были ограничены. Поэтому хозяйственники, как правило, пытались заменить женщин-работниц, хотя они были более покладисты, дисциплинированы, менее склонны к употреблению алкоголя и «своеволию».

Стоит напомнить, что, призывая женщин встать к станку, государство не позаботилось всерьез о развитии сферы услуг, системы дошкольных детских учреждений и т. п. Ясли или детский сад открывались при профсоюзе или отдельном предприятии, но мест в них катастрофически не хватало [15]. Да и не все женщины воспринимали как «освобождение от домашнего рабства» долгие часы работы на шумных и вредных для здоровья фабриках и заводах за мизерную зарплату под руководством авторитарных начальников [16, с. 224].

Американский исследователь В. Голдман обратила внимание на то, что за годы нэпа в промышленности усилилась горизонтальная и вертикальная гендерная сегрегация. С одной стороны, женская рабочая сила была сконцентрирована в «женских» секторах промышленного производства (в 1928 году почти 2/3 работавших женщин были заняты в текстильной промышленности), а с другой — женский труд был неквалифицированным и самым низкооплачиваемым [17, с. 24–25]. В 1927 году средняя зарплата работницы составляла всего 64 % от заработной платы рабочего (при существовавшем равенстве оплаты за одинаковую квалификацию) [18, с. 39]. Низкая квалификация и недостаточная оплата женского труда стали самыми существенными факторами гендерной дискриминации в заводском сообществе.

Если экономические обстоятельства не благоприятствовали увеличению доли женщин в промышленности, то идеологические соображения заставляли власть проводить по-

литику «трудового раскрепощения работниц», бороться «с консерватизмом по отношению к женщине» и т. п. Политическую мобилизацию женщин осуществляли отделы по работе среди женщин («женотделы»), организованные при ЦК РКП(б) и партийных комитетах разного уровня (действовали с 1919 по 1930 год). Кроме женотделов, гендерная политика большевиков продвигалась созданным сверху движением женских масс: с 1918 года в стране организовывались делегатские собрания. Делегатки, согласно квоте, выбирались на производственных собраниях работниц и направлялись на политучебу, организованную женотделами [19, с. 445–447].

А.Ю. Котылев оценивает движение делегатов как политизированный и идеологизированный вариант феминистского движения: «Его участницы должны были регулярно сходить на собрания, где с ними проводили занятия по политграмоте, разъясняли им политику партии и Советского государства, призывали принять участие в очередных официальных кампаниях, которые в те годы проводились постоянно. Никаких властных полномочий делегатки не имели, по своей форме их собрания больше всего напоминали бы женские клубы, если бы не идеологический прессинг и откровенный антитрадиционализм, которыми сопровождалась их работа» [20, с. 637]. Соглашаясь с этим утверждением, отметим все же, что делегатками (особенно в традиционно «женских» отраслях индустрии) много делалось в области охраны труда, создания приемлемых условий для беременных и женщин с маленькими детьми, улучшения санитарно-гигиенической обстановки на фабриках и т. п.

На наш взгляд, деятельность делегатов в определенной степени вступала в противоречие с политикой профсоюзов, стремившихся оградить мужчин от дополнительной конкуренции (при том, что женщины составляли в 1926 году около 70 % работников текстильной промышленности, в фабрично-заводских комитетах, безусловно, преобладали мужчины [21]). Очень ярко отношение профессионалистов в текстильной отрасли к коллегам-женщинам отражает, например, заметка в ивановской газете «Рабочий край» о собрании делегатов: «Обсуждались вопросы об участии работницы в советском строительстве и ее задачи в восста-

новлении промышленности; <...> на собраниях пленума доклад заводоуправления о состоянии производства, который был сделан директором ф-ки т. Автономовым, члены фабкома от доклада отказались, указав, что „женщины все равно путного ничего не сделают“» (курсив наш. — С. У.) [22]. С.Г. Струмилин объяснял низкую общественную активность женщин тем, что «домашний очаг и „фабричный котел“ предъявляют, по-видимому, слишком различные требования в отношении культурного уровня, или, говоря иначе, квалификации обслуживающей их рабочей силы. Примитивный домашний очаг олицетворяет собой тысячелетнюю трудовую рутину. Он не требует никаких усилий мысли и не сулит никакого движения вперед. Современный „фабричный котел“ гораздо требовательнее. Он не позволяет около себя мирно уснуть. Замещая постепенно физический труд человека механической энергией, он все больше требует от него умственных усилий, внимания, смекалки» [23, с. 186].

Уже к концу 1920-х годов широко обсуждалась проблема: помехой освобождения женщины является не только «старый» быт, но и отношение «новых» советских мужчин к женскому освобождению.

В феврале 1931 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание по работе среди женщин, где приняли участие представители профсоюзов. На совещании прозвучало немало горьких упреков в мужском шовинизме (хотя термин не использовался) в адрес профсоюзов, рабочих-мужчин и администрации предприятий, местных партийных руководителей: женщин редко направляли на профобучение, после которого они могли бы претендовать на квалифицированные рабочие места; они занимались подсобной работой, уборкой, погрузкой и т. п., но не производительным трудом, работу у станка они получали редко и т. д. [17, с. 262, 265–266].

Часто мужчины просто не пускали женщин на квалифицированную работу. Так, на «Красном путиловце» в Ленинграде мужчины сверхурочно работали на токарных станках; женщины же, хотя им работы не хватало, не допускали к выполнению токарных работ. По свидетельству женотдела, работницам «приходилось драться за каждый станок» [13, с. 97]. Многие мужчины считали, что большой заработок женщине

не нужен, он ее «портит». Подавляющее большинство из них не потерпело бы, если бы жена зарабатывала больше, чем он. А когда в конце 1920-х годов в промышленность хлынули вчерашние крестьяне, они принесли на фабрики патриархальное консервативное отношение к женщине («Бабе дорога — от печи до порога»).

Профсоюзы не обращали внимание на то, что, когда женщина попадала в «мужской» цех, она подвергалась оскорблениям, ей не давали возможности продвинуться. Более того, иногда мужчины просто отказывались работать с женщинами. Возможно, они некомфортно чувствовали себя, работая рядом с женщинами, так как воспринимали их не как коллег, а как сексуальных партнеров. Для них это был гендерный вызов, нарушение общепринятых норм. Поэтому женщины часто становились объектом домогательств и жертвой хулиганов. Например, на «Красном путиловце» двое рабочих приставали к женщинам в цехе и говорили им непристойности. Если женщина протестовала, ей говорили: «Баронесса на завод затесалась, не место ей здесь» [24]. Обращения к начальству обычно не давали эффекта, руководители считали, что причина напряженности кроется в самом факте присутствия женщины в заводском пространстве.

Сексуальные связи на производстве — не редкость (это явление отмечалось еще и до революции). Как правило, они носят «вертикальный» характер: работница — мастер, конторская барышня — директор. «Вознаграждение» было различным: более выгодная работа, гарантия от увольнения, подарки. Например, в докладной записке о проведении проверки в связи с жалобой на положение дел на заводе ПВО № 1 Ленинграда (май 1935 года) говорилось о том, что женщины, о связях которых с секретарем парткома и предзавкома шли разговоры, получали премии как ударницы, не будучи ими на самом деле [25, л. 91].

Другой пример: на одной из конференций беспартийных работниц Ленинграда в 1926 году работница фабрики «Веретено» Андреева заявила о мастере крутильного отделения, что «если понравилась физиономия какой работницы, то он ее ставит куда потеплее, например мастерицей или проверщицей, как, например, Клюеву. Она работала на мокрых ватерах, но там очень грязно; так как мастер имеет к ней симпатию,

он моментально перевел ее проверщицей, несмотря на то, что она не в курсе дела. Есть еще две хорошеньких, он их поставил мастерицами, а мастериц достаточно и двух, а теперь их четыре, да какие они еще мастерицы, когда их сняли с машин, что не могут работать, а не потолковать со старыми работницами, поставил „подымай выше”» [26, л. 93–94].

В 1930-е годы миллионы женщин стали трудовым резервом индустриализации. В годы первой пятилетки именно они сыграли ведущую роль в процессе роста и трансформации состава рабочего класса. На 1 января 1927 года, по данным ЦСУ, в крупной промышленности работало 673,8 тыс. женщин, т. е. 28,5 % от общего числа рабочих [27, с. 288]. К 1935 году женщины составляли 42 % всех промышленных рабочих. Темпы роста женской рабочей силы опережали темпы роста мужской. Женский труд стал использоваться в таких новых отраслях, как машиностроение и энергетика, а также в угледобыче, металлургии и химии [17, с. 7]. Их заработки компенсировали значительное снижение доходов семьи, вызванное общим резким падением уровня оплаты труда. В годы второй пятилетки государство не смогло бы осуществить жесткие реформы, целью которых был контроль над движением рабочей силы, трудовой дисциплиной и текучестью кадров, не привлекая на производство женщин как ключевого резерва рабочей силы. В результате женщины не просто получают доступ к профессиям — они активно принимаются на прежде чисто мужские должности и производства, получают возможность для быстрого карьерного роста, заполняя все увеличивающееся число вакансий (этому способствовали и политические репрессии, затронувшие по преимуществу мужчин), причем как в городе, так и на селе.

Декларированная задача раскрепощения и «выдвижения» женщин предполагала искоренение традиционных практик частной жизни. Большевицкая политика выделяла несколько категорий женщин, различая их по уровню сознательности. Целевыми группами партийного воздействия были в первую очередь «женщины-пролетарки» — работницы отстанка и жены рабочих [19, с. 445–446]. Профсоюзные организаторы и работницы женотделов вели работу среди женщин в форме лекций, бесед, беспартийных конференций, поясняя новые

возможности, открывшиеся советским законодательством: женщины получили право на труд наравне с мужчинами, в том числе страхование по болезни, равную минимальную зарплату, ежегодный оплачиваемый отпуск.

В борьбе с «отсталостью» и «старорежимностью» активно использовалось создание «трудо-бытовых коллективов», вмещивавшихся в частную жизнь семьи. Например, на 3-м Всесоюзном совещании рабкоров в 1926 году рабкорка Нефедова говорила: «Нашу работницу надо учить и щи варить, и вшей вычесывать, и мясо рубить. Нашу работницу надо учить, как ребенка кормить, как белье стирать. <...> Товарищи, надо писать, как мужу устроить бисквит на яйцах. Ведь мы этого не знаем. Вот, говорят, есть беф-строганов какой-то, мы ведь этого тоже не знаем. А вот если об этом напишут, ко мне придет работница в гости, и я перед ней „беф-строганов” щегольну. <...> Мы боремся за то, чтобы иметь все хорошее: и белье, и юбку. И разрешите мне иногда, по праздникам, одеть желтые ботинки» [28, с. 158]. В этом высказывании можно увидеть два момента: стремление «научить новому быту» и стремление к регламентации этого быта.

Эмансипаторская деятельность власти привела к появлению различных форм феминизма. Помимо уже упоминавшихся институтов женотделов и делегатов, можно отметить движение рабкорок, группировавшихся вокруг «женских» журналов – «Работница», «Делегатка» и др. Так, в инструкции Московского женотдела отмечалось: «Записывать со слов неграмотных работниц и крестьянок наиболее интересные факты из их жизни и работы... Побуждать работниц и крестьянок писать также о всех наблюдаемых, замеченных ими беззакониях или несправедливостях, прививая мысль, что писать должно не только о том, что хорошо, но и том, что плохо, и что за правильно сообщенные факты никто наказанию не подвергнется» [29, с. 20–21].

Журнал «Работница» стал издаваться с января 1923 года и позиционироваться как журнал для городских жительниц. В нем, помимо статей политического содержания, печатались литературные произведения, существовали рубрики о кино и книгах, обсуждались бытовые проблемы. Московский женотдел в том же году начал издавать журнал «Делегатка», рассчитанный на работниц и крестьянок с активной

жизненной позицией, потенциальных представительниц делегатских собраний и непосредственно делегатов. Петроградский женотдел к 1 мая 1923 года приурочил выпуск журнала «Работница и крестьянка», предназначенный для «подготовленных» работниц и представительниц формирующейся новой советской интеллигенции [Там же. С. 21].

Заметным явлением 1930-х годов стало движение женщин-общественниц, которое О.А. Хасбулатова определила как технологию государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство [30]. Исследователь справедливо предположила, что, хотя это движение в печати подавалось как инициатива снизу, на самом деле это была хорошо продуманная прагматичная акция ВКП(б). Дело в том, что к середине 1930-х годов женщины составляли всего 35,8 % от общего числа занятых в промышленном производстве, поэтому домашние хозяйки были существенным резервом рабочей силы. С 1936 года советы жен-общественниц стали создаваться на заводах, фабриках, шахтах, стройках, железнодорожном транспорте.

Журнал «Общественница», издававшийся Наркоматом тяжелой промышленности, писал о движении жен хозяйственников, инженеров и техников тяжелой промышленности как о «новом отряде по перестройке быта и культуры» [31, с. 5]. Многие в этом движении напоминают дореволюционную светскую благотворительность. Так, например, общественницы треста «Мурманрыба» украшали каюты корабля «Таймыр», который эвакуировал экспедицию Папанина с Северного полюса (1938): «Каждая активистка предлагала использовать ее мастерство и умение для того, чтобы получше, поуютнее убрать каюты: т. Скорнякова, несмотря на свою болезнь, взялась вместе с т. Стрелковой сделать два красивых абажура на лампы; т. Ефремова – вышить скатерть под патефон. <...> Закипела дружная работа. Товарищи Корягина и Цейхмейстерова просидели всю ночь над вышивкой. Из их рук вышла красивая дорожка на буфет в кают-компанию. Тов. Смирнова красиво разрисовала портьеры, шила подушечки, подшивала скатерти. <...> Нам очень не понравилась старая скатерть, которая была послана на столе в кают-компанию. Решили, что папанинцы будут обедать на скатерти, приготовленной наши-

ми руками. Принялись за кропотливую работу. Необходимо было сделать 24 метра мережки, а по бокам вышить скатерть васильками. <...> Немало потрудились мы над абажуром для кают-компаний. <...> Два абажура, сделанные и разрисованные руками наших женщин, украшают теперь кают-компанию „Таймыра”. <...> Тов. Барина сделала корзинку искусственных цветов из шелковых ниток. Когда мы ее поставили в каюте на стол, то моряки подумали, что цветы – настоящие <...>» [32, с. 13].

Во всех производственных отраслях активистки выполняли схожие работы: наводили порядок в заводских столовых, очищали от грязи и мусора, озеленяли заводские дворы, шефствовали над детскими садами, школами, рабочими общежитиями, вместо мастеров и других специалистов пытались разобраться в причинах, по которым часть рабочих не выполняла планов, посещали семьи прогульщиков, беседовали с ними и их женами и т. д. Судя по публикациям журнала «Общественница», женщинам эта работа нравилась, они чувствовали себя «общественно полезными». Участие в движении расширяло кругозор домашних хозяек, формировало у них навыки работы с людьми, давало возможность выйти из узкого домашнего круга.

Но самой главной их задачей оставалось вдохновлять на трудовые подвиги своих мужей. О.А. Хасбулатова отмечает, что в сталинский период идеология в области равноправия полов сочетала в себе и эгалитарные, и патриархальные взгляды [30]. Вовлекая женщин в общественное производство и общественную деятельность, руководители партии и государства 1930–1940-х годов ни на минуту не сомневались в превосходстве мужчин, их доминирующей роли в об-

ществе. Официальная идеология провозглашала, что главной задачей женщины, что бы она ни делала, какие бы посты ни занимала, является воспитание детей, помощь мужу.

В 1938 году в СССР стартовало движение жен за владение рабочими профессиями. При этом речь не шла о выборе профессии по призванию. Женщины овладевали профессиями своих мужей. В итоге к 1941 году число работниц и женщин-служащих составило 12 млн человек, что в 3,5 раза больше, чем в 1929 году. В промышленности удельный вес женщин поднялся до 41,6 %. Все это принципиально меняло гендерные отношения на уровне предприятия: женщины освоили традиционно «мужские» профессии, появилось много квалифицированных работниц, мужчинам пришлось волею неволей отказаться от сексизма в отношении к женщинам-работницам.

Таким образом, гендерные отношения в советской промышленности в межвоенный период определялись политикой активного вовлечения женщин в общественное производство, осуществлявшейся в условиях явно выраженного антифеминизма рабочей среды. Привлечение на производство домохозяек, молодежи и вчерашних крестьянок приводило к росту соперничества в промышленном сообществе, которое выражалось в дискриминации женщин со стороны рабочих-мужчин, заводского начальства и профсоюзных работников. Индустриальный скачок в годы первой и второй пятилеток потребовал колоссального увеличения индустриальной рабочей силы, важнейшим резервом которой стали женщины. В эти годы формировался «гендерный контракт», в котором совмещались производственные и семейные функции работающей женщины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адам и Ева. Альманах гендерной истории [Текст] / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Изд-во ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 472 с.
2. Пушкарева, Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии [Текст] / Н.Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2002. – 526 с.
3. Репина, Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия [Текст] / Л.П. Репина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 352 с.
4. Денисова, Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт [Текст] / Л.Н. Денисова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.
5. Hutton, M. Russian and West European Women, 1860–1939: Dreams, Struggles and Nightmares [Text] / M. Hutton. – Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2001. – 468 p.
6. Ульянова, С.Б. История промышленной повседневности: опыт изучения [Текст] / С.Б. Ульянова // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. – 2008. – № 5. – С. 108–115.

7. **Антропология** власти. Хрестоматия по политической антропологии [Текст]. В 2 т. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе / отв. ред. В.В. Бочаров. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. — 491 с.
8. **Градскова, Ю.В.** «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности [Электронный ресурс] / Ю.В. Градскова. — М.: Sputnik+, 1998. — Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php>.
9. **Россия** в XX веке: люди, идеи, власть [Текст] / отв. ред. А.К. Соколов. — М.: РОССПЭН, 2002. — 240 с.
10. **НЭП**: экономические, политические и социокультурные аспекты [Текст] / отв. ред. А.С. Сенявский. — М.: РОССПЭН, 2006. — 544 с.
11. **Мировые** войны XX века [Текст]. В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: ист. очерк / отв. ред. Г.Д. Шкундин. — М.: Наука, 2002. — 686 с.
12. **Шкаратан, О.И.** Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР [Текст] / О.И. Шкаратан. — М.: Мысль, 1970. — 472 с.
13. **Окорочкова, Т.С.** Женский труд в промышленности СССР в годы нэпа [Текст] / Т.С. Окорочкова // Социол. исследования. — 1999. — № 9. — С. 93–100.
14. **Население** России в XX веке [Текст]. В 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. Ю.А. Поляков. — М.: РОССПЭН, 2000. — 463 с.
15. **Морозова, Ю.** Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) [Текст] / Ю. Морозова // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярославской-Смирновой. — Саратов: Изд-во ЦСПГИ: Научная книга, 2005. — С. 281–297.
16. **Эллман, М.** Советская индустриализация: выдающийся успех? [Текст] / М. Эллман // Эконом. история: обозрение. — Вып. 13 / под ред. Л.И. Бородкина. — М.: Изд-во МГУ, 2007. — С. 218–228.
17. **Голдман, В.З.** Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937) [Текст] / В.З. Голдман. — М.: РОССПЭН, 2010. — 357 с.
18. **Рашин, А.Г.** Женский труд в СССР [Текст] / А.Г. Рашин. — М.: Вопросы труда, 1928. — 64 с.
19. **Здравомыслова, Е.А.** Советский этакратический гендерный порядок [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Социальная история. — 2003. — Женская и гендерная история / под ред. Н.Л. Пушкаревой. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 436–463.
20. **Котылев, А.Ю.** «Мальчишка, люби Революцию...»: гендерный аспект развития российской культуры 1917–1933 гг. [Текст] / А.Ю. Котылев // Гендер и общество в истории / под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 621–657.
21. **Pretty, D.** The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union // A Global History of Textile Workers, 1650–2000 [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.iisg.nl/research/russia.doc>.
22. **Рабочий** край. — 1921. — 27 января.
23. **Струмилин, С.Г.** Проблемы экономики труда [Текст] / С.Г. Струмилин. — М.: Наука, 1982. — 471 с.
24. **Труд.** — 1931. — 24 марта.
25. **Центральный** государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1525. Докладная записка зав. отделом парткадров ЛК ВКП(б) и инструктора отдела секретарям ЛК Жданову и Угарову. 31 мая 1935 г.
26. **ЦГАИПД СПб.** Ф. 16. Оп. 7. Д. 7395. Материалы о настроениях рабочих, случаях недовольства, конфликтах, волынках на фабриках и заводах. Март — октябрь 1926 г.
27. **К XV съезду** ВКП(б). Тезисы [Текст]. — М.: Изд-во ВЦСПС, 1928. — 400 с.
28. **3-е Всесоюзное** совещание рабкоров «Рабочей газеты» [Текст]. — М.: Изд-во «Рабочей газеты», 1926. — 222 с.
29. **Алферова, И.В.** Большевицкая женская печать: к истории становления (1914–1920-е) [Текст] / И.В. Алферова // Грамота. — 2011. — № 6. — В 3 ч. Ч. III. — С. 16–23.
30. **Хасбулатова, О.А.** Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство [Электронный ресурс] / О.А. Хасбулатова // Гендерные исследования: методологические подходы. — Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s04.php>.
31. **Общественница.** — 1936. — № 1.
32. **Там же.** — 1938. — № 4.

REFERENCES

1. Adam i Yeva. Almanakh gendernoy istorii. Pod red. L.P. Repinoy. Moscow, Publ. IVI RAN; St. Petersburg, Aleteyya, 2003. 472 p. (rus.)
2. **Pushkareva N.L.** Russkaya zhenshchina: istoriya i sovremennost: Istoriya izucheniya “zhenskoy temy” russkoy i zarubezhnoy naukoj. 1800–2000. Moscow, Ladomir, 2002. 526 p. (rus.)
3. **Repina L.P.** Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina yevro-peyskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya. Moscow, ROSSPEN, 2002. 352 p. (rus.)
4. **Denisova L.N.** Sudba russkoy krestyanki v XX veke: brak, semya, byt. Moscow, ROSSPEN, 2007. 480 p. (rus.)

5. **Hutton M.** Russian and West European Women, 1860–1939: Dreams, Struggles and Nightmares. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2001. 468 p.
6. **Uyanova S.B.** Istoriya promyshlennoy povsednevnosti: opyt izucheniya. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU*, 2008, nr 5, pp. 108–115. (rus.)
7. Antropologiya vlasti. Khrestomatiya po politicheskoy antropologii. V 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse. Otv. red. V.V. Bocharov. St. Petersburg, Publ. St. Petersburg Univ., 2006. 491 p. (rus.)
8. **Gradskova Yu.V.** “Obychnaya” sovetskaya zhenshchina – obzor opisaniy identichnosti. Moscow, Sputnik+, 1998. Access mode: <http://www.genderstudies.info/social/s01.php>. (rus.)
9. Rossiya v XX veke: lyudi, idei, vlast'. Otv. red. A.K. Sokolov. Moscow, ROSSPEN, 2002. 240 p. (rus.)
10. NEP: ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokulturnyye aspekty. Otv. red. A.S. Senyavskiy. Moscow, ROSSPEN, 2006. 544 p. (rus.)
11. Mirovyye voyny XX veka. V 4 kn. Kn. 1: Pervaya mirovaya voyna. Otv. red. G.D. Shkundin. Moscow, Nauka, 2002. 686 p. (rus.)
12. **Shkaratan O.I.** Problemy sotsialnoy struktury rabochego klassa SSSR. Moscow, Mysl, 1970. 472 p. (rus.)
13. **Okorochkova T.S.** Zhenskiy trud v promyshlennosti SSSR v gody nepa. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1999, nr 9, pp. 93–100.
14. Naseleniye Rossii v XX veke. V 3 t. T. 1. 1900–1939. Otv. red. Yu.A. Polyakov. Moscow, ROSSPEN, 2000. 463 p. (rus.)
15. **Morozova Yu.** Gosudarstvennaya politika v oblasti zhenskoy zanyatosti v 1920–1930-e gody (na primere nemetskoj avtonomii). *Nuzhda i poryadok: istoriya sotsialnoy raboty v Rossii, XX v.* Pod red. P.V. Romanova, Ye.R. Yarskoy-Smirnovoy. Saratov, Publ. TsSPGI, Nauchnaya kniga, 2005. Pp. 281–297. (rus.)
16. **Ellman M.** Sovetskaya industrializatsiya: vydayushchiysya uspekhi? *Ekonomicheskaya istoriya. Obozreniye*. Vyp. 13. Pod red. L.I. Borodkina. Moscow, Publ. MGU, 2007. Pp. 218–228. (rus.)
17. **Goldman V.Z.** Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937). Moscow, ROSSPEN, 2010. 357 p. (rus.)
18. **Rashin A.G.** Zhenskiy trud v SSSR. Moscow, Voprosy truda, 1928. 64 p. (rus.)
19. **Zdravomyslova Ye.A., Temkina A.A.** Sovetskiy etatricheskij gendernyy poryadok. *Sotsialnaya istoriya*, 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya. Pod red. N.L. Pushkarevoy. Moscow, ROSSPEN, 2003. Pp. 436–463. (rus.)
20. **Kotylev A.Yu.** “Malchishka, lyubi Revolyutsiyu...”: gendernyy aspekt razvitiya rossiyskoy kultury 1917–1933 gg. Gender i obshchestvo v istorii. Pod red. L.P. Repinoy, A.V. Stogovoy, A.G. Supriyanovich. St. Petersburg, Aleteya, 2007. Pp. 621–657. (rus.)
21. **Pretty D.** The Cotton Textile Industry in Russia and the Soviet Union. *A Global History of Textile Workers, 1650–2000*. Access mode: <http://www.iisg.nl/research/russia.doc>.
22. Rabochiy kray, 1921, 27 yanvaria. (rus.)
23. **Strumilin S.G.** Problemy ekonomiki truda. Moscow, Nauka, 1982. 471 p. (rus.)
24. Trud, 1931, 24 marta. (rus.)
25. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGAIPDSPb). F. 24. Op. 2v. D. 1525. Dokladnaya zapiska zav. Otdelom partkadrov LK VKP(b) i instruktora otdela sekretaryam LK Zhdanovu i Ugarovu. 31 maya 1935 g. (rus.)
26. TsGAIPDSPb. F. 16. Op. 7. D. 7395. Materialy o nastroyeniakh rabochikh, sluchayakh nedovolstva, konflik-takh, volynkakh na fabrikakh i zavodakh. Mart – oktyabr 1926 g. (rus.)
27. K XV syezdu VKP(b). Tezisy. Moscow, Publ. VTsSPS, 1928. 400 p. (rus.)
28. 3-e Vsesoyuznoye soveshchaniye rabkorov “Rabochey gazety”. Moscow, Publ. “Rabochey gazety”, 1926. 222 p. (rus.)
29. **Alferova I.V.** Bolshevistskaya zhenskaya pechat': k istorii stanovleniya (1914–1920-ye gg.). *Gramota*, 2011, nr 6. V 3 ch. Ch. III. Pp. 16–23. (rus.)
30. **Khasbulatova O.A.** Dvizheniye zhenshchin-obshchestvennits v 1930-ye gody kak tekhnologiya gosudarstvennoy politiki po vovlecheniyu domashnikh khozyayek v obshchestvennoye proizvodstvo. *Gendernyye issledovaniya: metodologicheskiye podkhody*. Access mode: <http://www.genderstudies.info/social/s04.php>. (rus.)
31. Obshchestvennitsa, 1936, nr 1. (rus.)
32. Ibidem, 1938, nr 4. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – профессор кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
oulianova@mail.spbstu.ru

ULYANOVA Svetlana B. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
oulianova@mail.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 94(47)“188/191”

*Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук***ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ
КОРПОРАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1884–1917 ГГ.****Eugene A. Rostovtsev, Ilia V. Sidorchuk***THE MAIN SOURCES FOR THE HISTORY OF THE ACADEMIC COMMUNITY
OF ST. PETERSBURG UNIVERSITY FROM 1884 TO 1917****Аннотация**

В статье анализируются проблемы выявления источниковой базы по данной теме, до сих пор остающиеся нерешенными как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Рассмотрены виды и особенности нарративных источников, посвященных истории одного из ведущих дореволюционных научных и культурных центров страны. Отличительной особенностью статьи является попытка определения путем детального исследования работ по истории университета подлинного значения и степени востребованности различных источников на современном этапе. Представлены мало используемые исследователями источники, в частности периодическая печать, «Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета» и «Обозрения преподавания наук в Санкт-Петербургском университете». Проведен анализ общедоступных оцифрованных источников, что является первой попыткой подобного рода в историографических исследованиях отечественных специалистов.

Ключевые слова

ИСТОРИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, УЧЕНОЕ СООБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.

Abstract

The article devoted to the analysis of problems of the identification the source base on the subject, still outstanding both in domestic and in foreign historiography. The authors describes the types and characteristics of narrative sources on the history of one of the leading pre-revolutionary scientific and cultural centers of the country. A distinctive feature of the article is an attempt on the basis of detailed research work on the history of the university determine the true meaning and extent of the demand for different historical sources at present. Researchers presented many underutilized sources, in particular, the periodical press, “the Protocols of the meetings of the Board of the St. Petersburg Imperial University” and “Ferris teaching of Sciences in St. Petersburg Imperial University”. The analysis of digitized public sources is the first attempt of it’s kind in historiographical studies of domestic experts.

Keywords

HIGH SCHOOL HISTORY, ST. PETERSBURG UNIVERSITY, THE ACADEMIC COMMUNITY AND THE AUTHORITIES, SOURCE STUDIES, HISTORY OF EDUCATION.

* Статья подготовлена при поддержке проектов «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX веках: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» и «История Санкт-Петербургского университета в контексте истории

российского государства и общества» НИР СПбГУ. Авторы выражают глубокую признательность доценту исторического факультета СПбГУ Т.Н. Жуковской за помощь в написании статьи.

Исследование академической корпорации Петербургского университета рубежа XIX–XX веков – активно развивающееся направление научных штудий современных исследователей. При этом, несмотря на большое количество работ по данной проблематике, целый ряд важных источников так и не попал в сферу рассмотрения историков или изучался лишь фрагментарно. Особенно актуальным является исследование проблемы в обозначенных хронологических рамках – начиная с принятия нового университетского устава в 1884 году и заканчивая началом масштабных социальных потрясений в 1917 году.

Проблемы выявления источниковой базы по данной теме в определенной степени затрагивались еще в трудах дореволюционных историков, представителей официальной историографии, – А.И. Георгиевского [1] и С.В. Рождественского [2]. Обширная делопроизводственная документация, мемуары и периодика оказались в сфере внимания в ходе работы юбилейной комиссии по истории Петербургского университета 1910–1919 годов [См.: 3]. Менее широкий характер носило исследовательское поле представителей радикального направления в историографии, хотя их заслугой является привлечение документов по истории освободительного движения и источников личного происхождения.

Интенсивное введение в научный оборот архивных материалов по теме проходило со второй половины 1960-х по 1980-е годы, что было связано с возрождением интереса к истории революционного движения в стенах университета. Несмотря на то что оно носило скорее иллюстративный характер по отношению к господствующей историографической концепции, именно в этот период произошло освоение наиболее важных архивных фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Развитию исследований в области университетской истории также поспособствовала систематизация архивных материалов по истории ЛГУ, проведенная в начале 1960-х годов под руководством С.Н. Валка. Она создала предпосылки для постепенного расширения источниковой базы научных исследований [См.: 4]. Однако

историками советского периода недостаточно использовались такие источники, как пресса и многочисленные издания университета [См.: 5]. Примечательно, что почти не использовался даже такой источник, как «Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета» [См.: 6, 22].

Историографическая ситуация 1990–2000-х годов способствовала введению в научный оборот нового корпуса источников личного происхождения, прежде всего мемуарной литературы, значительно расширился и справочный инструментарий историка [5, 7, 8]. Существенно изменило информационную ситуацию создание сетевого ресурса «История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве» (2011), предпринятое силами коллектива Центра истории СПбГУ. Важно, что помимо опубликованных источников на сайте представлена «Библиография истории СПбГУ» и «Архивная коллекция» (оцифрованные документы Архива Музея СПбГУ) [9]. Значительную помощь в эвристических изысканиях исследователей также могут оказать электронные ресурсы Росархива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), РГИА, ЦГИА СПб и других отечественных архивохранилищ.

Основой для реконструкции социального контекста, жизненного мира, ментальности преподавательской корпорации, разумеется, являются нарративные источники. По заявленной теме к таким источникам можно отнести публицистические тексты, периодическую печать, источники личного происхождения, историографические источники и др. Герменевтический инструментарий для работы с ними разнообразен, связан со спецификой конкретного типа источника. Особенно важно задействовать противоречивые показания мемуаров и дневников [См.: 10], а также эпистолярных источников, которые в советской литературе использовались не часто (а целый ряд публикаций появился уже в постсоветскую эпоху) или давались в сокращенном, цензурированном виде, тем более, что некоторые стороны университетской жизни (например, история повседневности или корпоративная история) без учета этих источников с трудом поддаются реконструкции [См., например: 11]. К нарративным источникам особого типа

(которые, кстати, также не задействованы в литературе) следует отнести и значительную часть делопроизводственной документации, например стоит обратить внимание на особые мнения профессоров, которые часто показывают неоднородность и неоднозначность позиций ученого университетского сообщества по тем или иным вопросам.

Среди публицистических нарративов особое значение имеют издания, ведущими авторами которых являются сами универсанты, — это в основном образовательная периодика. В ней могут быть представлены различные политические взгляды — от консервативно-националистических до революционных. Из революционно настроенных публицистов можно выделить А. Дьяконова, чья книга «1905 и 1906 годы в Петербургском университете» [12] полна острой критики правительства с крайне левых позиций. Нельзя не сказать и о работах В.И. Ленина, также затрагивавших ситуацию в университетах [См. наиболее яркие из них: 13–15]. Следует отметить, что дореволюционная публицистика рассматривает университетскую проблему в рамках трех дискурсов: консервативного, либерального и радикального, причем ведущим из них является либеральный. Главные объекты обсуждения — проблема «университетской автономии», революция 1905–1907 годов, студенческие беспорядки, противостояние профессуры с правительством [16]. Преимущественно этим же проблемам были посвящены материалы, содержащиеся в периодической печати. Из-за их многочисленности данные источники в значительной степени до сих пор остаются неизвестными исследователям, однако именно в газетных и журнальных статьях жизнь университетов освещена достаточно подробно. Стоит выделить такие издания, как «Голос» (1863–1884), «Петербургский листок» (1864–1917), «Санкт-Петербургские ведомости» (1863–1917), «Новое время» (1868–1917), «Речь» (1906–1917), «Свет» (1882–1916), «Русское знамя» (1905–1917), «Русские ведомости» (1863–1917, Москва), «Пролетарий» (1905–1909, 1917), «Правда» (1912–1914, 1916). Эти издания отражают всю палитру политических и идеологических установок в подходе к университетскому вопросу: правительственный официоз, консерватизм, либерализм, радикализм и т. п. Анализ матери-

алов дореволюционной прессы, посвященных Санкт-Петербургскому университету, позволяет не только получить новый фактологический материал, но и ознакомиться с оценкой, данной современниками различным процессам, связанным с университетами. За 1905 год нами было выявлено 454 газетных материала, а за 1911 год — 931.

К актовым источникам по истории университета можно отнести нормативные и делопроизводственные, включая нормативные акты и делопроизводственную документацию, связанные как с высшей школой Российской империи в целом, так и с отношениями между властью и столичным университетом. В литературе в некоторой степени уже дана характеристика различных типов источников этой группы: законодательных актов, журналов Совета министров, циркуляров Министерства народного просвещения (МНП), деловой переписки, материалов различных совещаний по университетскому вопросу, стенограмм заседаний Государственной думы и т. п. [17]. В качестве основы для выявления и группировки законодательных документов можно принять «Свод законов Российской империи» (1893) и «Продолжения» к нему (1906, 1908–1910, 1912–1914), а также «Полное собрание законов Российской империи». Кроме этого, использовались издания, публиковавшие текущие законодательные акты, решения министерства и правительства [18–20 и др.]. Нормативные акты позволяют дать характеристику институциональным особенностям устройства университета, составу его коллегии, студенчества, системе управления академической корпорацией и политике власти в отношении высшей школы. Количество нормативных документов по данной проблематике позволяет говорить о высокой активности власти в университетском вопросе. Ее ключевыми сферами были регулирование внутреннего устройства университета, национальный и женский вопросы, оплата труда преподавательского состава и т. п. К группе нормативных документов стоит также отнести и подзаконные акты — постановления и распоряжения министра народного просвещения, которые не требовали высочайшего утверждения. Они касались назначения и увольнения отдельных профессоров, отправления их в научные экспедиции и т. д.

Делопроизводственные источники носят массовый характер и в большинстве своем не опубликованы. Среди опубликованных важнейшим источником являются периодические «Обозрения преподавания наук в Санкт-Петербургском Императорском университете» [21], которые содержат список личного состава, а также перечень лекционных курсов и практических занятий по факультетам, т. е. дают основной материал для восстановления хода учебной жизни университета.

Анализ «Протоколов заседаний Совета Санкт-Петербургского университета» помогает более полно осмыслить картину университетской политики. Этот источник является одним из основных для реконструкции стратегии отношений с властью и студентами, которой придерживалась профессорская коллегия. Протоколы показывают все богатство и многогранность университетского политического и идеологического мира. В них охвачены практически все сферы интересов профессуры. Много материалов посвящено проблемам взаимоотношений ученого сообщества и власти, вопросам финансирования, изменений устава университета. Протоколы заседаний Совета университета за интересующий нас период опубликованы, однако в ряде случаев необходимо обращение к архивным оригиналам [22, 23].

Схожим с рассмотренным выше источником является такой источник, как «Отчеты университета», данные которых, хотя и широко, но, как нам представляется, довольно односторонне использовались в литературе. Отчеты позволяют не только исследовать особенности научной жизни университета, но и понять содержание его общественной жизни и бытовых сторон деятельности. В частности, они позволяют существенно дополнить биографии ряда выдающихся отечественных ученых — Д.И. Менделеева, М.М. Ковалевского, С.Ф. Платонова, С.Ф. Ольденбурга, Н.Я. Марра, М.И. Ростовцева и др.

Отдельную группу печатных изданий источников составляют многочисленные публикации документов по истории общественного движения в России, политических партий и организаций. К этой группе источников тесно примыкает публицистика разного времени, связанная как с «университетским вопросом», так и с отношениями ученых к различным аспектам политической жизни [См., например: 24–30].

Как видим, печатные издания источников по теме исследования охватывают значительную часть тематики работы, однако, с другой стороны, нельзя не отметить различный характер репрезентативности печатных материалов. Если издания нормативных актов (законов, подзаконных актов МНП и университета) имеются практически для всего изучаемого периода, то издания источников иных типов (в том числе касающихся огромного университетского производства) носят эпизодический характер, что составляет одну из основных проблем источниковой базы при исследовании истории университета. Следует также указать на единственный характер научных изданий по теме. В этом контексте необходимо особо подчеркнуть значение таких архивохранилищ, как ГАРФ, РГИА, ЦГИА СПб, ЦГА СПб, Объединенный архив СПбГУ. Так, в ГАРФ хранится свыше тысячи дел по теме исследования. Большинство фондов относится к государственным учреждениям, но присутствуют и фонды личного происхождения. В наибольшей степени представлены периоды, являвшиеся кризисными или переломными для университета, например 1899 год. Значительная часть дел связана с историей студенческого революционного движения [См., например: 31]. В РГИА можно выделить шесть фондов, среди которых наиболее важное место занимает фонд № 733 (Департамент народного просвещения). В ЦГИА СПб также хранится большое количество дел, относящихся к истории Петербургского университета, и прежде всего в фонде № 14 (Петербургский / Петроградский университет). Кроме этого, стоит выделить фонд № 139 (Канцелярии попечителя Петербургского / Петроградского учебного округа, 1803–1918), фонд № 569 (Канцелярии Петербургского / Петроградского градоначальника, 1871–1917) и фонд № 113 (Петербургские / Петроградские высшие женские курсы, 1878–1918). Важные материалы содержатся в Архиве Музея истории СПбГУ [32] и т. д.

Отдельную группу источников, которая может быть привлечена для изучения обозначенной темы, составляют немногочисленные кинофотодокументы, относящиеся ко второй половине XIX — началу XX века, и изобразительные источники. Нельзя также не отметить необходимость обращения к сетевым источникам. Кроме упомянутых выше ресурсов, важные историографи-

ческие источники представлены на сайтах ведущих российских библиотек [См.: 33].

Таким образом, можно констатировать, что исследование преподавательской корпорации вполне обеспечено источниками разнообразного характера. Разумеется, уровень доступности комплексов разных источников для исследования предопределяет и степень сложности реконструкции тех или иных аспектов деятельности корпорации. Так, воссоздание условий жизни преподавательского сообщества облегчается тем, что основные нормативные акты по теме исследования опубликованы. Труднее обстоит дело с восстановлением внутреннего уклада корпорации, жизненного мира, профессиональных взаимоотношений, которое возможно только на основании анализа широкого

круга нарративных и актовых источников делопроизводственного характера. К настоящему моменту исследователи располагают лишь отдельными научными изданиями источников такого типа, большинство же из них остаются неопубликованными. Этот пробел частично компенсируется обращением к содержанию продолжающихся изданий университета. Публикации имеются как в печатной, так и в электронной форме. Особо отметим и то обстоятельство, что при всем внимании исследователей к прессе как источнику, близкому по своему характеру к публицистике, она до сих пор исследована недостаточно. Между тем пресса имеет особое значение, и прежде всего для изучения последнего этапа истории дореволюционного университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Георгиевский, А.И.** Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков [Текст] / А.И. Георгиевский. – СПб., 1890.
2. **Рождественский, С.В.** Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст] / С.В. Рождественский. – СПб., 1902.
3. **ЦГИА СПб.** Ф. 14. Оп. 1. Д. 10427. О подготовке предстоящего в 1919 году празднования 100-летнего существования Санкт-Петербургского университета.
4. **Материалы** по истории Ленинградского университета. 1819–1917 годы [Текст] / сост. А.Х. Горфункель, Л.А. Никулина, С.Н. Семанов; под ред. С.Н. Валка. – Л., 1961.
5. **Библиографический** указатель гуманитарных изданий Санкт-Петербургского – Ленинградского университета: сборники, монографии, учебные пособия (1819–1969) [Текст] / сост. Н.А. Шевченко, Л.А. Шилов, Н.Н. Кирикова; отв. ред. Н.А. Шешина. – СПб., 2000.
6. **Ростовцев, Е.А.** «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 годах [Текст] / Е.А. Ростовцев // J. of Modern Russian History and Historiography. – 2009. – № 2. – С. 75–121.
7. **Материалы** по истории Санкт-Петербургского университета. 1917–1965. Обзор архивных документов [Текст] / сост. Е.М. Балашов, М.Ю. Евсентьев, Н.Ю. Черепнин; под ред. Г.А. Тишкина. – СПб., 1999.
8. **Центральный** государственный исторический архив (ЦГИА СПб). Путеводитель [Текст]. В 2 т. / сост. Д.В. Надсадный, А.Г. Румянцев, А.В. Тихоцкая и др. – СПб., 2009.
9. **Архивная** коллекция [Электронный ресурс] // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве. 06.07.2012. – Режим доступа: <http://museum.pu.ru/history/part1/part1.2/arhiv.html>.
10. **Марголис, Ю.Д.** Петербургский университет 1905–1907 годов в воспоминаниях современников [Текст] / Ю.Д. Марголис // Новое о революции 1905–1907 годов в России. – Л., 1989. – С. 18–27.
11. **Александр** Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 [Текст] / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали, сост. Т.Н. Жуковская. – СПб., 2005.
12. **Дьяконов, А.** 1905 и 1906 годы в Петербургском университете [Текст] / А. Дьяконов. – СПб, 1907.
13. **Ленин, В.И.** Шаг вперед, два шага назад [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 8. – М., 1959.
14. **Он же.** Две тактики социал-демократии в демократической революции [Текст] / В.И. Ленин // Там же. Т. 11. – М., 1960.
15. **Он же.** Что делать? [Текст] / В.И. Ленин // Там же. Т. 6. – М., 1959.
16. **Ростовцев, Е.А.** Академическая корпорация столичного университета в фокусе историографии [Текст] / Е.А. Ростовцев, Д.А. Баринин, А.Ф. Кривоноженко, И.В. Сидорчук // Клио. – 2012. – № 7. – С. 47–62.
17. **Он же.** Университет столичного города (1905–1917) [Текст] / Е.А. Ростовцев // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 207–210.
18. **Сборник** постановлений Министерства народного просвещения [Текст]. – Т. IX–XVII. – СПб., 1893–1904.
19. **Сборник** распоряжений по Министерству народного просвещения [Текст]. – Т. XIV–XVI. – СПб., 1904–1907.

20. **Сборник** законоположений и распоряжений по Министерству народного просвещения. Октябрь 1909 – октябрь 1911 года [Текст]. – Уфа, 1911.
21. **Обозрения** преподавания наук в Санкт-Петербургском Императорском университете [Текст]. – СПб.; Пг., 1884–1917.
22. **Протоколы** заседаний Совета Санкт-Петербургского университета [Текст]. – СПб.; Пг., 1884–1916.
23. **ЦГИА СПб.** Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Протоколы заседаний Совета Петроградского Императорского университета за 1916 год.
24. **Багалеи, В.И.** Экономическое положение университетов [Текст] / В.И. Багалеи. – М., 1916.
25. **Гримм, Д.Д.** Видимость законности и скрытое усмотрение. К конфликту С.-Петербургского университета с Министерством народного просвещения [Текст] / Д.Д. Гримм // Вестн. Европы. – 1913. – Т. 48, № 2. – С. 271–288.
26. **Энгель, Г.** Из истории студенческого движения: 1899–1906 годы [Текст] / Г. Энгель, В. Горюхов. – М., 1908.
27. **Георгиевский, П.И.** Реформа университетов в России [Текст] / П.И. Георгиевский. – СПб., 1909.
28. **Гревс, И.М.** Временные правила 27 августа 1906 года об управлении университетами и освобождении науки [Текст] / И.М. Гревс // Право. – 1905. – 1 сентября. – Стб. 2933–2938.
29. **Менделеев, Д.И.** Заветные мысли Д. Менделеева [Текст] / Д.И. Менделеев. – СПб., 1904.
30. **Сергеевич, В.И.** Реформа университетского преподавания [Текст] / В.И. Сергеевич. – СПб., 1908.
31. **ГАРФ.** Ф. 102. Оп. 82. 3-е делопроизв. 1886. Д. 685. По сношению студента Санкт-Петербургского университета Александра Ульянова с лицами, высланными из Санкт-Петербурга за демонстрацию в день годовщины смерти Добролюбова.
32. **Архив Музея истории СПбГУ.** Ф. И.У. Оп. 1. Д. 447.
33. **Внешние** сетевые ресурсы по истории университета. Библиотеки [Электронный ресурс] // История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве. – Режим доступа: http://museum.pu.ru/history/part1/part1.5/vneschnie_stranicy.html.

REFERENCES

1. **Georgievskii A.I.** Kratkii istoricheskii ocherk pravitel'stvennykh mer i prednachertanii protiv studentcheskikh besporiadkov. St. Petersburg, 1890. (rus.)
2. **Rozhdestvenskii S.V.** Istoricheskii obzor deiatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1802–1902. St. Petersburg, 1902. (rus.)
3. **TsGIA SPb.** F. 14. Op. 1. D. 10427. O podgotovke predstoiashchego v 1919 g. prazdnovaniia 100-letnego sushchestvovaniia S.-Peterburgskogo universiteta. (rus.)
4. Materialy po istorii Leningradskogo universiteta. 1819–1917. Sost. A.Kh. Gorfunkel', L.A. Nikulina, S.N. Semanov; pod red. S.N. Valka. Leningrad, 1961. (rus.)
5. Bibliograficheskii ukazatel' gumanitarnykh izdaniy Sankt-Peterburgskogo Leningradskogo universiteta: sborniki, monografii, uchebnye posobiia (1819–1969). Sost. N.A. Shevchenko, L.A. Shilov, N.N. Kirikova; otv. red. N.A. Sheshina. St. Petersburg, 2000. (rus.)
6. **Rostovtsev E.A.** "Bor'ba za avtonomiiu": korporatsiia stolichnogo universiteta i vlast' v 1905–1914 gg. *J. of Modern Russian History and Historiography*, 2009, vol. 2, pp. 75–121. (rus.)
7. Materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1917–1965. Obzor arkhivnykh dokumentov. Sost. E.M. Balashov, M.Iu. Evsent'ev, N.Iu. Cherepnin; pod red. G.A. Tishkina. St. Petersburg, 1999. (rus.)
8. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (TsGIA SPb). Putevoditel'. V 2 t. Sost.: D.V. Nadsadnyi, A.G. Rumiantsev, A.V. Tikhotskaia i dr. St. Petersburg, 2009. (rus.)
9. Arkhivnaia kolleksiia. *Istoriia Sankt-Peterburgskogo universiteta v virtual'nom prostranstve*. 06.07.2012. Access mode: <http://museum.pu.ru/history/part1/part1.2/arhiv.html>. (rus.)
10. **Margolis Iu.D.** Peterburgskii universitet 1905–1907 gg. v vospominaniakh sovremennikov. *Novoe o revoliutsii 1905–1907 gg. v Rossii*. Leningrad, 1989. Pp. 18–27. (rus.)
11. Aleksandr Evgen'evich Presniakov. Pis'ma i dnevnik. 1889–1927. Ruk. proekta i otv. red. A.N. Tsamutali, sost. T.N. Zhukovskaia. St. Petersburg, 2005. (rus.)
12. **D'iakonov A.** 1905 i 1906 gody v Peterburgskom universitete. St. Petersburg, 1907. (rus.)
13. **Lenin V.I.** Shag vpered, dva shaga nazad. Poln. sobr. soch. V 55 t. T. 8. Moscow, 1959. (rus.)
14. Idem. Dve taktiki sotsial-demokratii v demokraticheskoi revoliutsii. Poln. sobr. soch. V 55 t. T. 11. Moscow, 1960. (rus.)
15. Idem. Chto delat'?. *Poln. sobr. soch.* V 55 t. T. 6. Moscow, 1959. (rus.)
16. **Rostovtsev E.A., Barinov D.A., Krivonozhenko A.F., Sidorchuk I.V.** Akademicheskaiia korporatsiia stolichnogo universiteta v fokuse istoriografii. *Klio*, 2012, nr 7, pp. 47–62. (rus.)
17. **Rostovtsev E.** Universitet stolichnogo goroda (1905–1917). *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)*. Pod red. T. Maurer, A. Dmitrieva. Moscow, 2009. Pp. 207–210. (rus.)
18. Sbornik postanovlenii ministerstva narodnogo prosveshcheniia. T. IX–XVII. St. Petersburg, 1893–1904. (rus.)
19. Sbornik rasporiashchenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniia. T. XIV–XVI. St. Petersburg, 1904–1907. (rus.)

20. Sbornik zakonopolozhenii i raspriazhenii po ministerstvu narodnogo prosveshcheniia. Oktiabr' 1909 – oktiabr' 1911 g. Ufa, 1911. (rus.)
21. Obozreniia prepodavaniia nauk v Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. St. Petersburg; Petrograd, 1884–1917. (rus.)
22. Protokoly zasedanii Soveta Sankt-Peterburgskogo universiteta. St. Petersburg; Petrograd, 1884–1916. (rus.)
23. **TsGIA SPb.** F. 14. Op. 1. D. 11367. Protokoly zasedanii Soveta Imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za 1916 g. (rus.)
24. **Bagalei V.I.** Ekonomicheskoe polozhenie universitetov. Moscow, 1916. (rus.)
25. **Grimm D.D.** Vidimost' zakonnosti i skrytoe usmotrenie. K konfliktu S.-Peterburgskogo universiteta s Ministerstvom narodnogo prosveshcheniia. *Vestnik Evropy*, 1913, t. 48, nr 2, pp. 271–288. (rus.)
26. **Engel' G., Gorokhov V.** Iz istorii studencheskogo dvizheniia: 1899–1906 gg. Moscow, 1908. (rus.)
27. **Georgievskii P.I.** Reforma universitetov v Rossii. St. Petersburg, 1909. (rus.)
28. **Grevs I.M.** Vremennye pravila 27 avgusta 1906 g. ob upravlenii universitetami i osvobozhdenii nauki. *Pravo*, 1905, 1 sentiabria, stb. 2933–2938. (rus.)
29. **Mendeleev D.I.** Zavetnye mysli D. Mendeleeva. St. Petersburg, 1904. (rus.)
30. **Sergeevich V.I.** Reforma universitetskogo prepodavaniia. St. Petersburg, 1908. (rus.)
31. **GARF.** F. 102. Op. 82. 3-e deloproizv. 1886. D. 685. Po snosheniiu studenta Sankt-Peterburgskogo universiteta Aleksandra Ul'ianova s litsami, vyslannymi iz Sankt-Peterburga za demonstratsiiu v den' godovshchiny smerti Dobroliubova. (rus.)
32. **Arkhiv Muzeia istorii SPbGU.** F. I.U. Op. 1. D. 447. (rus.)
33. Vneshnie setevye resursy po istorii universiteta. Biblioteki. *Istoriia Sankt-Peterburgskogo universiteta v virtual'nom prostranstve*. Access mode: http://museum.pu.ru/history/part1/part1.5/Vneschnie_stranicy.html. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

РОСТОВЦЕВ Евгений Анатольевич — доцент кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доцент кафедры истории России до XX века исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат исторических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
eugene.rostovtsev@gmail.com

ROSTOVITSEV Eugene A. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
eugene.rostovtsev@gmail.com

СИДОРЧУК Илья Викторович — ассистент кафедры «История» Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, научный сотрудник исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат исторических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
chubber@mail.ru

SIDORCHUK Iliia V. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
chubber@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 327

А.К. Акопов

**ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА
В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Artak K. Akopov

**POLITICAL AND HISTORICAL CONCEPTS OF WORLD ORDER
IN THE INTERNATIONAL RELATIONS THEORY**

Аннотация

В статье рассмотрены подходы к исследованию феномена мирового порядка. Дан анализ идеи «полюсности» / «полярности» структуры мирового порядка, а также оценка точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на «однополярный», «биполярный» и «многополярный» мир. Основное внимание уделено двум моделям международного порядка, сложившимся в последнее десятилетие XX века и получившим широкое распространение на страницах научных журналов, — «однополярному» и «многополярному» миру.

Ключевые слова

МИРОВОЙ ПОРЯДОК; ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; «ПОЛЮСНОСТЬ», «ПОЛЯРНОСТЬ» СТРУКТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА; «ОДНОПОЛЯРНЫЙ» МИР; «БИПОЛЯРНЫЙ» МИР; «МНОГОПОЛЯРНЫЙ» МИР.

Abstract

The article discusses approaches to the study of the phenomenon of World Order and to the idea of “polarity” of the World Order structure. “Unipolar”, “bipolar” and “multi-polar” world are examined by Russian and foreign researchers. The article focuses on two models of international order prevailing in the last decade of the twentieth century. These ideas of unipolar and multipolar world are widely available on the pages of scientific journals.

Keywords

WORLD ORDER, POLITICAL AND HISTORICAL CONCEPTS, INTERNATIONAL RELATIONS, “POLARITY” OF WORLD ORDER STRUTURE, “UNIPOLAR” WORLD, “BIPOLAR” WORLD, “MUTLIPOLAR” WORLD.

Наиболее распространенным концептуальным подходом к исследованию феномена мирового порядка вплоть до настоящего времени был политико-исторический подход, в основе которого лежит идея «полюсности» / «полярности» структуры мирового порядка. Так, представители этого направления (например, М. Каплан, Дж. Мearшаймер, М. Кулагин) в своих работах рассуждают о «полюсах» и «оформляемых» ими мировых / международных порядках («однопо-

лярном», «биполярном», «многополярном»). При этом российский исследователь Э.Я. Баталов отмечает, что в политической науке не существует общепризнанной теории «полюсов» и «полюсных» систем, а другие ученые часто даже не поясняют, какой смысл они вкладывают в понятие «полюс».

Тем не менее в представлении большинства современных теоретиков понятие «полюс» определяется через понятие «центр силы». При этом

под такими «центрами силы» подразумеваются исключительно классические участники международных отношений – государства и их союзы. Другими словами, теоретической базой «полюсных» концепций является государственно-центричный подход. Таким образом, при характеристике Вестфальской системы международных отношений и международных (а не мировых) порядков, которые складывались на определенных этапах ее эволюции, исследователями традиционно использовался исключительно «полюсный» подход. В процессе этой системной эволюции трансформировался и международный порядок. Так, большинство ученых склонны к позиции, что с XVII века произошла трансформация международного порядка от многополярности (Венский концерт наций) к биполярности (Ялтинско-Потсдамский международный порядок), а с окончанием холодной войны настало время однополярного международного порядка. Очевидно, что большая часть исследователей этой группы принадлежат к американской политологической школе.

Итак, с окончанием холодной войны в политических и научных кругах, как в России, так и за рубежом, развернулись дискуссии по поводу структуры новой системы международных отношений и международного порядка. Многие отечественные и зарубежные аналитики выдвигали самые разные точки зрения на процессы, происходившие в мире. Одни говорили о становлении Pax Americana и неопровержимом мировом превосходстве США (З. Бжезинский, А.А. Громыко, Э. Тодд, А. Страус, Ю. Ведрин), другие – о наступлении эры многополярности, учитывающей интересы всего мирового сообщества (Д. Медведев, В. Путин, Ж. Ширак, Е. Примаков, П. Биарне, П. Тейлор, К. Уолтс), третьи – об отмирании полюсов (Р. Хаас, Т. Барнет, Т. Шаклеина, А. Зиновьев, Э. Баталов). Но доминировали в основном две модели международного порядка и соответственно последнее десятилетие XX века на страницах научных журналов отстаивались две позиции: 1) мир стал однополярным; 2) мир стал многополярным.

Однако реальность оказалась намного сложнее и со временем стало очевидно, что «полюсный» подход несколько ограничивает исследовательские возможности и не учитывает новые факторы и тенденции международной

жизни в эпоху глобализации и информатизации. Согласно данному подходу, основную роль в международном порядке играет количество так называемых «полюсов», которые обычно отождествляются с центрами силы. Например, Э.Я. Баталов дал такую характеристику данному термину: «Полюса – это полярные, т. е. контрарные, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, более или менее симметричные и соизмеримые по жизненному потенциалу (военному, экономическому, политическому, научно-техническому) центры силы. Они образуют крайние противоположные точки силовой „оси“, стягивающей воедино международную систему» [1, с. 135]. Под полярностью же можно понимать «распределение силы» [2, с. 12]. Необходимо, однако, уяснить, что именно входит в круг аспектов, составляющих силу полюса. По мнению большинства ученых, ограничиваться в этом вопросе лишь «политическим компонентом» недостаточно, намного большую роль играют «географическое положение *страны*, ее экономический потенциал, народонаселение, техническое развитие» [1, с. 138]. В приведенной выше цитате под полюсом подразумевалось отдельно взятое государство, что отражает традиционный государственно-центристский подход. Но, учитывая, что полюс – это центр силы, своего рода концентрация возможностей и потенциала, дающих ему статус лидера, можно говорить и об отдельных региональных объединениях государств, о группах акторов международных отношений как о полноправных полюсах мировой системы.

Рассмотрим подробнее аргументы сторонников такого классического подхода к анализу международного порядка и модели, которые предлагали ученые тех лет. Важно также подчеркнуть, что на практике политиками также отстаивались и провозглашались идеи международного порядка в «полюсном» контексте.

1. *Однополярная модель международного порядка.* Итак, в самом начале 1990-х годов во время войны в Персидском заливе тогдашний президент США Дж. Буш-ст. заявил, что в связи с распадом СССР на международной арене исчез один их «полюсов», что логично привело к формированию «однополярного» международного порядка во главе с победителем – США. Данный тезис тут же был подхвачен в американской академической среде.

Согласно однополярной модели, существует такая система международных отношений, которая поддерживается мощью и влиянием одного «центра силы», способного диктовать свои условия существования всему мировому сообществу. Причем, как уже отмечалось выше, в качестве силового центра может выступать как отдельно взятое государство, так и объединения стран.

Одним из первых об однополюсном международном порядке начал писать известный американский политический обозреватель Ч. Краутхэммер. В его работе «Момент однополюсности» (1991) отмечалось, что «мир, каким он предстал сразу после окончания холодной войны, — это не многополюсный мир. Это однополюсный мир» [3]. Здесь следует упомянуть также работы американского исследователя З. Бжезинского. Основная идея его самой известной книги «Великая шахматная доска» сводилась к тому, что США стали первой и единственной мировой державой: «даже когда превосходство США начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США» [4, с. 256]. 1990-е годы были отмечены эйфорией американцев по поводу их «победы» в холодной войне, что и нашло отражение в научных работах тех лет. Так, стали говорить о новой эре в международных отношениях, о формировании Pax Americana — однополярного мира во главе с США. По мнению другого, не менее известного, американского исследователя — С. Хантингтона, лидерство США оправдано тем, что эта страна является наиболее свободной и либеральной, следовательно, миссия США в статусе глобального лидера сводится к распространению своих идеологических ценностей по всему миру. Однополярность, по мнению экспертов, подкреплялась также отсутствием серьезных угроз для США со стороны какого-либо другого государства. На утверждение однополярного мирового порядка было нацелено в то время и руководство этой страны. В речах американских политических лидеров тех лет звучали те же идеи, что разрабатывались американскими учеными: США — глобальный лидер, миссия которого состоит в установлении нового политического и экономического международного порядка, основанного на либерально-демократических ценностях.

Американский исследователь А.Л. Страус, выдвинув свою концепцию униполярности [5, с. 27], предположил существование целой группы стран в рамках полюса, хотя и с заметным превосходством отдельной страны: «Налицо фактически существующий „униполь“. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполюса» [Там же].

На протяжении 20 лет после окончания холодной войны интерес к однополярной модели то утихал, то вновь возрастал — в зависимости от политической ситуации в мире, но неизменно эта идея господствовала среди американских политиков и аналитиков. Тем не менее со временем однополярная модель стала эволюционировать с трудах исследователей в различные новые формы. Так, после событий 11 сентября 2001 года начали допускаться оговорки о том, что в современных условиях мирового развития единоличное лидерство трудно осуществимо и что во главе мирового сообщества могут стоять не только США, но и их ближайшие союзники, например Европейский союз (Дж. Айкенберри).

Как совершенно справедливо заметил французский публицист Э. Тодд, «Соединенные Штаты становятся для мира проблемой» [6, с. 7]. И проблема эта была обусловлена в первую очередь уникальным положением США в мировой иерархии государств в результате завершения холодной войны: «Америка представляет собой первую и единственную подлинно глобальную сверхдержаву» [7, с. 8]. Исходя из этой модели, после распада Советского Союза США превратились в краеугольный камень всей системы мирового устройства, они диктовали мировому сообществу свои правила игры на мировой арене с помощью превосходящей военной силы, экономической и финансовой мощи, распространяли свои ценности и культуру в рамках всего мира. К тому же, с течением времени их роль и могущество возрастали и укреплялись и достигли, по мнению Ю. Ведрина, невиданного размаха. «На мой взгляд, — отмечает экс-министр иностранных дел Франции, — начиная с 1992 года термин „сверхдержава“ недостаточен для описания Соединенных Штатов. Американское верховенство распространяется сегодня как на мировую экономику, финансовую систе-

му, технологию, военную сферу, так и на образ жизни, язык, массовую культуру. Вот почему я употребляю термин „гипердержава”» [8, с. 814]. Другой известный исследователь международных отношений – Н. Джингрич утверждает, что «только Америка способна вести за собой мир. Она остается, в действительности, единственной международной и универсальной цивилизацией в истории человечества. Наши ценности разделяются мировым сообществом. Наши технологии изменили жизнь и явились первым фактором глобализации. На сегодняшний день наши вооруженные силы по просьбе правительств расположены во всех уголках планеты, и не для того, чтобы их покорить, а чтобы воплотить в жизнь идеалы свободы, демократии, рыночного предпринимательства. Какая другая цивилизация смогла достичь подобного доминирования в мире без использования методов насилия?» [См.: 9, с. 22].

Похожей точки зрения на причины могущества США придерживался и Дж. Най-мл., создавший свою известную концепцию «американской мягкой силы», под которой он подразумевал «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами» [10]. Однако такое «мягкое» превосходство приобрело характер «жесткого» после американских операций в Ираке в 2003 году. Если раньше отцы-основатели американской идентичности строили модель идеального общества под девизом «Мы верим в Бога», то сейчас, по мнению французского аналитика П. Биарне, пришло время для нового изречения: «Мы верим в Бога, золото и кольт» [9, с. 21].

В настоящее время США на самом деле являются уникальным государством, имеющим право претендовать на роль гегемона, что объясняется огромным потенциалом во всех сферах жизнедеятельности (политика, экономика, военное дело, география, культура, технологии). К тому же, как отмечает Т. Шаклеина, «отсутствие согласованного понимания того, как должен выглядеть новый мировой порядок, позволяло Соединенным Штатам в 1990-х и первых годах нынешнего столетия действовать без оглядки на остальной мир. Но мир и не ока-

зывал этому противодействия – за вычетом террористов или Уго Чавеса» [11].

Отношение к современному положению США на мировой арене крайне не однозначно. Оно варьируется от абсолютного признания непоколебимости позиций американцев до отрицания их гегемонии вообще. Так, например, известный французский ученый, член парижского Центра международных исследований П. Аснер придерживается такого мнения: «Рассматривая вопрос мирового порядка, я просто не нахожу никакой другой альтернативы гегемонии США, разрыв между ними и остальными странами слишком огромен» [12, с. 70].

Менее категоричен в этом вопросе профессор Кэмбриджского университета Д. Рейнольдс: «Мой прогноз таков, что в будущем нас ожидает все тот же *Rex Americana*, но с добавлением отобранных, мультиполярных ингредиентов, хотя нужно еще выяснить, кто именно войдет в их число. Я надеюсь, что это будут европейцы» [13, с. 73].

З. Бжезинский в работе «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» делает вывод, что основная цель США не «необходимость закрепить собственное господствующее положение» [4], а удержание американского лидерства через «постепенную и контролируемую передачу власти, способную привести к [становлению] все более формализованного глобального сообщества, сплоченного общими интересами» [7]. Таким образом, автор подчеркивает преходящий характер, недолговечность и нестабильность гегемонии США.

Иллюзорность и несостоятельность «американского мира» к началу второго десятилетия XXI века наглядно показали такие события международной жизни, как провал политики США в Сомали (1993), их уклонение от участия в разрешении кризиса в Руанде (1994) и на Балканах (завершен Дайтонскими соглашениями в 1995), события в Косово (1999), интенсификация палестино-израильского конфликта (сентябрь 2000), война в Ираке (2003) и, наконец, террористические вызовы 2001 года. В результате всех этих объективных процессов и событий мир подошел к логичному кризису американской гегемонии.

О приближающемся «конце империи» писал Э. Тодд. Он подчеркивал, что могущество США претерпевает кризис, поэтому гегемония

«сверхдержавы» переходит все более на показательный уровень: не обладая достаточными ресурсами и мощью, США сосредотачиваются на «театральном милитаризме», выражающемся в показном нападении на «мелких игроков» – Ирак, Иран, Северную Корею, Кубу – и в неоправданном накоплении и разработке новых видов вооружения с целью устрашения [6]. Пошатнувшееся положение США можно объяснить многими факторами, в том числе и нежеланием таких держав, как Франция, Великобритания, Германия, Китай и Япония, мириться с доминирующими позициями Америки, с прямой зависимостью национальных экономик, валютной и финансовой систем от курса доллара США, с американизацией их культуры и образа жизни. Стремительно растет не только экономика, но и политические амбиции стран БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР), совокупный экономический потенциал которых к 2050 году, по прогнозам Goldman Sachs Group, опередит потенциал «Большой семерки» [14]. К тому же, как считает С. Хантингтон, «однополюсная система предполагает наличие одной сверхдержавы, отсутствие крупных держав, множество мелких стран» [15]. Мы же имеем дело с достаточно солидными и крупными державами, способными составить серьезный противовес американскому доминированию.

В результате среди исследователей начались дискуссии о структуре однополярного мира, которые свелись к двум основным моментам – иерархичная природа однополярности (многополярность в рамках однополярности или чистая однополярность?) и природа главенствующей роли США (гегемон или лидер?). Но все отмечали в качестве безоговорочного достоинства данной модели такое важное свойство, как обеспечение стабильности международной системы.

В то же время однополярная модель международного порядка рассматривалась далеко не всеми исследователями. Главным аргументом оппонентов этой модели стало само понятие «полюс». Как отмечает исследователь Э.Я. Баталов, используя категорию «полюс» при анализе структуры международного порядка, следует помнить, что важной характеристикой «полюсности» является ее контрарность, т. е. полюсов должно быть как минимум два, иначе

теряется смысл всей полярной концепции [1]. Таким образом, ученый приходит к выводу, что в рамках одной системы могут существовать только два равных по потенциалу, но одновременно противоположных по значению полюса, а из этого следует, что международные системы могут быть только двух типов: либо «полюсными», либо «бесполюсными».

Первый спад интереса к однополярной модели международного порядка пришелся на середину 1990-х годов. В это время начались активные дискуссии о многополярной модели мира. Хотя о многополярности рассуждали и раньше, еще до конца холодной войны, когда о крушении СССР было еще неизвестно, но на волне «перестройки» было очевидно, что грядут фундаментальные мирополитические трансформации. Многим тогда казалось, что грядет именно многополярный международный порядок.

На неактуальность и отход униполярной модели мира указал в свое время автор идеи США как «мирового шерифа» Р. Хаас. Среди факторов, поспособствовавших развалу «американского мира», Хаас назвал: неадекватную и волонтаристскую внешнюю политику США; заметное увеличение значимости энергопроизводящих стран на мировой арене; удар по экономическому благосостоянию страны в связи с войнами в Ираке и Афганистане; стремительную транснационализацию международных отношений с углублением влияния негосударственных акторов [16].

2. *Многополярная модель международного порядка* предполагает наличие сразу нескольких влиятельных центров в рамках единой общемировой системы. По многим прогнозам мироустройство, характеризующееся возвышением новых «полюсов», вскоре видоизменится и предстанет в качестве коллективной системы управления, основанной на международном праве и равной безопасности для всех государств. Таким образом, многополюсная модель международного порядка подразумевает структуру мира, для которой характерно наличие нескольких полюсов-центров, сопоставимых между собой по соответствующим потенциалам. Ярким историческим примером такого порядка был «европейский концерт наций» XIX века.

Важно отметить, что концепция многополярности начала разрабатываться также амери-

канскими теоретиками еще в конце XX века, когда стало очевидно, что биполярная система доживает последние дни. Многим в мире и в США казалось, что наступает вовсе не однополярный, а многополярный международный порядок, причем не только в глобальном, но и в региональном — прежде всего европейском — масштабе. Об этом, например, писал в 1990 году западный исследователь Дж. Меаршаймер: «Уход сверхдержав из ЦЕ превратит Европу из двухполюсной в многополюсную систему. Германия, Франция, Великобритания и, возможно, Италия обретут статус крупных держав; СССР перестанет быть супердержавой, но останется крупной европейской державой, что приведет в итоге к появлению системы, включающей пять крупных держав и ряд более мелких держав. Возникшая система будет испытывать проблемы, типичные для многополюсных систем, и потому будет более предрасположена к нестабильности» [17]. Тем не менее, как уже отмечалось выше, в 1990-е годы более популярной стала концепция однополярности, что, возможно, было вызвано определенными опасениями перед нестабильностью многополюсной системы. Разработкой концепции многополярности занимались многие американские ученые и публицисты: С. Браун, М. Сингер, Д. Сноу, Ч. Кегли, Ч. Капчан и др. В то же время следует обратить внимание на одну специфическую черту всех американских теоретических разработок — соответствие с национальными интересами США.

Многополюсный подход к международному порядку нашел отражение в нормативных актах двух ведущих государств — России и Китая. Так, например, в Концепции внешней политики РФ (2000) говорится: «Миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений» [18]. В России идею многополюсного мирового порядка впервые во внешнеполитическую практику ввел Е.М. Примаков. Нынешнее руководство МИД РФ продолжает курс, заданный им в середине 1990-х годов. Так, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отмечал: «Мир уже не тот, что был несколько лет назад. Стало ясно главное: однополярный мир не состоялся, да и не мог состояться в силу того, что в условиях глобализации ни у кого не

хватит военно-политических, финансово-экономических и иных ресурсов для имперского строительства. Объективной основой широкого международного сотрудничества является противодействие вызовам и угрозам современности, с которыми можно справиться только коллективными усилиями» [19]. Официально такой же позиции придерживаются Франция, Германия, Бразилия, Индия и др. Показательна в этой связи и оценка бывшего французского президента Ж. Ширака: «Чтобы лучше организовать международную систему в XXI веке, нужно прежде всего двигаться в направлении многополюсного мира» [20, с. 804].

Особый интерес представляет теория Дж. Ная-мл. о мировом порядке, структуру которой он разбивает на три уровня. На первом уровне находится жесткое военное превосходство, в котором США недостижимо первенствуют. На втором уровне речь идет об экономической власти и влиянии. Здесь во многих областях ЕС оказывается ведущим, превосходя сверхдержаву в сфере телекоммуникаций, охраны окружающей среды и многих других областях. Кроме того, нельзя забывать и о других игроках. На третьем уровне Най размещает многообразные негосударственные факторы и акторов, влияющих на наш мир: потоки валюты, миграцию, международные агентства, культурный обмен, транснациональные корпорации, неправительственные организации, электронные СМИ, Интернет, а также терроризм [21, с. 6]. Данная теория представляет собой фактически попытку синтезировать классический «полюсный» подход к определению мирового порядка с новыми неклассическими теориями.

И все же если говорить о мировом порядке XXI века, то следует использовать несколько другие подходы. Прежде всего, по мнению части исследователей, «полярная» концепция в целом является не совсем корректной и актуальной по отношению к новому этапу эволюции мирового порядка в условиях глобализации и информатизации. В современном глобализирующемся мире постепенно уходят в прошлое традиционные представления о конфигурации международного порядка как о соотношении нескольких «полюсов». Данный подход не соответствует структуре мировой системы, элементами которой выступают не только национальные государства или их сою-

зы, но и многообразные негосударственные акторы. В этих условиях необходимо разрабатывать новые концепции мирового порядка XXI века с учетом новых факторов и тенденций мирового развития и международной жизни. Как пишет российский политолог Э.Я. Баталов, «время классических миросистемных структур приближается к концу, и наступает

эпоха неклассических <...> миросистем и миропорядков, не укладывающихся в привычные <...> схемы XIX и XX веков. Сегодня эти системы и порядки могут быть описаны лишь как вероятностные, ибо определяющие их тенденции проявились к настоящему времени с разной – зачастую невысокой – степенью отчетливости» [22, с. 27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баталов, Э.Я.** Мировое развитие и мировой порядок [Текст] / Э.Я. Баталов. – М.: РОССПЭН, 2005.
2. **Kegley, Ch.Jr.** A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century [Text] / Ch.Jr. Kegley, G. Raymond. – N. Y., 1994.
3. **Krauthammer, C.** The Unipolar Moment [Text] / C. Krauthammer // Foreign Affairs. – Winter 1990/1991.
4. **Бжезинский, З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Текст] = The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives / З. Бжезинский. – N. Y.: Basic books. – October 1997 / пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Междунар. отношения, 1998.
5. **Страус, А.Л.** Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России [Текст] / А.Л. Страус // Полис. – 1997. – № 2.
6. **Тодд, Э.** После империи. Pax Americana – начало конца. (Apres l'empire: Essai sur la decomposition du systeme americain, 2002) [Текст] / Э. Тодд; пер. с фр. Е.Н. Корендясова. – М.: Междунар. отношения, 2004.
7. **Бжезинский, З.** Выбор: мировое господство или глобальное лидерство [Текст] = The choice: global domination or global leadership / З. Бжезинский; пер. с англ. Е.А. Нарочницкой, Ю.Н. Кобякова. – М.: Междунар. отношения, 2004.
8. **Vedrine, H.** Le monde au tournant du siecle [Text] / H. Vedrine // Politique etrangere. – 1999. – № 4.
9. **Biarnes, P.** Le XXI siecle ne sera pas americain [Text] / P. Biarnes. – P.: Editions du Rocher, 1998.
10. **Най-мл., Дж.** «Мягкая» сила и американо-европейские отношения [Текст] / Дж. Най-мл. // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10.
11. **Шаклеина, Т.** «Порядок после Грузии» или «порядок при Обаме»? [Текст] / Т. Шаклеина // Междунар. процессы. – Сентябрь-декабрь 2008. – Т. 6. – № 3.
12. **Hassner, P.** Continuities and Change after September 11th [Text] / P. Hassner // Contours of a «New World Order»? – Bergedorf round table.
13. **Reynolds, D.** From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War [Text] / D. Reynolds. – Chicago: Ivan R. Dee, 2001.
14. **Миловзоров, А.** «Большой семерке» устроят «Большой Брик» [Электронный ресурс] / А. Миловзоров. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2005/04/19/430220.shtml>.
15. **Хантингтон, С.** Столкновение цивилизаций? [Текст] / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1.
16. **Haas, R.** The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance [Text] / R. Haas // Foreign Affairs. – May / June 2008.
17. **Mearsheimer, J.J.** Correspondence: Back to the Future [Text]. Pt. II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe / J.J. Mearsheimer // International Security. – Vol. 15. – Nr 2 (Fall 1990). – P. 194–199.
18. **Концепция внешней политики РФ от 28 июня 2000 г.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/785>.
19. **Лавров, С.В.** Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы [Текст] / С.В. Лавров // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 2.
20. **Chirac, J.** La France dans un monde multipolaire [Text] / J. Chirac // Politique etrangere. – 1999. – Nr 4.
21. **Най-мл., Дж.** Какой новый мировой порядок? [Текст] / Дж. Най-мл. // США. – 1992. – № 11.
22. **Баталов, Э.Я.** «Новый мировой порядок»: к методологии анализа [Текст] / Э.Я. Баталов // Полис. – 2003. – № 5.

REFERENCES

1. **Batalov E.Ia.** Mirovoe razvitiie i mirovoi poriadok. Moscow, ROSSPEN, 2005. (rus.)
2. **Kegley Ch.Jr., Raymond G.** A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. N. Y., 1994.
3. **Krauthammer C.** The Unipolar Moment. *Foreign Affairs, Winter 1990/1991.*
4. **Bzhezinskii Z.** The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. N. Y., Basic books, October 1997.

5. **Straus A.L.** Unipoliarnost'. Kotsentricheskaia struktura novogo mirovogo poriadka i pozitsiia Rossii. *Polis*, 1997, nr 2. (rus.)
6. **Todd E.** Posle imperii. Pax Americana – nachalo kotsa. (Apres l'empire: Essaisur la decomposition du systeme americain, 2002). M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. (rus.)
7. **Bzhezinskii Z.** The choice: global domination or global leadership. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004. (rus.)
8. **Vedrine H.** Le monde au tournant du siecle. *Politique etrangere*, 1999, nr 4.
9. **Biarnes P.** Le XXI siecle ne sera pas americain. Paris, Editions du Rocher, 1998.
10. **Nai-ml. Dzh.** "Miagkaia" sila i amerikano-evropeiskie otnosheniia. *Svobodnaia mysl'* – XXI, 2004, nr 10. (rus.)
11. **Shakleina T.** "Poriadok posle Gruzii" ili "poriadok pri Obame"? *Mezhdunarodnye protsessy*, Sentiabr'-dekabr' 2008, t. 6, nr 3. (rus.)
12. **Hassner P.** Continuities and Change after September 11th. *Contours of a "New World Order"?* Bergedorf round table.
13. **Reynolds D.** From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War. Chicago, Ivan R. Dee, 2001.
14. **Milovzorov A.** "Bol'shoi Semecke" ustroiats "Bol'shoi Brik". Access mode: <http://www.utro.ru/articles/2005/04/19/430220.shtml>. (rus.)
15. **Khantington S.** Stolknovenie tsivilizatsii? *Polis*, 1994, nr 1. (rus.)
16. **Haas R.** The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. *Foreign Affairs*, May / June 2008.
17. **Mearsheimer J.J.** Correspondence: Back to the Future. Pt. II: International Relations Theory and Post-Cold War Europe. *International Security*, vol. 15, nr 2 (Fall 1990). Pp. 194–199.
18. Kontseptsiiia vneshnei politiki RF ot 28 iunია 2000 g. Access mode: <http://kremlin.ru/acts/785>. (rus.)
19. **Lavrov S.V.** Nastoiashchee i budushchee global'noi politiki: vzgliad iz Moskvyy. *Rossiiia v global'noi politike*, 2007, nr 2. (rus.)
20. **Chirac J.** La France dansun monde multipolaire. *Politique etrangere*, 1999, nr 4.
21. **Nai-ml. Dzh.** Kakoi novyi mirovoi poriadok? USA, 1992, nr 11. (rus.)
22. **Batalov E.Ia.** "Novyi mirovoi poriadok": k metodologii analiza. *Polis*, 2003, nr 5. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

АКОПОВ Артак Каренович — аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
art@akbt.ru

АКОПОВ Artak K. — *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
art@akbt.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 316.776:913

А.С. Матвеевская, С.Н. Погодин

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В КОНЦЕПЦИИ ДЕЛОВОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА «БАЛТИКА» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Anna S. Matveevskaya, Sergei N. Pogodin

**INTERNATIONAL COMMUNICATION
IN BUSINESS, CULTURAL AND EDUCATIONAL CONCEPTION
OF "BALTICA" COMPLEX IN SAINT-PETERSBURG**

Аннотация

Рассматриваются современные тенденции развития международного сотрудничества стран Балтийского моря. Выделены и охарактеризованы направления конгрессной деятельности, дана оценка места, занимаемого в ней Россией и Санкт-Петербургом. Определена эффективность проекта межкультурного делового комплекса в Санкт-Петербурге для Балтийского региона.

Ключевые слова

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН, МЕЖКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС.

Abstract

Modern tendencies in Baltic countries international collaboration development are viewed. The congress activity directions and the assessment of the position occupied by Russian Federation and Saint-Petersburg are distinguished and characterized. The project of intercultural business complex in Saint-Petersburg is proposed and its efficiency assessment for the Baltic region is given.

Keywords

BALTIC REGION, INTERCULTURAL COLLABORATION, CONGRESS-EXHIBITION ACTIVITY, CULTURAL-EDUCATIONAL COMPLEX.

Интеграционные процессы на современном этапе являются основополагающим фактором экономического и социального развития в Европе. Новые формы сотрудничества России и Европы обусловлены потребностью в разработке системного подхода к развитию Балтийского региона как интеграционного поля взаимодействия. Страны Балтии, являясь заложниками исторического, политического прецедента, остро нуждаются в развитии новых направлений в сфере культурной коммуникации. Современные тенденции и перспективы направлений развития Северо-Запада Российской Федерации в международном сотрудничестве Балтийского региона – приоритетная область исследований.

Балтийский регион как территория не имеет устоявшихся географических границ. В узком смысле сюда включают территории приграничной кооперации, а именно Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Калининградскую область, административные единицы Финляндии, Швеции, Дании, Германии, имеющие выход к Балтийскому морю, а также страны Прибалтики и северные воеводства Польши.

Международной программой VASAB-2010 в целях территориального планирования Балтийский регион несколько расширен. Сюда отнесены Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Белоруссия, федеральные земли Германии –

Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург – Передняя Померания, Бранденбург, города Берлин и Гамбург, а из субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская и Новгородская области, Республика Карелия, Мурманская и Калининградская области [1].

Определенный интерес к России, а также кооперация государств Балтийского региона проявляются с начала 1990-х годов. С этого времени в данном регионе создан ряд межгосударственных и межправительственных организаций и программ в различных областях. Активным становится трансграничное сотрудничество регионов соседних стран. В Российской Федерации такие субъекты, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская и Калининградская области, наиболее тесно связаны с Балтикой [Там же].

В марте 1992 года была основана одна из важнейших организаций – Совет государств Балтийского моря (СГБМ). В нем на уровне министров иностранных дел представлены все девять государств, имеющих выход к Балтийскому морю, а также Норвегия и Исландия. Помимо этого, в работе Совета участвует Комиссия ЕС, а в 1999 году статус наблюдателей на министерских сессиях был предоставлен Великобритании, Италии, США, Франции и Украине. СГБМ ежегодно проводит сессию на уровне министров иностранных дел, которая созывается в государстве, являющемся на данный момент председателем Совета. С 1 июля 2012 года на период 2012–2013 годов председательство в СГБМ принадлежит России.

Важным инструментом политической стабилизации в регионе и его экономического развития является кооперация между странами Балтийского региона. Продолжается работа в сфере модернизации и инноваций, развития государственно-частного партнерства в регионе, где упор сделан на сотрудничестве в сфере энергетики, молодежной политики, а также борьбы с распространением радикализма и экстремизма [Там же].

Под эгидой СГБМ функционирует около 60 различных структур, в том числе Комиссия по охране морской среды Балтийского моря (ХЕЛКОМ), Союз балтийских городов, Форум Балтийского моря, Конференция по субрегиональной кооперации Балтийских государств и др. (см. табл. 1).

Как видно из перечня, программы сотрудничества в Балтийском регионе многообразны. Участие в них помогает развитию практической кооперации, налаживанию контактов, рекламе тех или иных регионов и привлечению инвестиций. Активным участником практически всех перечисленных организаций является Россия.

Балтийские порты Российской Федерации традиционно считаются «окном» в Европу. Сегодня у России имеются два таких «окна» – Санкт-Петербург с окрестностями и Калининградская область. Для нашей страны важно не только иметь на Балтике собственные порты для экспортно-импортных операций, но и реализовать возможности вхождения в единую транспортную и энергетическую инфраструктуру для создания зон приграничного сотрудничества и хозяйственных комплексов, включающих территории соседних (в том числе по морю) государств. Перспективы осуществления совместных исследовательских, образовательных и культурных проектов представляются оптимистичными.

Соседи России по Балтике проявляют большой интерес к осуществлению тесных интеграционных связей в Балтийском регионе, поскольку без участия нашей страны сотрудничество в регионе было бы неэффективным. Перспективы развития данного региона во многом обусловлены укреплением связей между расположенными здесь государствами, их кооперации по совместному решению проблем, представляющих взаимный интерес. Таких проблем – экономических, экологических, демографических, политических – достаточно много [2].

Потенциал развития отношений российских регионов с государствами Балтики определяется целым рядом факторов. Среди них можно выделить следующие:

- Наличие исторически сложившихся связей, которые повышают плотность культурно-гуманитарных и экономических контактов, сложившихся в более ранние периоды.
- Российские регионы все больше осознают свои специфические интересы в области внешних связей и трансграничных экономических контактов.
- Приграничные регионы имеют и реализуют потенциал для участия в решении внешнеполитических задач федерального значения.

Т а б л и ц а 1

Основные организации международного уровня, действующие в регионе Балтийского моря

Сфера деятельности	Название организации	Год создания	Примечание
Охрана окружающей среды	Международная комиссия по рыбным запасам Балтийского моря	1973	Первая международная организация в регионе Балтийского моря
	Хельсинкская комиссия (ХЕЛКОМ)	1974	Для защиты Балтийского моря от загрязнения
	Балтийская морская конференция Роннебю (Ronneby)	1990	Для подготовки совместных программ по восстановлению экологического баланса Балтийского моря
Экономика	Северный европейский клуб	1990	Для развития внутрирегионального сотрудничества в области экономики и инфраструктуры
	Экономический форум «Mare Balticum»	1991	Для развития партнерских отношений и содействия становлению рыночной экономики в постсоциалистических странах
	Форум Балтийского моря	1991	В целях содействия кооперации компаний в области промышленного развития
	Форум «PRO Baltica»	1993	Для содействия деловому сотрудничеству Балтийских стран в их интеграции в Европу
Транспорт	Организация Балтийских портов (ВПО)	1991	Для содействия быстрому и рациональному развитию морского транспорта
	Конференция министров транспорта Балтийского моря	1992	Для координации развития транспортной инфраструктуры региона
Энергетика	Конференция по энергетике	1991	Для улучшения кооперации с государствами – членами ИЕА
Наука и образование	Конференция ректоров Балтийских университетов	1990	В целях содействия кооперации между университетами
	Программа «COPERNICUS»		Для содействия кооперации между вузами
	Программа «Балтийский университет»		Для проведения телевизионных образовательных курсов
	Северная кооперация в области взрослого и основного образования	1991	Программа обмена учителями и студентами
Социальная сфера	Конференция по неконтролируемой миграции в регионе Балтийского моря		Для усиления контроля за нелегальной миграцией
	Балтийская конференция по борьбе с международной преступностью		
Культура	ARS Balticum	1990	Для обмена в области культуры и искусства
	Конференция министров культуры Балтийских стран	1993	Для содействия в культурных обменах
	Балтийский центр культуры		
	Балтийская книжная ярмарка		
	Ассоциация замков и музеев в регионе Балтийского моря	1991	Для создания сети музеев-крепостей Балтийского региона
Туризм, спорт, СМИ	Балтийская кооперация по туризму (ВТС)	1984	
	Игры Балтийского моря		
	Общественные радиостанции в регионе Балтийского моря	1992	Для усиления кооперации между радиостанциями
Прочие организации	Конференция по субрегиональной кооперации Балтийских государств	1993	В целях содействия кооперации между балтийскими субрегионами
	Союз балтийских городов (УБС)	1991	Для руководства кооперацией между городами

Поддержка соотечественников в странах Балтийского региона является перспективным направлением российской внешней политики на современном этапе. Например, Новгородская область принимает участие в организации образовательных программ для русскоязычных жителей Эстонии, а также содействует в организации оздоровительного отдыха ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в странах Балтии. Традиционно Псковская область играет роль образовательного центра педагогических кадров для русскоязычных учебных заведений государств региона.

- Современная тенденция активизации бизнеса в российских приграничных регионах. Осуществляются инвестиционные проекты в строительстве, пищевой, лесобработывающей, транспортно-транзитной и других отраслях.

- Привлекательность стран Балтийского региона определяется их развитой транспортной и финансовой инфраструктурой, политической, экономической и правовой стабильностью.

- Успешно развивается сотрудничество в области туризма. Растет как число российских туристов в странах Балтийского региона, так и количество приезжающих из этих стран в Россию. Это, в свою очередь, дает толчок к развитию туристской и транспортной инфраструктуры [3].

В современных условиях важным инструментом мобилизации потенциала при обсуждении вопроса, связанного с развитием страны, региона, социально-экономической, научной и культурной сфер, становится конгрессная деятельность, признанная одним из самых эффективных механизмов делового информационного взаимодействия и являющаяся перспективной и динамично развивающейся отраслью экономики. Конгрессная деятельность, связанная с большинством отраслей экономики, имеющая собственную инфраструктуру, материально-техническую базу, — это эффективный инструмент стимулирования деятельности ассоциаций, предприятий, научных организаций различных отраслей экономики и органов государственной власти. Именно активная конгрессная деятельность во всем мире во многом способствует развитию инфраструктуры городов, приумножению доходов городских бюджетов, повышению имиджа регионов в качестве международных культурных и деловых центров.

В настоящий момент в России происходит становление конгрессного рынка как самостоятельной, специализированной и перспективной отрасли, необходимость которой начинает осознаваться участниками рынка и органами государственной власти, заинтересованными в социально-экономическом развитии как отдельных регионов, так и страны в целом. Помощь в развитии конгрессной деятельности, укреплении позиций России на международном рынке могут оказать конгрессные бюро. Такие бюро должны быть универсальной маркетинговой структурой по позиционированию на мировом конгрессном рынке России в целом, а также Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Бизнес-коммуникации в современной экономике становятся одним из приоритетных направлений развития, мощным и эффективным средством ведения бизнеса. Стоимость бизнеса все в большей степени определяется стратегией использования главных информационных ресурсов и организацией информационного обмена между его участниками. Основная цель деятельности конгрессного бюро — привлечение в город/регион как можно большего количества крупных международных встреч. Конгрессы, съезды и конференции, организуемые международными ассоциациями, дают наибольший экономический эффект для города, поэтому такие мероприятия считаются приоритетными и им уделяется большое внимание.

Для России индустрия международных встреч — новейшее явление, потенциал которого огромен. Конгрессные мероприятия представляют собой:

- источник поступления значительных финансовых средств в бюджет города, страны;
- важнейший инструмент инновационного развития экономики и реализации приоритетных городских программ;
- механизм развития инфраструктуры и повышения инвестиционной привлекательности города [4].

Согласно данным Международной ассоциации конгрессов и конференций (International Congress and Convention Association — ICCA), доля России на мировом рынке международных конгрессных мероприятий за последние 10 лет снизилась почти в 2 раза и сегодня составляет менее 1%. По данным этой Ассоциации за

2011 год, Россия занимает лишь 40-е место среди стран мира по количеству проведенных в стране международных конгрессных мероприятий (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Количество крупных международных конгрессов, учитываемых ИССА, проведенных в 2011 году в разных странах мира [5]

Номер п/п	Страна	Количество конгрессов
1	США	759
2	Германия	577
3	Испания	463
4	Великобритания	434
5	Франция	428
6	Италия	363
7	Бразилия	304
8	Китай	302
9	Голландия	291
10	Австрия	267
...
40	Россия	69

Российский рынок конгрессного туризма сегодня является развивающимся, ненасыщенным рынком, где конкуренция пока еще недостаточно велика в связи с малым количеством его участников – компаний, предлагающих услуги по организации совещаний и конференций международного уровня. Очевидно, что для проведения подобных мероприятий необходима соответствующая инфраструктура: современные конгресс-центры, бизнес-отели, выставочные площади, полная линейка высокотехнологичных логистических услуг. В России конгрессные бюро уже созданы в Москве, Екатеринбурге и Сочи. В ближайшее время конгрессное бюро в формате частно-государственного партнерства будет создано в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург – крупнейший деловой центр Северо-Западного региона Российской Федерации. Огромное значение имеют выгодное геополитическое положение города, растущий социально-экономический потенциал региона, богатые исторические и культурные традиции. Являясь вторым по значению городом России, динамично развивающимся мега-

полисом и крупным деловым центром страны, обладая необходимыми ресурсами и технологиями и постоянно расширяя инфраструктурную базу, Санкт-Петербург предлагает широкие возможности для организации конференций, выставок и других масштабных мероприятий.

Вместе с тем, несмотря на то, что эта сфера деятельности представляет собой динамично развивающийся сектор экономики города, использование потенциала этого сегмента не соответствует современным требованиям как с точки зрения решения социально-экономических задач развития города, так и с позиций развития самой выставочно-конгрессной отрасли. Данные ИССА за 2011 год показывают, что по количеству проведенных международных конгрессов Санкт-Петербург занимает лишь 41-е место среди городов мира (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Количество крупных международных конгрессов, учитываемых ИССА, проведенных в 2011 году в разных городах мира [5]

Номер п/п	Город	Количество конгрессов
1	Вена	181
2	Париж	174
3	Барселона	150
4	Берлин	147
5	Сингапур	142
6	Мадрид	130
7	Лондон	115
8	Амстердам	114
9	Стамбул	113
10	Пекин	111
...
40	Москва	27
41	Санкт-Петербург	26

Во II квартале 2014 года в Санкт-Петербурге планируется открыть деловой и культурно-образовательный комплекс международного уровня «Балтика», рассчитанный на проведение европейских и всемирных деловых мероприятий практически любого масштаба. Проект будет реализован в Пушкинском районе Санкт-Петербурга на территории площадью 56,21 га, ограниченной Пулковским и Петербургским шоссе, рекой Пулковкой и зо-

ной жилого массива. Такой комплекс необходим для оптимизации процесса интеграции в сфере бизнес-коммуникаций между странами Балтийского региона.

Основная идея проекта заключается в концентрации на одной территории всей необходимой инфраструктуры для проведения крупных выставочных и конгрессных мероприятий в соответствии с международными стандартами. Предусматривается строительство открытых и закрытых выставочных площадей, конгресс-центра, бизнес-центра и объектов сопутствующей инфраструктуры, таких как склады, таможенный терминал, кафе, рестораны и др.

Миссией данного проекта может стать формирование международного престижа России в сфере межкультурных и деловых коммуникаций в Балтийском регионе, а также повышение имиджа Санкт-Петербурга как культурного центра.

Создание комплекса «Балтика» будет способствовать продвижению Санкт-Петербурга на мировой рынок, развитию международного и внутреннего российского туризма, привлечению молодежи к деятельности по организации межкультурной коммуникации, в том числе через развитие связей в сфере просвещения и образования.

Работа комплекса должна базироваться на принципах: бизнес-активности, конкурентности, инновационности, логичности, целостности и модульности деятельности, дополнительной функциональности, пространственной конкретности, гуманизации и международной интеграции.

Функциональные задачи комплекса «Балтика»:

- разработка основных направлений межкультурной коммуникации, а именно контакты в сфере исторического наследия и культурных традиций народов России и других стран Балтийского региона, толерантное восприятие социальных, конфессиональных и культурных различий, навыки общения в многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной среде;

- выявление и развитие ресурсного потенциала Балтийского региона, его физико-географических, исторических, политических, социально-экономических, демографических, этнических, культурных, религиозных и иных особенностей;

- изучение основ комплексной характеристики Балтийского региона, а именно истории

стран от древности до наших дней, анализ основных тенденций и закономерностей исторического развития данного региона в контексте всемирного исторического процесса;

- знакомство с внешней политикой стран Балтийского региона, основными органами и механизмами выработки их внешней политики, тенденциями и закономерностями эволюции внешнеполитического курса этих государств;

- изучение социальных и культурных традиций, особенностей политической культуры и менталитета, основных религиозных и религиозно-этических учений народов стран Балтийского региона;

- разработка и внедрение в деятельность комплекса инновационных программ, созданных на основе новых туристских технологий;

- осуществление мероприятий по совершенствованию качества инновационных международных образовательных программ;

- проведение экскурсий различной тематической направленности;

- организация деловых, бизнес-семинаров, конференций, форумов по проблемам современного состояния и перспективам развития международного сотрудничества государств Балтийского региона.

Конкурентные преимущества проекта:

- инновационный характер деятельности;
- широкий спектр услуг по организации международной деятельности в сферах культурной и деловой активности;

- реализация как долгосрочных, так и одноразовых программ;

- возможность привлечения внимания к своей деятельности административных структур Санкт-Петербурга, областей и республик в составе Северо-Западного региона, заинтересованных в организации выставочно-конгрессной деятельности в своих регионах;

- привлечение в Санкт-Петербург российских и иностранных граждан, развитие у них положительного отношения к городу и его жителям с целью формирования интереса к данному региону.

Предлагаемая структура международного делового и культурно-образовательного комплекса «Балтика»:

1. **Музей Балтийского моря.** В музее можно будет ознакомиться с государствами Балтийского региона, узнать особенности их истории,

культуры, понять взаимосвязь с историей и культурой других стран, приобщиться к исследованию данного региона в разных формах.

Разделы экспозиции музея:

- *Природа* – особенности физико-географического положения региона, его природные ресурсы, животный и растительный мир.

- *Экология* – экологическое состояние Балтийского моря и его бассейна на межрегиональном уровне; направления совместной работы, нацеленные на поддержку внедрения экосистемного подхода к управлению хозяйственной деятельностью.

- *История* – роль Балтийского моря в торговле и мореплавании в древности, крупнейшие центры раннесредневековой балтийской торговли, значение Балтики как главной водной артерии, основные тенденции и закономерности исторического развития данного региона.

- *Этносы* – социально-культурные традиции, особенности политической культуры и менталитета, основные религиозные учения народов стран Балтийского региона.

- *Экономика* – особенности экономического и внешнеполитического развития региона.

- *Культура* – традиции народов Балтики, фольклор, музыка, литература, театр, международные фестивали.

- *Страны* – общая характеристика государств, имеющих выход к Балтийскому морю; их особенности, общее и различия.

- *Города* – история возникновения, архитектура, промышленность, туристский потенциал.

2. **Аквариум** с представителями ихтиофауны Балтийского моря – для проведения занятий и экскурсий, знакомства с разнообразием подводного мира Балтики. **Аквипарк.**

3. **Международный деловой центр** стран Балтийского региона, **конгрессно-выставочный комплекс** – для проведения бизнес-встреч на высшем уровне, международных научно-практических конференций, симпозиумов, семинаров.

4. **Представительство секретариата Комиссии по охране морской среды Балтийского моря (ХЕЛКОМ).** Постоянное представительство этой международной комиссии позволит реализовать широкий комплекс мероприятий локального уровня для привлечения внимания к проблеме экологии Балтийского моря. Празднование Дня Балтийского моря – важная акция, проводимая с целью привлечения вни-

мания к вопросам охраны окружающей среды в Балтийском регионе. Международный экологический форум «День Балтийского моря» в Санкт-Петербурге – один из механизмов активизации международного сотрудничества стран Балтийского региона.

5. **Международный образовательный центр** – для изучения культуры стран Балтийского региона, в том числе языков, реализации международных образовательных программ, проведения встреч представителей ассоциаций школ, лицеев, колледжей, университетов стран Балтийского региона, а также международных школьных и студенческих олимпиад, семинаров, конференций, организации практик и поездок «по обмену».

6. **Центр спортивных контактов Балтийских стран.** Спортивный комплекс.

7. **Культурный центр стран Балтийского региона «Венок Балтики»:** представительства всех стран региона, театральный, киноконцертный комплекс, художественная галерея, представительства музеев городов региона, союза представителей туристической промышленности стран региона, комиссии молодежного туризма, союза городов-побратимов Санкт-Петербурга в странах региона (Турку, Хельсинки, Лаппеэнранта, Котка, Миккели, Варшава, Гданьск, Краков, Стокгольм, Гетеборг, Рига, Даугавпилс, Каунас, Таллинн, Тарту, Дрезден, Гамбург, Орхус), комитетов по организации дней городов-побратимов, недельных фестивалей, посвященных культуре страны – представительницы региона (Неделя Германии, Неделя Дании и т. д.), клуба представителей организации по реставрации событий военной истории и др.

8. **Представительства транспортных компаний,** обеспечивающих транспортные связи стран Балтийского региона (авиационных, паромных, железнодорожных, автомобильных).

9. **Магазин,** торгующий товарами, произведенными в странах Балтийского региона.

Создание международного делового и культурно-образовательного комплекса «Балтика» в Санкт-Петербурге будет способствовать расширению спектра возможностей приема туристов, как отечественных, так и иностранных. Как известно, значительную долю гостей нашего города составляют учащиеся школ и вузов. Таким образом, работа комплекса позволит интенсифицировать образовательный туризм в Санкт-Петербурге. Комплекс предоставит уча-

шимся возможность изучить природные условия, историко-культурный ресурсный потенциал, экономическое и социальное развитие, а также выявить политические, экономические, экологические, социальные проблемы и пути их эффективного решения в регионе туристского посещения. Приобретая опыт проведения исследований сравнительного характера, учащиеся из иных регионов получают возможность более четко определять специфику региона проживания. Деятельность комплекса позволит разрабатывать и реализовывать ин-

новационные образовательные программы, осуществлять мероприятия по повышению качества услуг в сфере образовательного туризма, а также отправлять учащихся и педагогов в поездки с образовательными целями за рубеж, принимать индивидуальных посетителей и группы туристов, организовывать студенческие и профессионально ориентированные семинары, конференции, форумы, устанавливать контакты с учреждениями образования различного профиля, нацеленные на развитие академической мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Балтийский** регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза [Текст] / под ред. В.П. Гутника, А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — 392 с.
2. **Федоров, Г.М.** Балтийский регион: социально-экономическая география Балтийского региона [Текст] / Г.М. Федоров, В.С. Корневцев. — Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1999. — 208 с.

3. **Региональное** измерение российско-балтийских отношений [Текст] / под ред. Л.А. Карабешкина. — СПб., 2004. — 208 с.
4. **Погодина, В.Л.** Традиции и инновации в образовательном туризме [Текст] / В.Л. Погодина // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2009. — № 112.
5. **Statistics Report 2011** [Electronic resource] / International Association Meetings Market. International Congress and Convention Association 2011. — Access mode: <http://www.iccaworld.com>.

REFERENCES

1. The Baltic region as a pole of economic integration in the North-West of the Russian Federation and the European Union. Ed. V.P. Gutnick, A.P. Klemesheva. Kaliningrad, Publishing House of the RSU of Immanuel Kant, 2006. 392 p.
2. **Fedorov G.M., Kornevets V.S.** The Baltic Sea Region: Socio-economic geography of the Baltic Sea Region. Kaliningrad, Publ. Kaliningr. Univ., 1999. 208 p.

3. The Regional Dimension of the Russian-Baltic Relations. Ed. L.A. Karabeshkin. St. Petersburg, 2004. 208 p.
4. **Pogodina V.L.** Tradition and innovation in educational tourism. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen*, 2009, nr 112.
5. Statistics Report 2011. International Association Meetings Market. International Congress and Convention Association 2011. Access mode: <http://www.iccaworld.com>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна — старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; кандидат географических наук.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
Annamatveevskaya@mail.ru

MATVEEVSKAYA Anna S. — St. Petersburg State University.

Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia
Annamatveevskaya@mail.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич — заведующий кафедрой международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор исторических наук, профессор.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
Pogodin56@mail.ru

POGODIN Sergei N. — St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
Pogodin56@mail.ru

УДК 369.041

А.В. Сергачев

СОКРАЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РАСХОДОВ В ФИНЛЯНДИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА XXI ВЕКА

Arvid V. Sergachev

SOCIAL SPENDING CUTS IN FINLAND IN THE CONTEXT OF SOCIAL WELFARE STATE OF THE XXI CENTURY

Аннотация

В статье анализируется динамика сокращения бюджетного финансирования социальной сферы в Финляндии на рубеже XX–XXI веков. Анализ проводится по параметрам изменений в системах налогообложения, финансирования муниципалитетов, а также по результатам реализации программ сокращения социальных расходов, предложенных Финляндии международными экономическими организациями.

Ключевые слова

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ, СОКРАЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ, БЮДЖЕТНАЯ ЭКОНОМИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ФИНЛЯНДИЯ.

Abstract

In the article is analyzed the trend to social sphere budget cuts, emerged in the domestic policy of Finland at the turn of XX–XXIst centuries. The analysis is based on the changes in the taxation system, in the system of financing municipalities and on the realization of the programs for social expenditures retrenchment, proposed to Finland by international economic organizations.

Keywords

SOCIAL PROVISION SYSTEM, SOCIAL PROGRAMS CUTS, BUDGET ECONOMY, ECONOMIC CRYISIS, ECONOMIC GLOBALIZATION, FINLAND.

Тенденция к сокращению социальных программ в рамках сложившейся в XX веке модели государства всеобщего благосостояния наметилась в Финляндии до начала мирового финансового кризиса 2008 года. В 1990-е годы страна пережила значительный экономический спад, во многом связанный с отсутствием развитых торгово-экономических отношений с преемницей СССР – Россией. В этот период сложившаяся система социального обеспечения испытала наибольшую нагрузку, и Финляндии пришлось переориентировать значительную долю экономических связей на западные рынки. Последовательная интеграция в мировые политические и экономические организации способствовала распространению в политических кругах страны западноевропейских идей неолиберализма. Мировой финансовый кризис также способ-

ствовал усилению тенденции к сокращению государственного сектора в предоставлении социально значимых услуг.

Проведем анализ динамики системного сокращения финансирования социальных программ в Финляндии по таким критериям, как реформирование системы налогообложения, особенности ряда муниципальных реформ, влияние международных экономических организаций, а также общественное мнение.

Реформы в системе налогообложения

Налоговые поступления – один из наиболее фундаментальных источников социального обеспечения в большинстве стран. В социал-демократической модели социального государства структура налогообложения в целом имела решающее значение не только для финанси-

рования услуг, она выступала также в качестве механизма перераспределения. Характерные для социал-демократической модели прогрессивное налогообложение, перераспределение доходов и универсальные общественные услуги были главными инструментами уменьшения неравенства. Эта политика успешно практиковалась в Финляндии в течение более чем 40-летнего периода после Второй мировой войны [6, с. 18]. Основная идея системы: каждый вносит свой вклад и получает свое социальное пособие внутри одной системы. Дополнительной характеристикой модели являлся размер возможного вклада, зависевший от возможностей человека. Таким образом, большинство пособий было основано на элементе заработка. Пособия на основе заработка на первый взгляд могут показаться неравными, но, как показывает пример социал-демократической модели, их влияние способствовало уменьшению разрыва в уровне жизни населения [2].

Впрочем, следует отметить, что расцвет реализации концепции государства всеобщего благосостояния в Финляндии пришелся на период активных торгово-экономических отношений с СССР. Уже в 1990-е годы экономика Финляндии стала переживать сильнейший спад, и в 1993 году была проведена одна из первых значительных налоговых реформ, которая ввела понятие двойной системы доходов. Реформа дифференцировала доходы самозанятых и частных предпринимателей как трудовой доход и доход от капитала. Налог на трудовой доход оставался прогрессивным, тогда как налоговая ставка на капитал становилась фиксированной. В 2013 году ее размер составил 30 % [5]. Данная мера позволила сохранить частный бизнес в период экономического кризиса, однако ее также можно считать одной из первых реформ, приведших к снижению налоговых поступлений для финансирования социальных программ.

Начиная с 1996 года подоходный налог снижался, только в 1998 и 2005 годах отмечалось его повышение. Если в 1996 году подоходный налог на доход более 48 744 евро составлял 39 % от превышающей части, то в 2010 году доходы, превышающие 66 400 евро, облагались налогом в 30 %. Эта тенденция может быть объяснена общим вычетом, а также изменениями в шкале ставок подоходного налога [Там же].

Примечательно, что в 2005 году при поддержке социал-демократической партии Финляндии был отменен налог на богатство. Партия левого крыла и «зеленая» партия не поддержали отмену данного налога как ту часть налоговых реформ, которая защищает интересы богатых и способствует росту социального неравенства в стране [4].

Таким образом, проанализировав динамику проведенных в начале XXI века реформ в системе налогообложения Финляндии, можно сделать вывод, что в стране произошел сдвиг политических приоритетов в сторону большей социально-экономической унификации с ЕС. Введение двойной системы доходов, отмена налога на богатство и общая тенденция к не прогрессивному налогообложению оказались направлены на защиту интересов преимущественно наиболее обеспеченной части общества. При этом произошло снижение общего перераспределительного эффекта налогообложения, что наряду со снижением возможности государственного сектора реагировать на запросы среднего класса создает предпосылки для дальнейшего увеличения социального расслоения.

Муниципальные реформы

Одной из ключевых составляющих финской модели государства всеобщего благосостояния являются муниципальные органы. Они обладают широкими финансовыми полномочиями, в ведении этих органов находятся такие социально значимые сферы, как здравоохранение, социальное обеспечение, культура и образование, охрана окружающей среды, поддержание и развитие технической инфраструктуры. Очевидно, что широкий спектр стоящих перед муниципалитетом задач требует возможности концентрации на местном уровне значительных финансовых средств.

Однако, после того как размер государственного долга установил новый рекорд из-за субсидий банковского сектора, программой сбережения 1994–1995 годов предусматривались ряд структурных реформ и меньшее финансирование муниципалитетов [7, с. 208]. Уменьшение государственной поддержки и увеличивающийся спрос обусловили необходимость увеличения муниципальных налогов и платы населения за муниципальные услуги. Структурная реформа 1995 года упразднила На-

циональный совет общественных зданий, который был заменен Государственным агентством недвижимости. После этого государственные и муниципальные учреждения установили рыночную цену на свои услуги, что значительно увеличило бюджетную нагрузку на местные административные органы. Эти изменения оказали давление на местных руководителей, вызвав тенденцию к централизации услуг, и, по мнению Л. Эрьясаари, значительно повлияли на восприятие населением государственных социальных организаций [1]. Кроме того, правительство призвало муниципалитеты искать различные способы экономии и увеличения эффективности, например через приватизацию и аутсорсинг услуг, объединение в большие административные единицы [6, с. 51].

Фактически комплекс реформ органов местного самоуправления был направлен на демонтаж сложившейся в XX веке финской системы всеобщего социального обеспечения, краеугольным камнем которой являлись широкие исполнительские полномочия муниципалитетов с развитой системой формирования бюджета и высокой степенью автономии от государственных дотаций. Преследуемые правительством цели повышения качества социальных услуг и экономии средств как госбюджета, так и бюджета муниципалитетов со значительной долей вероятности могут быть достигнуты за счет исчезновения принципа равнодоступности к новым высококачественным социальным услугам исполнительных органов власти на местах среди различных слоев населения.

Факторы внешнего влияния на сокращение финансирования социальных программ

Финляндия является участником многих международных организаций, таких как ЕС, ОЭСР и МВФ и др. Политики подчеркивают важность принадлежности страны к международным органам, участия ее в международных событиях и в процессе принятия решений. Финляндию называли «моделью ученика» или «лабораторией» ЕС и ОЭСР, так как реализация этой страной их распоряжений и рекомендаций была достаточно быстрой и последовательной. Особенно тесное взаимодействие с ОЭСР и МВФ имеет министерство финансов Финляндии, которое часто полагается на консультации данных глобальных организаций.

Для Финляндии МВФ подготовил три основных предложения по обеспечению сдерживания расходов. Так, в качестве мер по снижению пенсионных расходов рекомендовались повышение эффективного пенсионного возраста, снижение ставки пенсионных пособий и усложнение раннего выхода на пенсию вследствие инвалидности или безработицы. Кроме того, предлагались: реформирование муниципалитетов, имеющих наибольшую динамику роста статьи социальных расходов, установление предела муниципальной налоговой ставки и сдержанный рост субсидирования центральным правительством региональных муниципалитетов. Эти меры призваны усилить стимулы по консолидации расходов. Увеличенная стоимость медицинских услуг должна способствовать умеренному росту бюджетных расходов на здравоохранение, а более четкое определение прав населения на долгосрочную медицинскую помощь также позволит достичь существенной экономии в социальной сфере. Устойчивое повышение продуктивности функционирования органов здравоохранения способно значительно снизить прогнозируемые повышения расходов [6].

Примечательно, что довольно часто в отчетах международных организаций Скандинавские страны, а также Финляндия критикуются за слишком дорогую и неэффективную модель социального обеспечения. Однако если провести ряд сравнений по критерию общей суммы расходов на социальную сферу с другими странами ОЭСР, то справедливость подобной критики можно поставить под сомнение. При подсчете общих частных и общественных затрат в старых европейских странах расходы Финляндии в данной сфере располагаются незначительно ниже среднего. Например, по состоянию на 2007 год расходы на социальную защиту в процентном отношении к ВВП составили 25,4, тогда как средний индекс в странах ЕС был 26,2. В сравнении со средним показателем по ОЭСР общие расходы Финляндии в социальной сфере выше [8].

Таким образом, можно утверждать, что универсальная финская модель оказалась способна предложить равную, комплексную и всеобъемлющую систему социального обеспечения, которая продолжает оставаться достаточно экономичной и эффективной. Однако в свете процессов старения населения и сокращения

государственных субсидий требуется бóльшая эффективность данной системы. Дальнейшие приватизация и аутсорсинг социальных услуг являются мерами, рекомендованными правительством и поддерживаемыми в различных международных консультативных отчетах. Как положительные результаты приватизации в них отмечаются рентабельность, повышение качества и персонифицирования услуг для населения, общее положительное влияние на экономику через новые рынки социальных услуг.

Последствия социальных реформ и общественное мнение

Как показывает пример проведения структурных реформ, модификация политических институтов в Финляндии перенесла нагрузку жесткой экономии на плечи муниципалитетов. Распределение бюджетной нагрузки путем приватизации и аутсорсинга социальных услуг во многих случаях вело к сомнительным результатам. В этой связи вызывает интерес общественная позиция относительно реализации модели государства всеобщего благосостояния.

Согласно данным форума бизнеса и политики Финляндии (EVA), общественная поддержка модели государства всеобщего благосостояния в Финляндии остается высокой. Так, в 1992 году 61 % респондентов согласились, что, «хотя хорошая социальная защита и прочие общественные услуги достаточно дороги для поддержания, финское государство благосостояния стоит этих затрат». В 2000 году с этим тезисом согласились 85 % опрошенных, к 2005 году это число сократилось до 81 % [3]. Подобные изменения могут быть объяснены отношением к приватизации услуг. В 2000 году 32 % респондентов согласились с утверждением, что для повышения качества социальных услуг значительная часть их должна быть приватизирована. В 1992 году это мнение разделяли 52 % опрошенных респондентов [Там же]. Таким образом, можно утверждать, что в связи с экономическим кризисом доверие к системе государства всеобщего благосостояния несколько уменьшилось, однако сам принцип социального государства продолжал оставаться привлекательным.

Показательно, что частный бизнес стремится изменить общественное восприятие традиционной системы социального обеспечения в

пользу своих услуг. Его представители склонны видеть среди своих целевых клиентов средний класс населения, тогда как муниципальным органам отводится обслуживание малоимущих слоев общества. В отдаленной перспективе эта ситуация, осложненная недостаточным финансированием, способна снизить качество государственных услуг. Подобная динамика может привести к дальнейшим системным сокращениям, если социальные услуги будут восприниматься как низкокачественные, а предоставляющий их персонал как некомпетентный.

Глобальные тенденции и идеи также оказывают влияние на общественное мнение в Финляндии. Требования новой, интернационализированной экономики представляются как испытание для финской социальной системы всеобщего благосостояния. Международные организации играют важную информационную и посредническую роль в интеграции страны в международную экономику. В частности, министерство финансов Финляндии активно пользуется консультационными услугами МВФ и ОЭСР. Их отчеты обеспечивают дополнительную поддержку избранной политике, что подчеркивает важность сохранения первоклассного кредитного рейтинга в глазах международных организаций.

Таким образом, сокращение социальных программ представляется последовательным процессом, направленным на оптимизацию социально-экономической сферы в соответствии с динамикой мировых экономических процессов. Обозначившаяся тенденция не является путем к полному демонтажу основ социального государства в Финляндии, однако новая форма государственной поддержки населения наряду с возможным повышением качества услуг выведет из нее принцип равнодоступности, что, в свою очередь, может стать предпосылкой для появления социального неравенства. Думается, что в политическом поле в обозримом будущем прогнозируемо усиление позиций левых сил (Левого союза Финляндии, в меньшей степени – сотрудничающей с ним правой Национально-коалиционной партии), которые традиционно отстаивают ценности государственной социальной защиты как высококачественной, доступной и равной для всех граждан. Учитывая современную степень интеграции Финляндии в международные политические и

экономические структуры и организации, полный возврат к модели финского социального государства образца второй половины XX века представляется маловероятным. Однако сегодня перед правительством страны стоит задача адаптации сложившейся за последние десятилетия высокоразвитой системы социальной

помощи к ключевым социально-экономическим вызовам современности в оказывающем все большее влияние глобализованном мире. Весьма вероятно, что успех в решении этой задачи определит социально-политическую, а во многом и экономическую стабильность в Финляндии в ближайшее десятилетие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Eräsaari, L.** New Public Management on Julkista Koskevien Vääräyksien isä [Text] / L. Eräsaari // Helne T., Laatu M. eds. *Vääräyskirja*. – Helsinki: Kelan tutkimusosasto, 2006.
2. **Esping-Andersen, G.** Social Foundations of Post-Industrial Economies [Text] / G. Esping-Andersen. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 207 p.
3. **EVA** (2001, 2005). Arvo ja asenne tutkimukset [Electronic resource] // Elinkeinoelämän Valtuuskunta. – Access mode: <http://www.eva.fi/hankkeet/arvo-ja-asennetutkimukset/2425/> (reference date: 23.05.2013).
4. **Finance Committee Report 4/2005** [Electronic resource] // Eduskunta. – Access mode: http://www.eduskunta.fi/faktatmp/utatmp/akxtmp/vavm_44_2005_p.shtml#LINKKI1 (reference date: 15.06.2013).
5. **Finland Tax Rates** [Electronic resource] // Nordisk eTax. – Access mode: [https://www.nordisketax.net/main.](https://www.nordisketax.net/main.asp?url=files/suo/eng/i07.asp&c=suo&l=eng&m=02)

[asp?url=files/suo/eng/i07.asp&c=suo&l=eng&m=02](https://www.nordisketax.net/main.asp?url=files/suo/eng/i07.asp&c=suo&l=eng&m=02) (reference date: 05.06.2013).

6. **IMF: Finland 2010 – Article IV Consultation Concluding Statement.** [Electronic resource] // International Monetary Fund. – Access mode: <http://www.imf.org/external/np/ms/2010/060710.htm> (reference date: 28.05.2013).

7. **Kosunen, V.** Lama ja sosiaaliturvan muutokset 1990-luvulla [Text] / V. Kosunen // M. Heikkilä, H. Uusitalo. *Leikkausten Hintatutkimuksia Sosiaaliturvan Leikkauksista Ja Niiden Vaikutuksista 1990-luvun Suomessa*. – Saarijärvi: Gummerrus Kirjapaino Oy, 1997.

8. **Laakkonen, A.** Kelan tilastollinen vuosikirja 2009 [Text] / A. Laakkonen. – Sastamala: Vammalan Kirjapaino Oy, 2010. – 454 p.

REFERENCES

1. **Eräsaari L.** New Public Management on Julkista Koskevien Vääräyksien isä. *Helne T. & Laatu M. eds. Vääräyskirja*. Helsinki, Kelan tutkimusosasto, 2006.
2. **Esping-Andersen G.** Social Foundations of Post-Industrial Economies. Oxford, Oxford University Press, 1999. 207 p.
3. **EVA** (2001, 2005). Arvo ja asenne tutkimukset. *Elinkeinoelämän Valtuuskunta*. Access mode: <http://www.eva.fi/hankkeet/arvo-ja-asennetutkimukset/2425/> (reference date: 23.05.2013).
4. **Finance Committee Report 4/2005.** *Eduskunta*. Access mode: http://www.eduskunta.fi/faktatmp/utatmp/akxtmp/vavm_44_2005_p.shtml#LINKKI1 (reference date: 15.06.2013).

5. **Finland Tax Rates.** *Nordisk eTax*. Access mode: <https://www.nordisketax.net/main.asp?url=files/suo/eng/i07.asp&c=suo&l=eng&m=02> (reference date: 05.06.2013).

6. **IMF: Finland 2010 – Article IV Consultation Concluding Statement.** *International Monetary Fund*. Access mode: <http://www.imf.org/external/np/ms/2010/060710.htm> (reference date: 28.05.2013).

7. **Kosunen V.** Lama ja sosiaaliturvan muutokset 1990-luvulla. *Heikkilä M. & Uusitalo H. Leikkausten Hintatutkimuksia Sosiaaliturvan Leikkauksista Ja Niiden Vaikutuksista 1990-luvun Suomessa*. Saarijärvi, Gummerrus Kirjapaino Oy, 1997.

8. **Laakkonen A.** Kelan tilastollinen vuosikirja 2009. Sastamala, Vammalan Kirjapaino Oy, 2010. 454 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

СЕРГАЧЕВ Арвид Владимирович – аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
arvid-s@yandex.ru

SERGACHEV Arvid V. – *St. Petersburg State Polytechnical University*. Politehnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
arvid-s@yandex.ru

Философские и культурологические исследования

УДК 304.2

А.В. Малинов

НА ПУТИ К ЭТНОСОФИИ

Alexey V. Malinov

TOWARDS ETHNOSOPHY

Аннотация

В статье дается обоснование новой синтетической науки – этнософии, складывающейся на стыке этнографии, социальной и культурной антропологии, философии и культурологии. Приводятся интерпретации этнософии в современной философии и этнографии, а также раскрывается содержание этой науки на примере национального сознания коренного населения Горного Алтая. Этнософия выступает разновидностью мифологического мышления, на основе которого складываются современные формы национальной и культурной идентичности.

Ключевые слова

ЭТНОСОФИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, МИФ, АКСИОЛОГИЯ, СМЫСЛ, ОНТОЛОГИЯ, ИСКУССТВО, ДЕОНТОЛОГИЯ.

Abstract

The paper explains the rationale of the new synthetic science – ethnosophy, the emerging at the intersection of ethnography, social and cultural anthropology, philosophy, and cultural studies. The interpretation of ethnosophy in modern philosophy, ethnography, and disclosed the contents ethnosophy the example of the national consciousness of the indigenous population of the Altai Mountains. Ethnosophy advocates a kind of mythological thinking on the basis of which add up modern forms of national and cultural identity.

Keywords

ETHNOSOPHY, REGIONAL PHILOSOPHY, MYTH, AXIOLOGY, MEANING, ONTOLOGY, ART, DEONTOLOGY.

В номенклатуре современных научных дисциплин этнософии нет. И это не удивительно. Доминирующая тенденция научного развития состоит в дроблении, обособлении и фрагментизации знания. Этнософия же, напротив, появилась как наука синтетическая, да к тому же «неестественная». Это становящаяся научная дисциплина, формирующаяся на стыке этнографии, исторической и культурной антропологии, философии и культурологии. Проект этнософии был сформулирован в конце XX века, однако ее методы и предметное поле все еще остаются в стадии уточнения.

Этнософия зародилась на волне критики современной цивилизации, поэтому не случайно истоки ее надо искать в попытках переосмысления цивилизационного развития Запада и интересе к архаическим культурам, обозначившемся в начале XX века. Большинство исследований, которые можно отнести к области этнософии, проникнуты настроением недовольства настоящим, пессимистическим взглядом на происходящие события, которые оцениваются как дальнейшее «падение», деградация человечества. Неприятие современного мировоззрения усиливает (хотя и в разной сте-

пени) религиозные чувства, побуждает обратиться к религиозным учениям, толкает на путь религиозного реформаторства. Выход из «кризисного» состояния современной цивилизации последователям этнософии видится в возвращении к мифологическим истокам религии, что приводит к архаизации сознания, построению теорий, синтезирующих «древние» знания с данными современной науки.

Особенно это заметно на примере национальных форм этнософии, для которых характерен мотив утраты и нового обретения «изначального» знания. Новое здесь предстает как хорошо забытое старое, а обновление мыслится как возвращение.

Недовольство преобладающими формами современной цивилизации, прежде всего ее социально-нормативными практиками, распространяется и на оплот современной цивилизации — науку и рациональный тип мышления в целом. Усиливающаяся специализация научного знания и его все большее удаление от очевидностей обыденного сознания создают ощущение фрагментарности современной науки, неполноты того знания о мире, которое дает наука и которое необходимо компенсировать целостным мировоззрением (что традиционно относилось к функциям религии и философии) и практическим действием, творческим преобразованием мира. Этим, в частности, объясняется педагогическая линия в этнософии, стремление к догматизации ее положений. На мировоззренческом уровне потребность в целостности часто принимает форму нового пантеизма.

Профессиональные философы по-своистски свысока смотрят на построения этнософии, видя в них явные признаки дилетантизма. Все верно. Этнософские поиски надо отнести к области неофициальной, неакадемической и даже самодельной философии. Однако история философии учит, что большинство «прорывных» идей в философии были предложены именно «не профессионалами». Впрочем, профессионализм здесь вовсе не означает высокую культуру мышления и, тем более, интеллектуальную смелость. Конечно, большинство современных этнософских сочинений с философской точки зрения наивны. Но этнософия не дублирует и, тем более, не подменяет философию. Этнософию надо рассматривать не в качестве еще одной философской системы, а как необходимый

этап развития национального сознания. Этнософия имеет дело не с философскими понятиями или абстрактными сущностями, а с мифами. То, о чем пишут приверженцы этнософии, для них самих происходит на самом деле, является частью реальности.

Благодатной почвой для распространения этнософии служит и идеология антиглобализма с ее критикой общества потребления западного типа. Этнософия делает антиглобалистское мировоззрение частью национального мышления, противостоящего массовой культуре и получающего тем самым статус новой «универсалии». Можно сказать, что в этнософии реализуется тенденция перехода от попыток обоснования метафилософии к построению региональных философий.

Сам термин «этнософия» имеет уже свою историю, он существует около столетия. Считается, что впервые его употребил основоположник евразийства Н.С. Трубецкой в 1926 году в одном из писем Р.О. Якобсону. Трубецкой полагал, что различные стороны культуры не только связаны между собой, но и развиваются, так сказать, параллельно, в одном направлении. Проследить сходство в развитии различных сторон жизни и культуры, по его мысли, должна новая наука, которую он и предложил назвать этнософией. Н.С. Трубецкой писал своему адресату, что «нужна какая-то особая наука, стоящая вне литературы, политики и т. д. и занимающаяся исключительно синтетическим изучением параллелизма эволюции отдельных сторон жизни. ...Этот вопрос должна решать уже не лингвистика, а какая-то другая наука, скажем, „этнософия“...» [1, с. 98]. Однако в евразийской теории этнософия как самостоятельная дисциплина или хотя бы как термин не получила дальнейшего обоснования. Примерно в эти же годы в советской России появились концепции, так же близко подошедшие к формулированию задач и методов современной этнософии, не используя, правда, этого термина. Прежде всего, здесь надо назвать работы А.Ф. Лосева по философии мифа и Д.К. Зеленина по сибирской этнографии, в частности по сибирскому шаманизму. Одна из работ Зеленина в первоначальной редакции даже называлась «Философия сибирского шаманизма».

Термин «этнософия» встречается и в итоговом труде американского антрополога М. Херсковица «Культурная антропология» [2]. При-

мечательно, что Херсковиц приходит к нему, критикуя этно- и европоцентрическую (американо-европоцентрическую) точки зрения в социальной антропологии и науке о культуре. Каждому народу, полагал американский культуролог, присуща специфическая система ценностей, в которой закрепляются представления людей о должном и желаемом. При этом каждая культура наиболее полным образом проявляется в каком-то одном аспекте или «культурном фокусе», наиболее для нее характерном, с которым, как правило, эта культура и ассоциируется. Посредством усвоения этих желаемых ценностей происходит вхождение человека в культуру, энкультурация, позволяющая в дальнейшем не только воспроизводить эти ценности и конкретные культурные формы, но и изменять их.

В последние годы термин «этнософия» активно используется философом В.В. Ванчуговым. В монографии «Русская мысль в поисках „нового света“: „золотой век“ американской философии в контексте российского самопознания» [3], курсе «Этнософия: образы наций в русской философской мысли» и ряде статей [4, 5] он определяет этнософию как «философию народа», основу которой составляют размышления о «сущности народа». Цель подобных рассуждений состоит в определении преимуществ и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составлении коллективного психологического портрета, выявлении роли народа во всемирной истории. Этнософия видится В.В. Ванчугу попыткой выявить «сущность народа», выделить философскую составляющую его характера. В связи с этим он употребляет выражение «этнософические портреты». Хотя этнософия в своем возможном облачении, уточняет Ванчуг, выступает как парафилософия, но иногда ее выводы могут получать более высокий статус, чем более привычные рациональные умозаключения. Здесь можно наблюдать как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую помимо «этнософии» можно назвать философским страноведением или философским регионоведением.

К особой области «софийных дисциплин» относит этнософию М.Н. Эпштейн, противопоставляя ее этнографии как дисциплине «логосной». Если этнография, полагает он, описывает этносы, их генезис, историю и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то этнософия раскрывает связь всех элементов этой структуры с мистериально-сакральным центром и пафосом национальной жизни. Этнософия изучает преимущественно высокоразвитые общества, где религиозное содержание выступает в свернутом, потенциальном виде, в отличие от этнологии, нацеленной на изучение обрядовой структуры примитивных обществ, религиозное содержание которой выступает эксплицитно. Одна из задач этнософии – выявить в повседневной, мирской, бытовой, профессиональной, культурной жизни манифестацию бессознательно-сакральных структур, а также определить место каждого этноса в общей эволюции общечеловеческой культуры. К предшественникам этнософии Эпштейн относит И.Г. Гердера, О. Шпенглера, а в отечественной науке – Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева и Г.Д. Гачева [6, с. 73; 7, с. 783–785].

С рядом программных работ по этнософии выступал известный африканист В.Р. Арсеньев (1949–2010) [8–11]. Он определял этнософию как специфическое направление этнографии и других гуманитарных наук, возникшее с целью преодоления концептуального кризиса, связанного с постмодернистской фазой, характерной для современной цивилизации, потерей целостного восприятия мира, образования множества частных наук об обществе, опирающихся на эвристически исчерпавшие себя методологические приемы. Методологическим ориентиром «этнософии», на его взгляд, выступает стремление к синтезу философии как науки о методе и об общих основаниях Мира с этнографией как наукой о культуре и обществе. В.Р. Арсеньев уточнял, что этнософия – дисциплина переходного периода, периода кризиса целостного видения мира. В то же время этнософия призвана преодолеть европоцентристский взгляд на мир и вызванные им научные установки. Необходимой составляющей этнософского подхода, по мысли Арсеньева, должны стать полевые исследования конкретных национальных и региональных культур. Сам ученый в своих выводах

опирался на многолетние исследования культуры африканского народа бамбара [12, 13].

К исследованиям, написанным в русле этнософского подхода, также можно отнести книгу В.Ю. Попкова и Е.А. Тюгашева «Философия Севера» [14].

Тот факт, что этнософское сознание и поиски определенной научно-методологической альтернативы стали активно заявлять о себе в последние годы, не случайно. Социально-политические и культурные изменения, происшедшие в современном российском обществе, имеют и более значительные последствия, чем это может показаться на первый взгляд. Их следствием стало появление новых идеологических и мифологических форм национального сознания, рефлексивным проявлением которого и служит этнософия. В качестве национальной философии этнософия противостоит как традиционным формам европейского философского мышления, так и типу сознания, диктуемому массовой культурой. Она ищет опору в исторических корнях народа, традиционных формах религиозного мировоззрения и реконструкции архаического мироздания, в эзотерических практиках и т. п. Анализ этих явлений с политологической и даже этнографической точек зрения не дает понимания всей полноты и сложности картины происходящих изменений, поскольку явление это значительно шире его возможного политического и этнографического контекстов. Рельефнее всего и доступнее для анализа этнософская картина раскрывается там, где существуют попытки выразить ее в виде той или иной национальной философии.

В качестве выражения основной идеи этнософии может служить принцип: «Все есть смысл». Этнософский взгляд актуализирует смысловую основу мира, выстраивая иерархическую топографию смыслов, воспроизводит архаические и мифологические модели смыслообразования, противостоя тем самым обесмысливающей машинерии современной цивилизации. То, что имеет для человека смысл, его смысложизненные интересы, способы наделения смыслом могут быть определенным образом упорядочены, рассмотрены как серии смыслостроительных локусов. Иерархия выстраивается в зависимости от того, какой уровень смысла признается приоритетным.

Его выбор и определяет содержание и структуру мировоззрения, которому соответствуют и определенный тип мышления, и восприятие внешнего мира, и действие. Такая смысловая система, включающая тип мышления, восприятие внешнего мира и действие, и составляет этнософию. Возникает она не вдруг, не в результате индивидуального усилия или субъективного решения, а как итог длительного взаимообуславливающего развития природных, антропологических, социально-исторических, интеллектуальных процессов. Этнософия – это последовательная и согласованная в своих основных частях иерархия смысловых определенностей, не обязательно выраженных в дискурсивной форме.

Структуру и содержание этнософии удобнее анализировать на примере каких-либо конкретных форм мифологического сознания и правосознания, художественного мышления, этноэкологических практик и попыток философского осмысления своего прошлого и настоящего и т. п. Одним из таких примеров может служить система этнософских представлений населения Горного Алтая, включающих в себя традиционные модели мифологического мировоззрения, современные формы правосознания как коренного, так и русского населения региона, пытающихся посредством исторической, а часто и откровенно мифологизированной аргументации отстаивать свои права, зарождение новых форм культурной и национальной идентичности, попытки возрождения или имитации эпической и шаманской традиций, художественную аксиологию в современном искусстве Горного Алтая, этноэкологические практики, реанимацию идеологии сибирского областничества, формирование новых сакральных и культовых мест, попытки формулирования «алтайской философии».

Горный Алтай удобен для исследования не случайно. Уникальность Алтая связана со спецификой происходящих там процессов. С одной стороны, удаленность территории и населения от крупных культурных и политических центров позволяет рассматривать процессы, происходящие на мировоззренческом уровне, в качестве автогенных. С другой стороны, все решительнее заявляющий о себе новый, находящийся на подъеме этнос – алтайцы – ищет формы проявления своего национального

сознания, настаивает на своих исторических правах на богатое историческое и культурное наследие региона. Болезненность этого процесса и крайние формы его проявления очевидны. Но ситуация усложняется мультикультурностью и полиэтничностью самого региона, где сочетаются и взаимодействуют общероссийская (уходящая корнями в советское прошлое) и славянская культуры, тюркская культура, старообрядческая и массовая культуры. Многообразие этнических автохтонных и аборигенных групп (алтай-кижи, кумандинцы, челканцы, тубалары, телеуты, теленгиты, русское старожильческое население, казахи Чуйской степи), а также значительная доля метисированного населения дополняется многочисленными диаспорами. Столкновение мировых религий (христианство, буддизм, ислам) и их локальных проявлений (старообрядчество, бурханизм) происходит на фоне возрождающегося шаманизма и распространения пестрого набора различных сект. Национально-религиозно-культурный синкретизм вместе с особенностями «месторазвития» создают благодатную почву не только для нового этногенеза, но и культурогенеза. Широкое распространение получают не скрывающие своих философских претензий ноосферное мышление, рериховианство, различные эзотерически ориентированные контактерские практики.

На этом фоне заявила о себе и алтайская философия [15]. К активным разработчикам последней можно отнести археолога и культуролога А.С. Суразакова, историков и этнографов В.А. Муйтуеву, В.А. Клешева, В.П. Ойношева, знатока алтайских древностей и музейного работника Н.А. Шодоева, публицистов Б.Я. Бедюрова и И.С. Тенгерекоева, актера и режиссера А.В. Юданова, общественных деятелей С. Кыныева и Д.И. Мамыева и др. Жанровый разброс этнософских сочинений достаточно широк: от серьезных научных исследований, включающих и вполне определенную этнософски окрашенную идеологию (В.А. Муйтуева, В.А. Клешев, В.П. Ойношев, А.С. Суразаков), до публицистики (А.С. Суразаков, Б.Я. Бедюров) и фолк-истори (Н.А. Шодоев, И.С. Тенгерекоев). Их работы направлены на реконструкцию традиционной религиозной и мифологической картины мира алтайцев (В.А. Муйтуева, В.А. Клешев, В.П. Ойношев), формулирование «философии

Горного Алтая», «регионального менталитета», «философии муниципального уровня», «народной философии» (выражения А.С. Суразакова), изложение основ «алтайского билика» (народной мудрости) (Н.А. Шодоев). Предметом этнософского анализа могут служить такие «природно-мировоззренческие объекты» Горного Алтая, как гора Белуха и река Катунь. Как «равноправные живые субъекты» осознаются и люди, и животные, и растения, и аржаны (целебные источники), и горы, имеющие своих духов-хозяев. Признание духов-хозяев служит психологическим регулятором поведения человека. Для этнософии характерно стремление выразить смысловые константы алтайской культуры и мировоззрения населения Горного Алтая. При этом культура и мировоззрение понимаются не в узконациональном значении кан-каракольской этнической общности, а включают наследие других исторических эпох и этнических культур, связанных с Горным Алтаем (начиная с эпохи скифов или даже населения, оставившего многочисленные петроглифы в горах Алтая). Опираясь на конкретный историко-культурный материал, этнософия пытается реконструировать иерархию жизнестроительных смыслов, не всегда дискурсивно определенных, но обязательно выраженных в мифологической ли форме, практическом ли действии или нормативно-ценностных системах. Артикулированные, выявленные в результате этнософского исследования смыслы обнаруживают свой универсальный характер, достигающий уровня философских обобщений.

Другой источник алтайской этнософии – современное искусство. Исторической особенностью культуры Горного Алтая, по крайней мере в последнее столетие, является приоритет изобразительного искусства над иными формами творческой деятельности. Начиная с первого профессионального алтайского художника Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937), именно изобразительное искусство задавало новые смысловые импульсы местной культуре. Фигура Г.И. Чорос-Гуркина для национального сознания современных алтайцев имеет особое мифологическое и символическое значение. В последние годы в Республике Алтай сформировался своеобразный государственный культ этого художника. В столице республики рядом со зданием курултая (парламента) ему открыт памятник, воссоздана мастерская художника в селе Анос. Особое

значение придается политической деятельности Г.И. Чорос-Гуркина, стоявшего у истоков нынешней алтайской государственности. Парадоксальность современной ситуации состоит в том, что художник в 1937 году был репрессирован, как считалось, за отрицательное отношение к советской власти. Нынешнее же почитание его возглавляют оставшиеся у власти представители советской партийно-комсомольской номенклатуры. Г.И. Чорос-Гуркин принадлежал к первому поколению национальной интеллигенции на Алтае, сформировавшейся в миссионерских школах и воспринявшей национальную программу сибирских областников [16, 17]. В строгом смысле Г.И. Чорос-Гуркин не был этническим алтайцем (алтай-кижи). Телеут по отцу и кумандинец по матери, он принадлежал к этнической группе, которую сейчас называют северными алтайцами (они отличаются по языку и антропологически от южных алтайцев). Однако наследие художника оказалось однозначно «приватизировано» именно титульной нацией. Конечно, изобразительное искусство дает образное, а не понятийное осмысление национальной культуры, но, пользуясь другими выразительными средствами, раскрывает ту же смысловую основу мировоззрения и культуры жителей Горного Алтая, которую философия пытается изъяснить в категориях. В лучших своих творениях алтайское изобразительное искусство достигает такого же эффекта эйдетического видения, как и философское размышление. Так, например, пантеистическим мироощущением проникнуты предсмертные полотна В.Д. Запрудаева. Целая онтолого-аксиологически-семантическая система представлена в символично-мифологическом направлении С.В. Дыкова, В. Хромова и тяготеющего к декоративизму В.Г. Тебекова. Замечательная галерея национальных образов воссоздана в портретах В.С. Торбокова, отмеченных не только высоким художественным мастерством, но и тонким знанием национальной психологии. В жанре требующей расшифровки медитативной живописи создает картины-видения, картины-наития Е.М. Чеботарева. Настоящая эпически повествовательная манера развернута в графических сказах Н.А. Чепокова. Оригинальная мировоззренческая традиция, лишь отчасти восходящая к местной культуре, воссоздается в творчестве А.А. Дмитриева и Л.В. Софронова. Современное алтайское изобразительное искусство позволяет

реконструировать художественную аксиологию национального сознания. В то же время оно не столько отражает, сколько задает, конструирует образы, визуализирует ценности, которые затем уже приписываются местной культуре.

Однако помимо мировоззренческого или даже философского измерения, этнософский анализ имеет и вполне практическое значение. Он позволяет по-новому оценить как степень защиты прав коренных народов, в том числе и малочисленных, так и политико-правовые конфликты, связанные с полемикой о возвращении так называемой «укокской принцессы», запретами для новосибирских и барнаульских археологов на раскопки на территории Республики Алтай, спорами о строительстве газопровода для подачи газа в Китай, созывами курултаев, выборами эл-баши, возрождением института зайсанатства и т. п. Специальной оценки требует региональное правотворчество, устанавливающее запреты, регулирующее функционирование «сакральных мест» и т. п. Понятийная неопределенность при явном культурном запросе на юридическое оформление определенных мировоззренческих установок требует согласования двух типов мышления, сталкивающихся здесь: формально-юридического и этнософского, мифологического.

В конкретных формах этнософского мышления на Алтае проявляются универсалии национальной культуры и задаются параметры современной национально-культурной идентичности жителей целого региона. Их исследование и оценка требуют особой «деликатности», поскольку в этнософии реализуются более «мягкие» критерии рациональности. В целом можно сказать, что большинство этнософских работ принадлежат к дорефлексивному типу мышления, служат примером мифологического мышления. В этнософии дается оживление, проживание современного мифа (исторического, национального), который во многом определяет не только содержание сознания его носителей, но и мотивацию их поведения. В классификации М. Вебера его стоит, пожалуй, отнести к ценностно-рациональному действию. Принцип целостности, взаимосвязанности человека с окружающим миром преобладает в алтайской этнософии, что делает ее созвучной основным интуициям русской философии. В то же время как разновидность мифологического

мышления этнософия космоцентрична. Она стремится к раскрытию и объяснению связей человека с космическими процессами, соотношенности культурно-идеологических и ментальных процессов со смысловой структурой Вселенной. Реальность этих структур дается че-

рез миф. Попытка продумать онтологию смысла в современной этнософии в качестве одного из своих последствий приводит к онтологическому обоснованию деонтологии и тем самым к противостоянию современному этическому релятивизму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jakobson, R.O.** N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes [Text] / R.O. Jakobson. – P., 1975.
2. **Herskovits, M.** Cultural Anthropology [Text] / M. Herskovits. – N. Y., 1955.
3. **Ванчугов, В.В.** Русская мысль в поисках «нового света»: «золотой век» американской философии в контексте российского самопознания [Текст] / В.В. Ванчугов. – М.: Уникум-Центр, 2000.
4. **Он же.** «Этнософия»: ретроспективный анализ в прагматическом аспекте будущего [Текст] / В.В. Ванчугов // Наука. Философия. Общество. Материалы V Рос. филос. конгр. – Т. II. – Новосибирск: Параллель, 2009. – С. 514–515.
5. **Он же.** Всеединство в этнософическом аспекте: образы европейских народов в русской философской мысли [Текст] / В.В. Ванчугов // Соловьевские исследования. – Вып. 1 (25). – 2010. – С. 131–143.
6. **Эпштейн, М.Н.** Философия возможного [Текст] / М.Н. Эпштейн. – СПб., 2001.
7. **Он же.** Технософия и другие «софии» [Текст] / М.Н. Эпштейн // Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. – М., 2004.
8. **Арсеньев, В.Р.** Альтернативы будущего [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб., 1996.
9. **Он же.** Манифест этнософии [Текст] / В.Р. Арсеньев // Общество. Среда. Развитие. – 2006. – № 1.
10. **Он же.** Основные понятия этнософии [Текст] / В.Р. Арсеньев // Манифестация: учеб.-теор. журн. «Ленингр. шк. африканистики». – 2006. – № 7 а.
11. **Он же.** Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы [Текст] / В.Р. Арсеньев // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 1.
12. **Он же.** Бамбара: люди в переходной экономике [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб., 1997.
13. **Он же.** Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западно-суданского этноса в коллекциях МАЭ РАН [Текст] / В.Р. Арсеньев. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2011. – 474 с.
14. **Попков, В.Ю.** Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства [Текст] / В.Ю. Попков, Е.А. Тюгашев. – Салехард; Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. – 376 с.
15. **Малинов, А.В.** Заметки о философии в Горном Алтае [Текст] / А.В. Малинов // Евразийцы. – № 5. – Горно-Алтайск, 2009.
16. **Он же.** Идеология и философия областничества [Текст] / А.В. Малинов. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – 128 с.
17. **Он же.** Областничество в истории русской мысли [Текст] / А.В. Малинов // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 1 (66). – С. 41–52.

REFERENCES

1. **Jakobson R.O.** N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris, 1975.
2. **Herskovits M.** Cultural Anthropology. N. Y., 1955.
3. **Vanchugov V.V.** Russian thought in search of "new light", "golden age" of American philosophy in the context of Russia's self. Moscow, Unicum Center, 2000.
4. **Vanchugov V.V.** "Ethnosophy": a retrospective analysis of a pragmatic aspect of the future. *Science. Philosophy. Society*. Proceedings of the V Russian Congress of Philosophy. Vol. II. Novosibirsk, Parallel, 2009, pp. 514–515.
5. **Vanchugov V.V.** Unity in ethnosoficheskom aspect: Images of European people in the Russian philosophical thought. *Solovev's studys*. Iss. 1 (25), 2010, pp. 131–143.
6. **Epstein M.N.** Philosophy possible. St. Petersburg, 2001.
7. **Epstein M.N.** Tehnosofiya and other "sophia". *Blank characters: On the future of the humanities*. Moscow, 2004.
8. **Arsenyev V.R.** Alternatives to the future. St. Petersburg, 1996.
9. **Arsenyev V.R.** Manifest of ethnosophy. *Society. Environment. Development*, 2006, nr 1.
10. **Arsenyev V.R.** Basic concepts of ethnosophy. *Manifestation*. Educational and theoretical journal of "Leningrad school of African studies", nr 7 a. St. Petersburg, 2006.
11. **Arsenyev V.R.** Basic concepts ethnosophy. The approaches to the formation of an alternative world view. *Society. Environment. Development*, 2008, nr 1.
12. **Arsenyev V.R.** Bambara: people in transition economies. St. Petersburg, 1997.

13. **Arsenyev V.R.** Bambara: the cultural environment and the reified world of the Western Sudanese ethnic group in the collections of MAE RAS. St. Petersburg, MAE RAS, 2011, 474 p.

14. **Popkov V.Y., Tyugashev E.A.** The philosophy of the North: the autochthonous peoples of the North in the scenarios of the world order. Salekhard, Novosibirsk: Siberian Scientific Publ., 2006. 376 p.

15. **Malinov A.V.** Notes on philosophy in the Altai Mountains. *Eurasians*, nr 5. Gorno-Altaysk, 2009.

16. **Malinov A.V.** The ideology and philosophy of regionalism. St. Petersburg, Intersocis, 2012. 128 p.

17. **Malinov A.V.** Regionalism in the history of Russian thought. *J. of Sociology and Social Anthropology*, 2013, nr 1 (66), pp. 41–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – профессор кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; доктор философских наук.

Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 28
a.v.malinov@gmail.com

MALINOV Alexey V. – *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Grazdanskiy av., 28, St. Petersburg, 195220, Russia
a.v.malinov@gmail.com

УДК 008/008.2

А.В. Гогин

**КОСМОС, ЗЕМЛЯ, РЕЛИГИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Alexandr V. Gogin

**COSMOS, EARTH, RELIGION IN THE LONG TERM DEVELOPMENT
OF MODERN INDUSTRIAL CIVILIZATION**

Аннотация

В статье развиваются идеи выдающегося русского мыслителя – космиста В.И. Вернадского об истории современного человечества как планетарном явлении. Делается вывод о неизбежности возникновения глобального культурно-экологического кризиса как следствия стремительного одностороннего развития современной техногенной цивилизации. Развивается концепция космических последствий глобального культурно-экологического кризиса. Рассматривается влияние набирающих обороты процессов глобализации и информатизации общества на мировой религиозный процесс.

Ключевые слова

РУССКИЙ КОСМИЗМ, ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС, СУДЬБА ИСТОРИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ.

Abstract

The article develops the ideas of the outstanding Russian thinker – cosmist Vernadsky about the history of modern humanity as a planetary phenomenon. The conclusion about the inevitability of a global cultural and ecological crisis as a consequence of the rapid development of modern one-sided technological civilization is inferred, the article develops the concept of cosmic consequences of global cultural and ecological crisis. Examines the impact of globalization and informatization processes of human society on the world religious process.

Keywords

RUSSIAN COSMISM, INDUSTRIAL CIVILIZATION, INFORMATION SOCIETY, GLOBAL CULTURAL-ECOLOGICAL CRISIS, DESTINY HISTORICAL RELIGIONS.

*Аравийское месиво, крошево
Начинающих смерть скоростей –
Это зренье пророка подошвами
Протоптало тропу в пустоте –
Миллионы убитых задешево,
Доброй ночи! Всего им хорошего
В холодеющем Южном Кресте.*
Осип Манделъштам

Данная работа написана в традиции философии русского космизма. Сейчас, в эпоху глобализации, нам представляются весьма ценными мысли великого русского ученого, мыслителя – космиста В.И. Вернадского о вступлении современного человечества в планетарную эпоху своего существования [1].

С точки зрения Вернадского, Земля вообще играет заметную роль в процессах становления человеческой культуры. Земля не просто фон и пассивное место обитания людей – само появление ноосферы (разумной деятельности людей в ойкумене Земли), по мысли ученого, есть часть и естественное продолжение геологического процесса.

В 1943 году Вернадский писал: «Я смотрю в ближайшее будущее очень оптимистично. Моя большая книга должна закончиться главой о „ноосфере“, дать понятие о новом состоянии биосферы, благодаря которому человек становится геологической силой... Геология становится субстратом истории» [2, с. 424].

Не разделяя оптимизма В.И. Вернадского, хотелось бы отметить, что решение стоящих

перед человечеством глобальных проблем, на наш взгляд, невозможно без сознательных усилий сохранения и творческого обогащения того тонкого, едва уловимого слоя активности ойкумены Земли, который выдающийся ученый и философ П.А. Флоренский назвал «пневматосферой» – сферой духа [3, с. 197]. Постановке проблемы сохранения пневматосферы Земли, собственно, и посвящена данная статья.

В целом для традиции русского космизма начала XX века, до того, как она была прервана сменой политического режима, отнюдь не характерен не критический оптимизм антропокосмизма.

Как пишет современный исследователь Е.А. Трофимова, «русский космизм Серебряного века глубоко впитал в себя драматизм своей эпохи, предчувствие катастрофы и надвигающейся беды» [4, с. 5–6].

Можно вполне согласиться с Трофимовой в том, что при всей своей многовариантности и многоплановости, космизм в своей подлинной глубине – это «полнота ощущения некоего водораздела, которое преодолело погибающее человечество. Отсюда – присутствующие явно и скрыто ноты эсхатологизма и неизбежное желание вывести человечество из тупика. <...> Этика русского космизма – этика перед лицом самого важного, того, что еще не случилось. Русский космизм – это мысль, надежда, выбор на пределе, границе» [Там же. С. 6, 18].

Что же означает для нас, для русской философии сейчас, в XXI веке, продолжить традицию русского космизма, прерванную 100 лет назад?

На наш взгляд, хранить традицию может только творчество: не класть деяния предшественников под прозрачный колпак, не любоваться ими, не цитировать без конца при всяком удобном случае, но встать в строй и делать, насколько это возможно, не хуже отцов, критически отвечая на вызовы времени – своего и ближайшего будущего. Надеемся, что предлагаемая статья – скромный шаг в этом строю.

По нашему мнению, Земля – это не просто сложный камень, а уникальное гнездо жизни, сложный духовно-космический организм, проникающий своими структурами во многие пласты бытия не только видимого, но и невидимого мира.

Никто, наверно, не будет спорить, что восприятие человеком окружающего мира – это не

механический слепок, холодная фотография, но факт его (человека) психофизической активности: мой образ мира всегда опосредован моим жизненным опытом, моими стремлениями и переживаниями.

Однако когда дело касается жизни человеческой культуры, проблема ее укорененности в структурах духовно-космического организма Земли («почве земной сакральности») не то что не подвергается исследованию – она даже не обсуждается.

До определенного исторического момента существования человечества, в период его, можно сказать, наивно-младенческого созревания в материнском лоне Земли, такое понимание жизни культуры устраивало как человечество, так и Землю.

В настоящее время, когда человек встал на путь стремительной эскалации своей интеллектуально-хозяйственной активности и, как следствие, пошел на резкое обострение своих отношений с Землей, а возможно, и со всем миром, наивность перестает быть плодотворной, напротив, она становится крайне опасной.

Новоевропейское естествознание, заменив познание фотографией, причастие жизни мира сбором сведений о его строении – скрупулезным механическим копированием наблюдаемых объектов, их свойств и отношений, с корнем вырвало знание *видимого* мира из геоисторического контекста человеческой культуры, заменив знание укорененное, земное, почвенное, опосредованное активностью Земли, знанием фотографическим, механическим, объективным, беспочвенным, не земным – космическим.

С этой точки зрения вся сумма современной науки и техники напоминает некий скай-лэб, глобальную космическую лабораторию, своего рода космический зонд, быстро и деловито распутивший свои анализаторы по поверхности Земли.

Что касается знания мира *невидимого*, то, находясь в ведении исторических религий, пребывая в контексте жизни человеческой культуры, оно укоренено в почве поля земной сакральности, т. е. опосредовано специфической активностью тех структур Земли, которые проникают в пласты бытия невидимого мира.

Пафос данной статьи состоит в том, что осуществляемая ныне стремительная имплантация

в ткань человеческой культуры овнешненно-космизированного знания о строении видимого мира, в силу принципиальной целостности духовно-космического организма Земли, приводит к подрыву и болезни корней, связывающих человечество с невидимым миром, и, как следствие, к постепенному захирению социальных организмов, образующих духовную базу любой полноценной культуры, – исторических религий, ослаблению их сопротивляемости чужим (как правило, неуловимым для наших глаз и приборов) не земным и не человеческим воздействиям и в конечном итоге к вырождению человеческой культуры и самого человечества.

Каким образом это может произойти? Рассмотрим вопрос подробнее.

Многообразие религий мира можно сравнить с разнотравьем: множество религий подобно растениям произрастают на почве единого поля земной сакральности. Корни этих «растений» – религий питаются неодинаковыми соками, и плоды они приносят соответственно разные. Они борются друг с другом за место под солнцем, болеют и выздоравливают, могут даже умереть, и это предмет горести и радости целых народов, предмет их заботы, но для нас важно сейчас даже не это, но то, что все они произрастают на почве одного и того же поля земной сакральности, и если с этой почвой начнут происходить какие-либо существенные метаморфозы, то это рано или поздно отразится на самочувствии всех земных религий, как бы они ни были отличны друг от друга.

В этой связи достаточно важным представляется вопрос: имеются ли в жизнедеятельности современного человечества тенденции, способные в случае своей беспрепятственной эскалации вызвать существенные изменения в структуре почвы поля земной сакральности?

На наш взгляд, такие тенденции имеются и одна из важнейших – стихийный, никак не контролируемый со стороны культуры рост «суммы технологии» современной техногенной цивилизации.

Дело в том, что быстрый рост техногенной цивилизации, характерный для нашего времени, порождает в жизни человеческого общества как позитивные, так и негативные процессы. Среди последних – появление в конце XX века признаков развивающегося культурно-экологического кризиса: **кризисных явлений в жизни**

общества, связанных с дисбалансом во взаимоотношениях культуры и цивилизации. Указанный дисбаланс – нередкое явление в истории человечества, однако современный культурно-экологический кризис имеет свои отличительные особенности:

- указанный кризис носит глобальный характер, что обусловлено глобальным характером развития техногенной цивилизации;

- течение современного культурно-экологического кризиса осложняется развивающимся параллельно глобальным природно-экологическим кризисом (кризисными явлениями в жизни биосферы Земли, связанными с дисбалансом во взаимоотношениях общества и природы);

- современный глобальный культурно-экологический кризис отличается тем, что по мере его развития отношения культуры и цивилизации приобретают характер все более острого противоречия. На достаточно зрелой ступени развития кризиса указанное противоречие может вступить в стадию непримиримого антагонизма.

Причина последнего коренится, по нашему мнению, в том факте, что процессы глобализации, сопровождающие быстрое развитие техногенной цивилизации, актуализируют, поднимают с уровня сущности на уровень явления общественной жизни, и тем самым активизируют, так называемое основное противоречие культурно-экологического кризиса, а именно противоречие между принципиально глобальной, экспансивной, экстравертированной по своему субстанциальному статусу природой цивилизации и принципиально локальной, глубинной, интравертированной по своим родовым корням природой культуры. Один из симптомов (подчас весьма болезненных) актуализации основного противоречия глобального культурно-экологического кризиса – антиглобалистские выступления на религиозной почве. И это не удивительно, поскольку религия исторически образует ту сердцевину, вокруг которой нарастает весь ствол, все тело той или иной культуры.

Поскольку основное противоречие культурно-экологического кризиса коренится в самой природе цивилизации и культуры, представим их отличительные признаки.

Цивилизация синтезирует в себе хозяйственные аспекты жизни социума и представляет

собой некоторую «сумму технологии», аккумулирующую опыт поколений по организации и утилизации субстанциальных эффектов, необходимых для жизнедеятельности насельников данной цивилизации.

Будучи лишь специфическим (характерным для особенностей хозяйственной деятельности тех или иных разумных существ) конфигуратором базовой «суммы технологии» субстанции космоса, цивилизация по самой своей природе экспансивна и нелокальна, космополитична и интеркосмична. Динамичной в принципе, цивилизации противопоставлена укорененность как таковая: любая «почва» для нее — это в конечном итоге склад сырья и стартовая площадка для дальнейших преобразований.

Культура синтезирует в себе духовные аспекты жизни социума и представляет собой некоторую «сумму мифологии», выражающую опыт поколений по сохранению и обогащению родовой жизни на определенном уровне ее личностной выраженности. В качестве таковой культура всегда почвенна и локальна, консервативна и патриотична. Питаясь соками истории, ее родового опыта, уходящего своими корнями в потаенную мудрость Земли, в родовые глубины ее материнской архаики, подлинная культура творчески культивирует и обогащает ту жизненную почву, в которой она укоренена.

Как уже отмечалось выше, всякая цивилизация в силу своего субстанциального статуса, т. е. самого своего положения в мире, глобалистична, космополитична и интеркосмична *in principio* (в принципе). Принципиальный характер отмеченной глобалистичности, по нашему мнению, состоит в том, что расширяющийся радиус сферы влияния техногенной цивилизации никак не ограничен глобусом Земли, он рано или поздно уходит в пространство видимой, а в еще большей степени — невидимой Вселенной. Исходя из этого можно предположить, что если развитие современной техногенной цивилизации и связанные с ней процессы глобализации сохранят свои нынешние тенденции, то научно-техническая революция со временем перерастет в научно-космическую революцию, а процессы глобализации, претерпев качественный скачок, трансформируются в процессы космизации.

Правда, если приглядеться внимательнее, то можно сделать вывод, что космизация человеческого общества уже началась и ее разви-

тие идет полным ходом со скоростью разворачивания глобальных информационных сетей. Важно только понять, что разбег космизации измеряется не успехами космонавтики — в этом космосе физиков и космонавтов практически никто не живет, но успехами проникновения на тот таинственный природно-космический рынок энергоинформационных обменов, невидимое присутствие которого столь явственно ощущали древние люди. Именно об этом Космосе древних мы и ведем здесь речь, когда говорим о Космосе и космизации. С этой точки зрения заурядный мобильник или компьютер значат для процессов космизации общества гораздо больше, чем все космические корабли вместе взятые.

Учитывая отмеченные выше тенденции и перспективы развития общества, будущее третьего тысячелетия нашей эры можно охарактеризовать как эпоху глобально победившего развитого Космизма, эпоху борьбы за построение на планете Земля новой космической общности людей — Космополиса, населенного «новыми землянами».

Проблема формирования Космополиса в качестве техносферы нового типа — динамичной целостности людей и машин, развивающейся на уровне общекосмических, интерноосферических достижений, является в сущности проблемой построения принципиально новой модели «открытого общества» [5] — открытого общества эпохи космизации.

Информационной базой и одновременно своеобразным символом открытого общества эпохи космизации, скорее всего, окажется «вирус» космического Интернета: взорвав земной Интернет, бесчисленные сайты нового глобального космического Интернета прорубят то окно в не земной мир, через которое могучим потоком потечет пестрая обширная информация и заманчивые предложения со всех концов доступной энергоинформационной Вселенной.

Весьма существенным, однако, представляется то обстоятельство, что реальное осуществление выхода цивилизации в «открытый космос» и реализация возможных космических обменов практически и технически невозможны без существенной *перестройки* защитных оболочек Земли и — как следствие и неизбежная плата — их ослабления, а по ряду слоев и полной ликвидации...

Совершенно очевидно, что сакральное поле Земли теснейшим образом связано с ее защитными оболочками – с ее покровом. В этих условиях космическая «перестройка» и связанные с ней процессы ослабления и ликвидации защитных оболочек Земли неизбежно приведут к трансформации структуры почвы поля земной сакральности.

Как бы ни были космичны те или иные исторические религии, если и до тех пор, пока они религии, т. е. культурные организмы, их космичность носит земной и человеческий характер.

Ликвидация защитных покровов и эрозия почвы Земной сакральности может привести к тому, что ослабленные и захиревшие организмы исторических религий будут вытеснены сильными, эффектными и неприхотливыми «грибами» квазисакральных психотехник не земной и не человеческой природы.

Засилье неведомых сакральных организмов подобного рода, по-видимому, не просто естественным образом снимет с повестки дня

все земные религиозные проблемы, но, скорее всего, по-своему – не по-земному и не по-человечески – их решит.

Ценой подобного «успешного» не человеческого решения религиозных (а возможно, и других – экологических, экономических, социально-нравственных) проблем окажется духовное разорение ойкумены Земли и потеря человеком своей антропной идентичности, того образа и подобия Божия, о котором говорят авраамитические религии. Эта цена не просто огромна – она вообще не поддается никакому измерению. Это необратимая духовная катастрофа.

В настоящее время, когда мы находимся у истоков развития глобального культурно-экологического кризиса, представители всех конфессий призваны осознать, что угроза подобного не человеческого решения религиозных проблем выводит усилия межрелигиозного диалога в пространство описанной выше пугающе реальной перспективы, в свете которой осуществление указанного диалога представляется совершенно необходимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вернадский, В.И.** Научная мысль как планетное явление [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991.
2. **Он же.** Философские мысли натуралиста [Текст] / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988.
3. **Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского** [Текст] / публ., вступ. ст. и примеч. П.В. Флоренского // Новый мир. – 1989. – № 2.
4. **Трофимова, Е.А.** Космизм в русской культуре Серебряного века [Текст] / Е.А. Трофимова. – СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012.
5. **Поппер, К.Р.** Открытое общество и его враги [Текст] / К.Р. Поппер. – Т. 1, 2 – М.: Феникс : Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.

REFERENCES

1. **Vernadskiy V.I.** Nauchnaya mysl kak planetnoye yavleniye. Moscow, Nauka, 1991. (rus.)
2. **Idem.** Filosofskiye mysli naturalista. Moscow, Nauka, 1988. (rus.)
3. **Perepiska V.I. Vernadskogo i P.A. Florenskogo.** Publ., vstup. st. i primech. P.V. Florenskogo. *Novyy mir*, 1989, nr 2. (rus.)
4. **Trofimova Ye.A.** Kosmizm v russkoy kulture Serebryanogo veka. St. Petersburg, Publ. SPbGIEU, 2012. (rus.)
5. **Popper K.R.** Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. T. 1, 2. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyy fond “Kulturnaya initsiativa”, 1992. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ГОГИН Александр Владимирович – доцент кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
ambradox@gmail.com

GOGIN Alexandr V. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
ambradox@gmail.com

УДК 316.624-053.6

А.А. Ощепков

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ У МОЛОДЕЖИ,
СКЛОННОЙ К СУИЦИДАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ***

Aleksey A. Oschepkov

**FEATURES OF SOCIAL ATTITUDES AND VALUE ORIENTATIONS
OF YOUTHS PRONE TO SUICIDAL BEHAVIOR**

Аннотация

В статье анализируются результаты исследования взаимосвязи ценностных ориентаций и социальных установок молодежи, склонной к суицидальному поведению. Методологическая основа исследования – диспозиционная концепция личности В.А. Ядова. Выявлены значимые связи ценностных ориентаций и социальных установок молодежи, склонной к суицидальному поведению.

Ключевые слова

СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ, МОЛОДЕЖЬ, ДИСПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ.

Abstract

In the presented article research of relations between value orientations and social attitudes among youths prone to suicidal behavior are analyzed. Methodological basis of research corresponds to the Jadov's dispositional conception of personality. Considerable interrelations between value orientations and social attitudes of youths prone to suicidal behavior are discovered.

Keywords

SUICIDAL BEHAVIOR, VALUE ORIENTATIONS, SOCIAL ATTITUDES, YOUTHS, PERSONALITY DISPOSITIONS.

Современная ситуация социального развития характеризуется значительной степенью стрессогенности жизнедеятельности человека, что обуславливает актуальность проблем, связанных с социально-психологической адаптацией личности в современном социуме [3, 8]. Современные острые социальные проблемы в наибольшей степени отражаются в сознании молодого поколения, влияя на социальную регуляцию поведения молодого человека, что выражается в различных формах, в том числе и в крайне опасных, таких как суицидальное поведение. В этом плане особенно актуальным становится вопрос об адаптационных возможно-

стях молодежи, связанных с психологическими особенностями личности.

Суицидальное поведение может проявляться в различных формах, от менее опасных – саморазрушающее поведение, направленное на нанесение себе осознанного или неосознанного вреда, до крайне опасных – совершение суицида. При этом суицидальные проявления носят не только внешний характер, они определяют прежде всего деформацией системы внутренней регуляции, которая связана с системой ценностно-нормативных представлений [1]. Нарушение внешних социальных связей тесно связано с деформацией внутренней поведенческой регуляции – ценностных ориентаций и социальных установок.

Таким образом, в изучении суицидального поведения молодежи важное место занимает ценностная сфера личности, поскольку со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-06-00871а «Психосемантическое пространство самосознания личности суицидента».

циальные ценности в процессе социализации становятся системой ценностных ориентаций личности, которые определяют направленность деятельности молодого человека. Взаимодействуя со своим социальным окружением, молодое поколение сталкивается с новыми системами ценностных ориентаций, принимая или отвергая их [4]. В этом смысле особенно важно учитывать особенности ценностных ориентаций молодежи, склонной к суицидальному поведению. Таким образом, проблема приобретает социально-психологический аспект.

Поэтому с целью рассмотрения суицидального поведения молодежи с позиций социально-психологического подхода мы обратились к диспозиционной концепции регуляции социального поведения человека В.А. Ядова, суть которой заключается во взаимосвязи иерархически построенной системы диспозиций личности с поведением и деятельностью человека в социальных ситуациях, рассмотренных в зависимости от уровня сложности [9].

При этом, согласно диспозиционной концепции личности, система ценностей выступает высшим иерархическим уровнем диспозиций, отвечающим за самые важные ориентиры жизнедеятельности человека, в то время как за конкретное поведение в социальных ситуациях отвечает система социальных установок. Однако социальные установки в отличие от базовых представляют собой систему регуляторов социального поведения, направленных на социальное взаимодействие. В этом плане социальные установки формируют особенности социального поведения молодежи, связанного со склонностью к суицидальному поведению, но не представляют готовую систему реакций. Поэтому исследование социальных установок у молодежи позволяет выявить особенности регуляторов их социального поведения, связанных со склонностью к суицидальному поведению [2].

С учетом сказанного склонность к суицидальному поведению у молодежи может быть объяснена следующим образом. В структуре личности молодого человека по мере накопления социального опыта формируется система социальных установок. Данная система регулирует поведение молодого человека, поскольку представляет готовность к системе поступков в той или иной ситуации. В свою очередь, система социальных установок взаимосвязана

с системой ценностных ориентаций, являющейся более высоким уровнем регуляции поведения и определяющей направленность личности на наиболее важные сферы жизнедеятельности. Таким образом, особенности ценностных ориентаций у молодежи, склонной к суицидальному поведению, определяют направленность личности на проявление суицидальной активности, в то время как в социальном поведении именно особенности социальных установок связаны со склонностью к проявлению суицида.

В связи с вышесказанным представляется необходимой проверка гипотезы о взаимосвязи системы ценностных ориентаций и социальных установок личности молодежи и склонности к суицидальному поведению. Отсюда вытекают следующие задачи:

- 1) изучение значения социальных ценностей у молодежи, не склонной к суицидальному поведению (МНСП), и у молодежи, склонной к суицидальному поведению (МССП);
- 2) исследование количественных оценок системы социальных установок у МНСП и МССП;
- 3) выявление взаимосвязей систем социальных установок и ценностных ориентаций у молодежи;
- 4) анализ психосемантического пространства самосознания личности у МССП на основе анализа системы ценностных ориентаций и социальных установок.

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе филиала Ульяновского государственного университета (город Димитровград Ульяновской области). В качестве респондентов выступали студенты 3-го и 4-го курсов в возрасте 19–22 лет, всего 98 человек.

В исследовании использовался метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, направленный на выявление количественных оценок социальных установок личности [5], а также ценностный опросник С. Шварца, ориентированный на измерение мотивационных доменов, определяющих наиболее значимые ценностные ориентиры жизнедеятельности человека [6]. Кроме того, была использована шкала склонности к суицидальному поведению из методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор – А.Н. Орел), являющаяся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для

измерения склонности к реализации различных форм девиантного поведения, в том числе склонности к суицидальному поведению [7].

С целью проверки гипотезы о взаимосвязи системы ценностных ориентаций и социальных установок личности и склонности к суицидальному поведению эмпирические данные были проанализированы при помощи факторного анализа (метод главных факторов, позволяющий получать ортогональные факторы). По полученной факторной матрице, включающей 24 переменные, был проанализирован вклад каждого фактора в общую дисперсию. С целью выявления особенностей взаимосвязи ценностных ориентаций и социальных установок личности молодежи факторный анализ проводился отдельно для групп МНСП и МССП.

В результате факторного анализа данных исследования МНСП было выявлено, что вклад первого фактора составляет 97 % суммарной дисперсии, поэтому процесс факторизации был завершен (табл. 1).

Согласно наибольшему факторному весу первый фактор объединяет социальные установки на духовность и ценности социальной культуры.

Взаимосвязь данных компонентов объясняет то, что МНСП ориентирована на справедливые, взаимные социальные отношения, равные возможности для всех, на чувство собственного достоинства, что связано с адекватной самооценкой. Данная система ценностных ориентиров, в свою очередь, связана также с установками на подлинные, искренние отношения с окружающими, достижение согласия с самим собой, понимание своего предназначения в мире. Таким образом, выделенный фактор свидетельствует в пользу гармоничности личности МНСП и гармоничных взаимоотношений с окружающими их людьми.

Далее был проведен факторный анализ эмпирических данных, полученных в группе МССП. Выявлено, что вклад первых двух факторов составляет 74 % суммарной дисперсии, поэтому процесс факторизации был завершен: описание 74 % суммарной дисперсии мы считаем достаточным для выявления взаимосвязей ценностей и социальных установок (табл. 2).

Первый фактор связывает ценности конформизма и социальных установок на безопасность у МССП. В данном случае взаимосвязь

конформизма и безопасности, характеризующая данную выборку как ориентированных на самоограничение в пользу хороших отношений с окружающими и стремящихся к близким отношениям с людьми, оказывающими поддержку. В этом плане можно рассматривать конформизм, присущий МССП как форму психологической защиты и способ получения чувства безопасности, что может выступать отдельным фактором, предупреждающим о проявлении у молодежи суицидального поведения. При этом стоит отметить, что именно данный фактор является отличительным для данной выборки молодежи, так как второй повторяет взаимосвязи, выявленные у МНСП.

Второй фактор связывает ценности социальной культуры и социальных установок на духовность. Здесь наиболее тесно связываются ориентация на взаимные отношения с окружающими, избегание крайних чувств и поступков и ориентация на внутреннюю гармонию, понимание своего предназначения в жизни.

Данные взаимосвязи систем ценностных ориентаций и социальных установок МССП свидетельствуют о стремлении к налаживанию доверительных, дружеских отношений с окружающими, нахождению смысла в человеческих взаимоотношениях, что выступает фактором, снижающим суицидальный риск.

С учетом сказанного с целью профилактики суицидального поведения и коррекции склонности к суицидальному поведению в молодежной среде возможны следующие рекомендации. Выявленные взаимосвязи свидетельствуют о заниженной самооценке и ориентации на мнения окружающих у МССП, а также стремлении к обретению чувства безопасности, что свидетельствует об испытываемой тревоге. В данном случае необходимо проводить работу, направленную на коррекцию неадаптивных убеждений у молодых людей и развитие уверенного поведения. В этом плане наиболее полезным будет тренинг, направленный на развитие социальной компетентности, адекватных отношений с окружающими и повышение чувства собственного достоинства. Повышение самооценки и развитие навыков социального взаимодействия, несомненно, будут содействовать снижению уровня суицидального риска и развитию здоровой личности.

Таблица 1

Факторная матрица взаимосвязей систем ценностных ориентаций и социальных установок МНСП

Номер п/п	Название переменных	Фактор 1
<i>Ценности</i>		
1	Наслаждение	0,0003
2	Достижения	0,0004
3	Социальная власть	0,0004
4	Самоопределение	0,0004
5	Стимуляция	0,0004
6	Конформизм	0,0031
7	Социальность	0,0002
8	Безопасность	-0,0002
9	Зрелость	-0,0001
10	Поддержка традиций	0,0003
11	Социальная культура	0,4944
12	Духовность	-0,0001
<i>Социальные установки</i>		
13	Наслаждение	0,0003
14	Достижения	0,0002
15	Социальная власть	0,0003
16	Самоопределение	0,0003
17	Стимуляция	0,0009
18	Конформизм	-0,0001
19	Социальность	0,0002
20	Безопасность	0,0032
21	Зрелость	-0,0009
22	Поддержка традиций	0,0004
23	Социальная культура	0,0003
24	Духовность	0,4949

Таблица 2

Факторная матрица взаимосвязей системы ценностных ориентаций и системы социальных установок МССП

Номер п/п	Название переменных	Фактор 1	Фактор 2
<i>Ценности</i>			
1	Наслаждение	0,0004	0,0063
2	Достижения	0,0002	-0,0002
3	Социальная власть	-0,0001	-0,0021
4	Самоопределение	0,0002	0,0036
5	Стимуляция	-0,0004	-0,0064
6	Конформизм	0,4972	0,0078
7	Социальность	0,0002	0,0047
8	Безопасность	0,0004	0,0072
9	Зрелость	0,0004	0,0075
10	Поддержка традиций	0,0003	0,0056
11	Социальная культура	0,0024	0,4937
12	Духовность	-0,0001	-0,0026
<i>Социальные установки</i>			
13	Наслаждение	0,0005	0,0077
14	Достижения	0,0008	0,0141
15	Социальная власть	0,0002	0,0034
16	Самоопределение	0,0004	0,0074
17	Стимуляция	0,0004	0,0067
18	Конформизм	-0,0002	-0,0037
19	Социальность	0,0003	0,0054
20	Безопасность	0,4972	0,0076
21	Зрелость	0,0007	0,0129
22	Поддержка традиций	0,0003	0,0054
23	Социальная культура	0,0005	0,0077
24	Духовность	0,0024	0,4921

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. С позиции анализа суицидального поведения подростков во взаимосвязи особенностей личности и социальной ситуации склонность к суицидальному поведению у молодежи может быть объяснена следующим образом. Личность молодого человека, как система иерархически выстроенных диспозиций, представляет взаимосвязанную систему социальных установок и ценностных ориентаций. При этом система ценностных ориентаций определяет направленность личности молодежи на наиболее важные сферы жизнедеятельности, а

система социальных установок регулирует поведение молодого человека, поскольку представляет готовность к системе поступков в той или иной ситуации. В этом плане особенности ценностных ориентаций МССП определяют направленность личности на проявление суицида, а в социальном поведении особенности социальных установок связаны со склонностью к его проявлению.

2. Выделенные факторы взаимосвязей ценностных ориентаций и социальных установок МССП свидетельствуют о стремлении к компенсации заниженной самооценки и объясняют особенности личности молодого человека с

высоким уровнем суицидального риска. Сказанное выражается в конформизме, присущем МССП, как форме психологической защиты и способе получения чувства безопасности.

3. В рамках профилактических и коррекционных мероприятий, направленных на решение проблем суицидального поведения в молодежной среде, можно порекомендовать проводить работу, направленную на коррекцию неадаптивных убеждений у молодых людей и

развитие уверенного поведения. В этом плане наиболее полезным будет тренинг, направленный на развитие социальной компетентности, адекватных отношений с окружающими и повышение чувства собственного достоинства. Повышение самооценки и развитие навыков социального взаимодействия, несомненно, будут содействовать снижению уровня склонности к суицидальному поведению и развитию здоровой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беличева, С.А.** Основы превентивной психологии [Текст] / С.А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 221 с.
2. **Ефимова, О.И.** Гетеро- и аутоагрессивное поведение в контексте исследования социально-психологической компетентности [Текст] / О.И. Ефимова // Психология компетентности личности: исследования, практика, образование: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 1–3 октября 2009 г.). – Ульяновск, 2009. – С. 51–55.
3. **Маклаков, А.Г.** Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Текст] / А.Г. Маклаков // Психолог. журн. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
4. **Петровский, А.В.** Теоретическая психология [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология» / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Academia, 2001. – 496 с.
5. **Серкин, В.П.** Семантические дифференциалы [Текст] / В.П. Серкин // Методы психосемантики. – М.: АспектПресс, 2004. – С. 80–95.
6. **Шапарь, В.Б.** Практическая психология. Инструментарий [Текст] / В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 768 с.
7. **Шапарь, В.Б.** Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов [Текст] / В.Б. Шапарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 448 с.
8. **Шестопалова, Л.Ф.** Ценностно-смысловая сфера личности со специфическими расстройствами и склонностью к противоправному поведению [Текст] / Л.Ф. Шестопалова, Т.А. Первозная // Психолог. журн. – 2003. – № 3. – С. 66–71.
9. **Ядов, В.А.** О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Текст] / В.А. Ядов // Методол. проблемы социальной психологии. – М.: Наука, 1975. – С. 89–105.

REFERENCES

1. **Belicheva S.A.** *Osnovy preventivnoi psikhologii*. Moscow, Sotsial'noe zdorov'e Rossii, 1994. 221 p. (rus.)
2. **Efimova O.I.** Getero- i autoagressivnoe povedenie v kontekste issledovaniia sotsial'no-psikhologicheskoi kompetentnosti. *Psikhologiya kompetentnosti lichnosti: issledovaniia, praktika, obrazovanie: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ul'ianovsk, 1–3 okt. 2009 g.)*. Ul'ianovsk, 2009. Pp. 51–55. (rus.)
3. **Maklakov A.G.** Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial: ego mobilizatsiia i prognozirovanie v ekstremal'nykh usloviakh. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, t. 22, nr 1, pp. 16–24. (rus.)
4. **Petrovskii A.V., Iaroshevskii M.G.** *Teoreticheskaiia psikhologiya*. Moscow, Academia, 2001. 496 p. (rus.)
5. **Serkin V.P.** *Semanticheskie differentsialy. Metody psikhosemantiki*. Moscow, AspektPress, 2004. Pp. 80–95. (rus.)
6. **Shapar' V.B.** *Prakticheskaiia psikhologiya. Instrumentarii*. Rostov n/D, Feniks, 2005. 768 p. (rus.)
7. **Shapar' V.B.** *Prakticheskaiia psikhologiya. Psikhodiagnostika grupp i kollektivov*. Rostov n/D, Feniks, 2006. 448 p. (rus.)
8. **Shestopalova L.F., Perevoznaia T.A.** Tsennostno-smyslovaia sfera lichnosti so spetsificheskimi rasstroistvami i sklonnost'iu k protivopravnomu povedeniiu. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, nr 3, pp. 66–71. (rus.)
9. **Iadov V.A.** O dispozitsionnoi reguliatsii sotsial'nogo povedeniia lichnosti. *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii*. Moscow, Nauka, 1975. Pp. 89–105. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ОЩЕПКОВ Алексей Александрович – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Димитровградского инженерно-технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

Россия, 433511, Ульяновская обл., Димитровград, ул. Куйбышева, д. 294
sladkod@yandex.ru

OSCHERKOV Aleksey A. – *Dimitrovgrad Engineering-Technological Institute – branch of National Researching Nuclear University “Moscow Engineering-Physical Institute”.*

Kujbyshev str., 294, Dimitrovgrad, Ulyanovsk reg., 433511, Russia
sladkod@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 1/316.77

А.В. Денисков

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ СОЦИУМЕ И ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Anton V. Deniskov

INTERACTION DESIGN OF SOCIAL SUBJECTS IN INFORMATION SOCIETY AND KNOWLEDGE SOCIETY

Аннотация

В статье проанализировано содержание дискуссии о природе информационного общества в современной социальной философии с целью построения концепции проектирования взаимодействий социальных субъектов, формирующихся в техногенных средах. Исследуется связь социальных трансформаций с развитием информационных технологий. Изложено видение современного социума как общества знания. Подчеркивается практическая значимость проблемы проектирования взаимодействий социальных субъектов в анализе этапов развития информационного социума как общества знания.

Ключевые слова

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО, ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ, ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Abstract

The article analyzes the content of the discussion about the nature of the information society in modern social philosophy with the aim of building design concepts interactions of social actors in the emerging technological environments. The relation between social transformation with the development of information technology. Sets out a vision of modern society as a knowledge society. Emphasizes the practical importance of the problem of designing the interactions of social actors in the analysis of the stages of development of the information society as a knowledge society.

Keywords

INFORMATION SOCIETY, KNOWLEDGE SOCIETY, INTERACTION DESIGN, SOCIAL SUBJECTS AND INFORMATION TECHNOLOGY.

Изучение отношений между социальными субъектами в современном обществе является насущной задачей, актуальной практически для каждой сферы общественной жизни. Информационно-технологические среды, ставшие неотъемлемой частью нашей жизни, создают особый род социальной реальности, в существенной мере определяющий взаимодействие субъектов в обществе. Социум, наполненный высокотехнологичными предметами, формирует менталитет личности, постоянно и осознанно изменяющей окружающую действительность посредством трансформации приобретенных знаний в конкретные действия.

О необходимости проектирования взаимодействий в технической сфере говорил в своих трудах в 1940-х годах американский ученый Н. Винер [1]. Позднее, в 1968 году, деятельность Римского клуба – международной ассоциации ученых и бизнесменов – положила начало развитию технологий проектирования социальных взаимодействий в ходе обсуждения перспектив развития общества, стоявшего перед угрозой развязывания новой мировой войны. В настоящее время процесс взаимодействия социальных субъектов в информационном обществе является предметом пристального изучения, что объясняется возросшей интенсивностью

информационных процессов и аспектов, связанных с потреблением информации.

В истории философии теоретические предпосылки изучения взаимодействия социальных субъектов заложены Э. Дюркгеймом (в теории социального реализма), М. Вебером (в типологии социального действия), Дж. Хомансом (в модели обмена), Ф. Фукуямой (в концепции социального доверия).

Так, американский исследователь Ф. Фукуяма основой социального взаимодействия предлагает считать мораль как социальный капитал, образующий, по мнению ученого, потенциал общества и создаваемый посредством таких культурных механизмов, как религия, традиция, обычаи. Социальный капитал Фукуяма сравнивает с храповиком, который легко идет в одну сторону и не идет в другую. Он может быть легко растрочен, но его уже не удастся собрать вновь.

В развитом человеческом обществе, по мнению Фукуямы, взаимодействие субъектов зиждется на доверии: успех самореализации каждого конкретного общества — как отдельной семьи, так и государства в целом — зависит не от рыночных принципов, а от уровня доверия, существующего в обществе [2].

Концепцию доверия Фукуяма положил в основу классификации человеческих обществ. По распространенности доверия в современных иерархических структурах он делит общества на избранные (высокий уровень доверия) и «легковесы» (низкий уровень доверия). Например, в первую группу попали такие государства, как США, Германия, Япония, во вторую — Китай, Мексика, Франция, Италия, страны Восточной Европы и бывшего СССР.

Принцип социального взаимодействия, описанный американским социологом Дж. Хомансом, был открыт исследователем при изучении отношений между членами рабочей бригады. Ученый пришел к выводу, что в основе взаимодействия социальных субъектов лежат три элемента: задание — взаимодействие — установка. Получив задание и вступив во взаимодействие, члены бригады постепенно вырабатывают твердые установки, которые и становятся основой их отношений. Хоманс трактует рациональное поведение участников малой группы как процесс обмена действиями, когда каждый стремится получить от другого максимальные материальные и нематериальные выгоды.

Для анализа перспектив развития современного социума актуальны постановка и изучение проблемы проектирования взаимодействий социальных субъектов в информационном обществе, где сетевые технологии играют ведущую роль в управлении экономикой, в процессах самоорганизации социальной системы, в формировании общественного мнения. Вопросы проектирования взаимодействий относятся к предмету исследования широкого спектра научных направлений: социальной философии, кибернетики, социологии, психологии, педагогики, теории журналистики, филологии, культурологии. Сочетание теоретической базы целого ряда общественных наук и эмпирических наработок отдельных направлений прикладного характера, таких как информационная архитектура, графический дизайн, создание цифрового продукта, дало миру не просто новый термин «проектирование взаимодействий», но принципиально иной ключевой подход к решению множества вопросов человеческой жизни.

В настоящее время исследователи приходят к выводу о необходимости ввести в широкий научный оборот идею создания обобщающей концепции проектирования взаимодействий как целостной парадигмы развития современного общества, которая может быть сформирована с учетом междисциплинарного подхода к масштабному изучению информационно-техногенных сред. В связи с этим актуальной задачей философии становятся определение места информационного общества в ряду этапов общественного развития и описание его характерных черт.

Термин «информационное общество» был впервые использован в книге «Производство и распространение знания в Соединенных Штатах» (1962). Ее автор, американский экономист Ф. Машлуп, одним из первых занялся анализом информационного сектора экономики на примере США. Ряд исследователей считают, что автором термина является профессор Токийского технологического института Ю. Хаяши, который стал употреблять его в своих лекциях еще в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Первую концепцию информационного социума предложил Й. Масуда в книге «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1983), где исследователь описал будущее социума XXI века как новую

утопию, получившую у него название «компьютопия». Масуда назвал важнейшими чертами информационного социума высокий уровень автоматизации производства, всеобщий доступ к источникам информации. Структуру грядущего общества он представлял основанной на компьютерных технологиях, призванных усиливать умственный труд человека. Новой производительной силой, по мнению Масуды, будет информация (в предшествующей, индустриальной, стадии движение вперед обеспечивалось созданием материальных ценностей), а ведущей отраслью экономики – интеллектуальное производство, продукцией которого будут новые знания.

В дальнейшем западноевропейские и американские философы предложили целый ряд описаний информационного общества, содержащих общие для всех исследователей выводы, что переход к информационному обществу стал одной из важнейших тенденций трансформации мира, в которой определяющую роль играет не индустрия, а информация. Знание становится экономическим объектом и рассматривается как главная ценность. Новая эпоха инициирует новый способ производства, продуктивность которого определяется информационным сектором. Сравнивая индустриальное общество с информационным, исследователи также отмечают, что последнее имеет большую степень полиморфизма и отличается присутствием культурно гомогенного среднего класса.

Выделяя суть информационной революции, М. Кастельс [3] отмечает, что основными характеристиками информационного общества являются: высокий уровень развития компьютерной техники, большой поток информации, увеличение возможностей доступа к информации для широкого круга людей, развитие интеллектуальных и информационных технологий, создание развитой телекоммуникационной инфраструктуры.

Формирование концепции информационного общества происходило в несколько этапов. Уже в 1970-х годах обозначилось направление, подчеркивавшее приоритет научного знания как важнейшего ресурса социокультурной интеграции, обладающего объективностью и практической силой. Несколько позже ученые отказались от монополии научной информации, начали отдавать должное любому

знанию, имеющему значение для общества, способствующему расширению общественных возможностей.

В 1980 году американский исследователь Д. Белл в книге «Социальные рамки информационного общества» дал характеристику современной ему стадии развития постиндустриального общества, в котором основу структуры социума составляла информация. Особый акцент он придал значению телекоммуникаций для экономической и социальной жизни людей в следующем столетии. Американский социолог М. Постер в конце 1980-х годов стремился привлечь внимание общественности к такой социально значимой проблеме, как распространение информации, подчеркивая необходимость пересмотра нормы социальных взаимодействий на новом этапе развития коммуникативных средств. Интересно, что Постер говорил о возможности отмены частной собственности на информацию еще в то время, когда Интернет не был доступен широко.

Современные аналитики определяют информационный социум как глобализирующееся общество (У. Бек), общество виртуального соприсутствия (Э. Гидденс), незавершенный модерн (Ю. Хабермас), сетевое общество (Н. Луман). Определяя место информационного социума в ряду этапов общественного развития, исследователи предлагают рассматривать такую очередность стадий: доиндустриальное общество как аграрное, индустриальное, постиндустриальное, информационное. В настоящее время выделена и следующая – постинформационная стадия развития социума, с которой ассоциируется *общество знания*, объединяющее компоненты техносферы и социально-политические, этические, культурные, духовные параметры социальной динамики.

В современном социуме, по мнению ряда разработчиков концепции общества знания (Г. Бехманн, П. Дракер, Н. Штер), все сферы жизнедеятельности ориентированы на достижения в области информационных и коммуникативных технологий. Адекватная оценка их значимости поможет человеку корректировать правильность своих действий в соответствии с присущими его личностному миру представлениями, в буквальном смысле не потерять человеческое лицо и избежать участи кибернетического робота.

Идея о необходимости объединения технологических достижений и духовных элементов социальных субъектов была высказана еще в XX веке французским философом и политическим мыслителем М. Фуко в книгах «Археология знания» и «Воля к знанию», где автор постулировал свой философский подход к анализу современных обществ, утверждая, что игнорирование социальных аспектов развития чревато серьезными издержками в функционировании социума. Современность подтвердила достоверность идей Фуко о необходимости исследования социальных и управленческих взаимодействий, о высочайшем социальном статусе знания, роли информации в управлении обществом, контроле над существующими информационными потоками. С помощью индустрии сверхтехнологий, предупреждал ученый, человек способен трансформировать не только мир социального бытия, но и живую природу, в том числе иммунную систему человека, интеллект, нейросистему. В итоге человечество может оказаться погруженным в общество непредсказуемых опасностей. Фуко, подчеркивая неявную власть знания, призывал адекватно оценивать перспективы, открывшиеся человечеству в условиях техногенного общества.

Анализ общества знания как постинформационной стадии развития социума целесообразно начать с концепции П. Дракера, изложенной им в книге «Постэкономическое общество» (1993). Патриарх современного менеджмента отмечал, что информационное общество превращается в социум, где знание становится главным ресурсом, движущей силой социального и экономического развития [4].

Термин «общество знания» начали использовать американские исследователи в середине XX века. Многие считают, что к появлению этого термина привело определение главенствующей роли знания (а не информации) в структуре современного социума. Исследователь Н. Штер предложил называть обществом знания такую форму жизни, в которой знание становится организующим принципом всего общества.

Современная философия еще не сформулировала единого определения общества знания. Однако признается, что знание имеет в современном обществе доминирующее значение, а определяющую роль в процессах производства информации играют наука и техника, что на

смену термину «информационное общество» неминуемо придет понятие «общество знания», поскольку информация – это только средство в процессе создания новых знаний. Общей для всех исследователей является мысль о том, что возникающее новое общество вносит изменения в само ядро существовавшей до сих пор социальной структуры. В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (1995) утверждается, что создание общества, основанного на знаниях, имеет определяющее значение для улучшения качества жизни, укрепления социальных связей, гуманизации процесса глобализации. Авторы доклада заявили, что сегодня знание может служить для определения качественного состояния общества, так как оно превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов.

Немецкий философ Г. Бехманн, проанализировав несколько теорий общества знания, признает, что значение знания возрастает во всех сферах жизни и во всех социальных институтах развитого общества. Ученый замечает, что знание не является только ключом к постижению тайн природы, но становится производительной силой, создающей материальную основу общества [5].

Современная коммуникативная реальность является порождением информационного социума и общества знания. Взаимодействие субъектов в этой социальной среде имеет свои особенности.

1. Информационные технологии, становящиеся фундаментальной основой общества знания, развиваются в нарастающем темпе, что определяет систему отношений индивидов в условиях техногенного общества. Избыточное информационное воздействие на человека приводит к существенным изменениям в его представлениях о мире, о понятиях добра, истины и т. д. Бурный рост коммуникативных технологий требует выработки особой стратегии защиты социальных субъектов от деструктивного информационного воздействия. В качестве примера можно привести фильтр родительского контроля.

2. В информационном обществе появляется возможность с помощью технологий проектирования взаимодействий манипулировать социальными субъектами, искусственно формировать модель социальной среды, в которой

человек, совершая свои поступки, ориентируется на навязанные стереотипы, не являющиеся продуктом его собственных духовных и интеллектуальных наработок. Средства массовой коммуникации, к которым обращается человек в поисках нужных данных, заняты борьбой за аудиторию, информация, которую они предлагают, не всегда способствует формированию в гражданском обществе позитивных представлений о нормах взаимодействия субъектов социальных отношений. В этих условиях необходима постоянная корректировка взаимоотношений членов социальной структуры с миром техники. Примером может являться появившаяся в информационном обществе возможность у экстремистских группировок вовлекать в свое движение большее (по сравнению с другими типами обществ) количество людей.

3. Развивающиеся коммуникативные технологии способствуют передаче конкретному индивиду исторического опыта предшествовавших эпох, традиций мировой и отечественной культуры. Однако в большом потоке информации этот исторический опыт легче исказить, и у социума появляется риск повторения ошибок прошлого, в то время как новые знания должны способствовать подъему на новый виток развития. В этом заключается один из парадоксов информационного общества.

4. Бурное развитие коммуникативных технологий обозначило еще одну особенность информационного общества, получившую название информационного (познавательного, цифрового) разрыва, — неравномерность в уровне возможностей доступа к знаниям и информации. Информационный разрыв существует между членами общества, относящимися к различным социальным слоям. Этому способствует неодинаковый уровень доступа к информации между странами и даже отдельными регионами внутри одной страны.

Нужно отметить, что неравенство в уровне доступа к знаниям существовало и в других типах социума, но особенностью информационного общества становится резкое изменение масштабов познавательного разрыва, которые приобретают гигантские размеры. Если представить, что существует возможность в количественном выражении определить цифровой разрыв между самым неинформированным членом общества и самым информированным, то, как нам представляется, в других социумах он составил бы примерно 60 единиц информации, в современном мире — в огромное число раз больше.

Основной принцип мира денег, к которому относится и постиндустриальное общество, — «богатые богатеют, бедные беднеют» можно применить к миру знаний: «богатые информацией богатеют, бедные информацией становятся еще беднее».

5. Техногенная среда способствует формированию у социального субъекта качеств и свойств, необходимых для адаптации в информационном социуме. Когда появились компьютеры, человек освоил навыки работы с ними. Однако в мире социальных сетей произошла замена форм взаимодействия субъектов. Совсем недавно виртуальное общение воспринималось лишь как незначительное дополнение к живым отношениям. Особенностью информационного общества стало появление большого количества людей, формирующих свои отношения в виртуальной сфере.

6. В условиях техногенного социума перед обществом встал вопрос о необходимости обеспечения информационной безопасности как государств (борьба с информационными угрозами), так и отдельных личностей (проблема защиты данных). Государства стали использовать компьютерные технологии с целью вмешательства во внутренние дела других стран, появились новые технологии ведения информационных войн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Винер, Н.** Нелинейные задачи в теории случайных процессов [Текст] / Н. Винер. — М.: Иностранная литература, 1961. — 160 с.
2. **Фукуяма, Ф.** Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004.
3. **Кастельс, М.** Информационная эпоха [Текст] / М. Кастельс. — М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

4. **Дракер, П.** От капитализма к обществу знания [Текст] / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — 368 с.
5. **Бехманн, Г.** Современное общество. Общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / Г. Бехманн. — М.: Логос, 2010. — 248 с.

REFERENCES

1. **Viner N.** Nelineinye zadachi v teorii sluchainykh protsessov. Moscow, Inostrannaia literatura, 1961. 160 p. (rus.)
2. **Fukuiama F.** Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniiu. Moscow, AST, 2004. (rus.)
3. **Kastel's M.** Informatsionnaia epokha. Moscow, Publ. GU VShE, 2000. 608 p. (rus.)
4. **Draker P.** Ot kapitalizma k obshchestvu znaniia. *Novaia postindustrial'naia volna na Zapade. Antologiya.* Pod red. V.L. Inozemtseva. Moscow, Academia, 1999. 368 p. (rus.)
5. **Bekhmann G.** Sovremennoe obshchestvo. Obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniia. Moscow, Logos, 2010. 248 p. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ДЕНИСКОВ Антон Владимирович — *соискатель кафедры философии Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.*
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
deniskov_anton@mail.ru

DENISKOV Anton V. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*
Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
deniskov_anton@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013

УДК 766:003.63

В.В. Лаптев

ИНФОГРАФИКА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Vladimir V. Laptev

INFOGRAPHICS: BASIC CONCEPTS AND DEFINITIONS

Аннотация

В статье приведены основные понятия и определения в инфографике как составной части культурного пространства и особом направлении коммуникационного дизайна. Уточнен терминологический аппарат, обоснована предметная область применения. Рассмотрены составные части инфографики, определен круг вопросов, связанных с решением общественно значимых задач.

Ключевые слова

ИНФОГРАФИКА, ВИЗУАЛИЗАЦИЯ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА, ТЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ, СЕМИОТИКА, ГРАФЫ.

Abstract

In the article presents the basic concepts and definitions in the infographics as an integral part of the cultural space and the specific direction of the communication design. The author refined terminological apparatus, justified the subject area of application. Considered components of the infographics, defined range of issues to address socially important problems.

Keywords

INFOGRAPHICS, VISUALIZATION, PICTORIAL STATISTICS, THEMATIC MAPPING, SEMIOTICS, GRAPHS.

Современные способы передачи информации не могут обойтись без ее графического представления. Визуальные образы наилучшим образом считываются человеком. При этом сохраняется актуальная потребность в наличии четких и ясных целей решаемых задач и, конечно, полного понимания пользователем представленной идеи. Для этого дизайнеру необходимо доступно передать информацию в условном графическом виде, убрав все лишнее и сохранив при этом привлекательность подачи.

Информационная графика по историческим меркам относительно недавно вошла в состав дизайна. Само понятие сформировалось во второй половине XX века, объединив несколько областей проектной деятельности. Так,

для обозначения количественных графиков и структурных схем-графов ранее использовались следующие обозначения: «изобразительная статистика», «деловая графика» «научно-техническая графика». Графическое распределение хозяйственных, климатических, геологических показателей осуществляли экономические и тематические карты с использованием знаковых систем в виде условных знаков и пиктограмм. Семиотика отвечала за толкование визуальной навигации в аэропортах и на вокзалах, за дорожные знаки и знаки безопасности на производстве.

Термин «инфографика» сегодня широко используется как в сфере коммуникативного дизайна, так и в других профессиях, связан-

ных с предоставлением информационного обеспечения деятельности человека. Это касается экономики, управления, научных исследований, журналистики, научно-популярной публицистики, образования, пропаганды, рекламных и бизнес-коммуникаций. Благодаря стараниям средств массовой информации понятие «инфографика» стало широко известно на бытовом уровне.

Графическая подача информации или знаний приобрела в последние десятилетия значительную популярность среди дизайнеров. Однако, несмотря на ее активное использование, границы, определяющие инфографику как отдельный вид художественно-проектной деятельности, сегодня определены недостаточно четко. Отсутствуют или имеют двоякое толкование основные понятия и определения. Размыты критерии оценки проектов, содержащих информационную графику. Недостаточно полно сформировано поле знаний об этом предмете, что приводит к многочисленным лакунам, которые заполняются непроверенными высказываниями и несистематическими исследованиями. Не случайно инфографика до сих пор не включена в учебные планы высшей школы по подготовке бакалавров и магистров по направлению «Дизайн».

Существуют теоретические исследования, посвященные вопросам визуализации информации. Однако в большинстве своем они не дают исчерпывающей характеристики данного направления в художественно-проектной деятельности, не предоставляют целостной картины, системы понятий и принципов функционирования инструментов инфографики. По сути дела, они раскрывают определенный аспект этого вопроса или сосредоточены на описании практических приемов, не раскрывающих полностью механизм работы информационного дизайнера. В результате оценки отечественных и зарубежных материалов можно сделать вывод, что большинство авторов изучают скорее не инфографику в целом и даже не отдельную часть, а ее приложение в конкретной дисциплине: философии, семиотике, психологии, статистике, картографии, экономике, журналистике и пр.

Недостаточная разработанность теоретической базы этого направления художественно-проектной деятельности связана прежде всего

с тем, что инфографика – направление дизайна, находящееся на стадии формирования. Оно складывается из практического опыта визуализации статистических данных, представления местности на картах и планах, семиотики, инженерной графики, визуальной эргономики и др. Все это обуславливает необходимость проведения настоящего исследования.

Инфографика – это область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний. Используется для быстрой и четкой передачи вербальной информации с формированием связанных с ней визуальных образов. Как часть медийных коммуникаций инфографика имеет междисциплинарный характер. Она напрямую относится к средствам массовой информации, и ее изучают журналисты. В ней остро нуждаются математики и социологи, экономисты и статистики. По словам бельгийского ученого П. Луи (P.J. Lewi), автора известного эссе, инфографика может быть определена как «перевод чисел в форму рисунка, эскиза или поясняющего плана или иллюстрации» [4, с. 12].

Однако не только числа являются исходными данными. Перевод в форму графики может производиться в отношении неколичественных значений: знаков, местоположения, взаимосвязей. Порой такое деление не в состоянии описать инфографику, визуально преобразующую массивы знания. Например, школьные наглядные пособия по биологии, астрономические схемы или конструктивные чертежи, показывающие работу сложных механизмов. Здесь можно увидеть тесную связь между инфографикой и иллюстрацией. С помощью иллюстрации – рисунка, чертежа, схемы – можно представить какое-либо явление или процесс в форме, удобной для зрительного восприятия. Этой функцией наделена и фотография. Все это можно определить термином «визуализация».

Визуализация является основой современного информационного проекта. Без соответствующих графических образов невозможно представить результаты научного исследования или технических разработок, успешный учебный процесс или журналистский репортаж. Провести грань между научно-технической визуализацией и инфографикой – чрезвычайно

сложная задача. Чтобы отнести объект к той или иной категории, необходимо опереться на ряд критериев оценки. Американский ученый Р. Косара (R. Kosara) считает основным отличием между инфографикой и визуализацией отношение к эстетике восприятия. В частности, в заметке «Разница между инфографикой и визуализацией» («The Difference Between Infographics and Visualization», 2010) он рассуждает: «Визуализация создается программой, которая может быть применена к различным наборам данных. Инфографика – это индивидуальная работа для конкретного набора данных. <...> Визуализация носит общий характер, инфографика – специфический. Визуализация свободна от контекста, инфографика зависит от контекста. Визуализация (в основном) генерируется автоматически, инфографика – результат ручной работы, требующей настройки и понимания со стороны автора» [3].

Российские исследователи, например И.В. Голубятников и Н.Е. Мильчакова, рассматривают этот вопрос несколько шире, принимая инфографику как частный случай дизайн-визуализации. «Дизайн-визуализация – это художественное представление идеи дизайнера в виде изображения, медиа-объекта и т. д., воздействующее определенным образом на анализатор или систему анализаторов, акцентирующее внимание на определенных деталях изображения, которые являются наиболее значимыми по замыслу дизайнера. Другими словами – это квинтэссенция информации, которую необходимо донести до зрителя, покупателя, потребителя с помощью художественных приемов и компьютерных программ, используемых в дизайне. Применение художественных и дизайнерских приемов (сочетание цвета, фактуры, текстуры и т. д.) в создании различных видов визуализации, например в рекламе, дает возможность расставить необходимые акценты для фиксирования внимания» [1, с. 62].

Действительно, главное отличие дизайн-визуализации от визуализации в широком понимании этого слова заключается в применении художественных приемов, стилизации, законов композиции и теории цвета. Поэтому техническая визуализация сама по себе не может быть инфографикой.

Рентгеновский снимок в медицине или тематический граф, конструктивный чертеж или

архитектурный план, принципиальная схема радиотехнического устройства или блок-схема алгоритма программы – все это может быть лишь составной частью дизайн-визуализации. Любительское фото – это зрительная фиксация, например, детского праздника или морского путешествия. Однако не каждую фотографию можно отнести к дизайн-продукту. Пространственная модель помещения, выполненная в 3D-редакторе также не может рассматриваться как дизайн-визуализация до тех пор, пока дизайнер не расставит необходимые зрительные акценты. Аналогичное мнение о диаграммах, картах и схемах, формируемых без участия творчества, без учета эстетики восприятия.

Визуализация – это прежде всего инструмент, который сам по себе не принадлежит к области искусства. Визуализацию можно представить в виде технологии, процесса превращения числовых данных, местоположения, взаимосвязей и знаний в форму рисунка, эскиза, поясняющего плана или иллюстрации. Очевидно, что информационный дизайн использует визуальное представление данных для того, чтобы усилить познание, делает процессы, явления и части окружающей действительности видимыми и понятными. С помощью инфографики то, что не доступно для невооруженного глаза или просто не имеет визуальной природы, становится простым и понятным благодаря формируемым образам. Для географической местности информационным портретом выступает карта, для числовых данных – абстрактный график зависимости, для принципа работы устройства – руководство пользователя.

Можно сформулировать основные признаки, с помощью которых можно отличить инфографику от иллюстрации или научно-технического изображения. Это схематичность, условность и эстетичность.

Для того чтобы передать массивы чисел и связей или позиционирование объекта на карте, как правило, используются упрощенные решения. Подобная схематичность позволяет заострить и сконцентрировать внимание читателя на определенных выводах, усилить восприятие необходимых идей. Для этого избыточные данные, лишние ориентиры, ненужные подробности отбрасываются. Когда проектируется график, географический план или структурная

таблица, данные о количестве, местоположении, взаимосвязях, структуре объекта визуально подаются в упрощенном виде, без лишних деталей и пояснений. И в этом схематичном представлении информации в графическом виде — сама суть инфографики.

В качестве примера можно привести тематическую картографию. При отображении на картах, например, экономических явлений применяются специальные способы схематизации. Географические ориентиры используются только для определения общего положения ареалов распространения сельскохозяйственных культур или главных центров промышленного производства. На карте остаются лишь береговая линия, крупные судоходные реки, основные населенные пункты. Схематичность подачи может распространиться и на привычные контуры. Так, в структурной картограмме распределения земель, приведенной в IV томе «Статистики Российской империи», фактические границы губерний и уездов были приведены к ортогональной структуре. Такая схематизация была сделана для удобства картометрических вычислений площади земель.

Второй признак инфографики — ее условность — заключается в процессах кодирования-декодирования информации. Сначала она зашифровывается дизайнером, представляется им в графическом виде, а затем разгадывается читателем. Декодирование визуальной информации является повседневной функцией восприятия, но в области информационной графики это приобретает особый оттенок графической загадки. Можно сказать, что инфографика является ребусом, шарадой, визуальной задачей, решение которой повышает самооценку, а символно-графическая композиция подсознательно воспринимается дополнительным положительным импульсом. Например, использование в изобразительной статистике секторных диаграмм в первой половине XX века рассматривалось как «комплимент интеллекту человека» [2, с. 132].

Графические схемы, диаграммы и карты — это не только инструменты, которые привлекают внимание читателя. Зашифрованная ими информация должна считываться, а затем и тщательно исследоваться. Главная цель инфографики состоит в том, чтобы быть в первую очередь понятной, а уже затем — красивой. Безусловно,

эстетика имеет большое значение. Но эстетика в информационном дизайне основывается не только на общеизвестных законах композиции или хорошей колористике. Привлекательной станет графика с понятной иерархией информации, изящной — по своим функциональным возможностям, интересной — из-за детализированного построения изображения.

Рассмотрение инфографики как части изобразительного искусства может привести к логичному вопросу: а чем, собственно, инфографика отличается от простой иллюстрации? Такая постановка вопроса может быть справедливой для случая, когда графическое изображение включается в состав сложного объекта, состоящего, например, из текстовой составляющей, фотоматериала, рисунков и т. п. Средства массовой информации представляются как раз такой оболочкой для разнородного материала, служащего для передачи информации.

Для слишком многих в журналистике инфографика — это всего лишь художественное оформление издания. Это дополнительная декорация, такая графическая бравада, украшающая страницы журнала или газеты, привлекающая нетерпеливых читателей легкостью восприятия публикуемой информации. Отсюда вытекает мнение об инфографике как иллюстрации, насыщенной графическими элементами для расшифровки информации. Чем занимательнее будет процесс считывания, тем дольше будет поддерживаться интерес к статье и изданию в целом. Декоративность инфографики только усиливает впечатление от увиденного у неискушенного читателя.

Можно взглянуть на другую область применения инфографики — визуальное представление результатов научных исследований или технических разработок. Она расширяет возможности нашего познания, компактно и доходчиво объясняет явление или закономерность, показывает внутреннее строение и принцип действия. Поэтому возникает аналогичный вопрос: чем инфографика отличается от простого чертежа или принципиальной схемы? Не случайно в отдельных источниках приводят опубликованные сто лет назад в научно-популярных журналах конструкторские чертежи как примеры ранней информационной графики. Однако это не так. Отсутствие эс-

тетичности приводит к тому, что такое изображение можно отнести не к информационной, а к инженерной или научно-технической графике, от которой требуется прежде всего ясность передаваемой идеи.

Ключевым вопросом определения графического изображения как инфографики может стать его принадлежность к дизайну. Имелось ли в работе сочетание инженерной и художественной составляющей? Ответ на этот вопрос позволяет продемонстрировать две разные группы, различающиеся по отношению к художественной декоративности изображения: эмоциональную и рациональную инфографику.

В первой группе наиболее характерной является информационная графика, тяготеющая к образной декоративности, выполненная для журналистики и научно-популярной публицистики, начального и среднего образования, агитации и пропаганды, рекламы и PR. Задача, стоящая перед дизайнером, заключается в привлечении и удержании внимания зрителя. Графические образы должны быть убедительными и в то же время интересными.

Вторая группа объединяет информационную графику экономики и управления, бизнес-коммуникаций, научных исследований и высшего образования. К рациональной инфографике относятся пиктограммы навигации в среде и для интерфейсов, знаки изобразительных языков. Здесь доминирует лаконичность визуального образа, минимализм в представлении. В основе – удобство визуального восприятия, ясность идеи, однозначность толкования.

В обеих группах производится дизайн-визуализация, которая балансирует между декоративностью и информативностью, эмоциональностью и сухими графиками. Общим остается вопрос необходимости и достаточности изобразительных приемов для раскрытия темы сообщения. И этим должен заниматься дизайнер. Поэтому проектирование инфографики как элемента коммуникативного дизайна включает в себя композиционные вопросы формообразования, колористический поиск, выбор необходимых технических средств визуализации и соответствующей типографики, учет эстетического восприятия в целом.

Информационная графика формировалась из порой несовместимых концепций, методов и процедур, заимствованных из мно-

гих областей науки. Принципы проектирования карты взяты из картографии, а правила представления числовых данных в виде диаграммы – из статистики. Графические схемы управления пришли из производства, а наглядные разрезы – из инженерной графики. Типографика вошла в состав информационного проекта с методикой применения текстовых элементов. Также из графического дизайна заимствованы правила композиционного построения и цветных палитр. И, конечно же, необходимо обозначить инструментарий программного обеспечения для получения эффективной динамической или интерактивной инфографики.

Формирование теории информационного дизайна еще не закончено, как не закончено научно-техническое и технологическое развитие человечества. Поэтому историю инфографики невозможно рассматривать в отрыве от истории Homo sapiens. В различных способах графического представления информации заключены ответы на простые вопросы – «что?», «где?», «сколько?», «когда?», «как?», – которые помогут определить состав инфографики.

Вид – изображение сущности, выполненное рисунком с разной степенью достоверности, – отвечает на вопросы «что?» или «кто?» Внешний вид может раскрывать структуру объекта, показывать основное строение, невидимое в обычных условиях, выявляемое с помощью транспарантности или разрезов. Иллюстрация с подробными или, наоборот, упрощенными деталями относится к естественным характеристикам объекта и становится составной частью инфографики.

Вид может быть выражен условным знаком или символом; использовался задолго до начала развития письма для обозначения субъектов, предметов, понятий, действий, явлений. Изобразительный язык в виде условных образов-рисунков и петроглифов предшествовал развитию письменности, когда знаки потеряли семиотическую значимость. Возвращение знаков происходит в XX веке под лозунгом: «Слова разделяют, изображения объединяют». Не случайно австрийский социолог, основатель нового изобразительного языка О. Нейрат (O. Neurath), представляя визуальную автобиографию, назвал ее «От иероглифов к Изотайпу» («From hieroglyphics to Isotype: a visual

autobiography», 2010). Таким образом он провел параллели между современным пиктограммами и знаковыми системами прошлого.

Знаки и символы стали неотъемлемой частью инфографики. Они используются в международных изобразительных языках (Isotype, Blissymbolics, Locos, The Elephants Memory), в графических системах дорожного движения и промышленной техники безопасности, в интерфейсах управления. Знаковые системы визуальной навигации применяются на транспорте, в городском и общественном пространстве, для отдельных событий и мероприятий, например для Олимпийских игр. Пиктограммы используются в тематических картах и на планах для условного обозначения, в фигурных диаграммах для представления количественных отношений.

Вопрос о естественном месте объекта, области его нахождения, позиционирования относительно окружающих элементов относится к инфографике. Существует мнение, что картография является ее составной частью. Географическая карта уже является схематичным условным изображением земной поверхности. Однако в полной мере к инфографике ее отнести нельзя, так как информация носит общий характер. Скорее, это пример визуализации. Не случайно в последние десятилетия картография переживает технологический бум автоматизации построения с использованием достижений аэро- и космической фотосъемки.

Карты и планы в инфографике – это скорее заготовки для дальнейшей работы дизайнера. Современное использование различного рода картосхем и картограмм позволяет за счет схематизма и условности изображения получить в наглядной форме общее представление о явлении или событии, подчеркнуть его существенные характеристики. Обобщенный характер картосхем позволяет концентрировать внимание зрителя на важных точках и объектах, оставляя без внимания картографическую сетку, масштаб, а порой и саму географическую достоверность.

Архитектурный план, разрез на техническом чертеже, анатомическое строение, представленные с применением соответствующих принципов визуализации, выполняют схожую с географическими картами функцию. Отвечают на вопрос «где?» Здесь ориентирами для по-

зиционирования могут выступать оси разреза, направления сторон света, привычные контуры строения тела, предметное окружение. Конечно, это не сравнить с основательной концепцией определения географического положения посредством долготы и широты, которая была основана на совершенно абстрактных положениях и значениях.

Но географические карты имели основную цель – ориентирование в пространстве посредством координатной сетки. Они оказали непосредственное влияние на развитие не менее абстрактных функциональной графики и статистических диаграмм. По сути, координатная сетка становится прообразом идеи целой отрасли математики – аналитической геометрии.

Графическое представление числовых значений является основой количественной инфографики. Появление систем координат (прямоугольных и полярных) дало возможность развития графического метода в статистике. Изображение чисел с помощью геометрических образов позволяет визуализировать данные в фундаментальных и прикладных науках: физике, химии, биологии, социологии, экономике, медицине. На долгое время статистическая информация становится главным объектом применения инфографики. Практически весь XIX век – эпоха исследований в области графического метода представления числовых данных.

Первые образцы диаграмм, разработанные пионером инфографики У. Плейфером (W. Playfair), являются ответом на вопрос «сколько?» и графическим способом интерпретируют количественные взаимоотношения. В качестве геометрического образа в первых графиках, представленных в «Коммерческом и политическом атласе» («The Commercial and Political Atlas», 1786) выступали непрерывные кривые и ломаные линии, столбики и полосы, круги и их сектора. Многообразие инструментов позволило количественной инфографике быстро завоевать популярность и распространиться в различных отраслях науки. Представление числовых данных в виде графиков переходит в число наиболее обсуждаемых вопросов на международных конгрессах и конференциях по статистике, регулярно проводившихся во второй половине XIX века.

Диаграммы становятся непременным атрибутом инфографики.

Графический ответ на вопрос о положении во времени впервые был дан английским ученым Дж. Пристли (J. Priestley). Он опубликовал «График биографии» («A Chart of Biography», 1765) и «Новый график истории» («A New Chart of History», 1769), выдержавшие множество переизданий. В этих работах визуализирована история человечества и отдельных государственных и общественных деятелей, начиная с 1200 года до н. э. и заканчивая 1750 годом н. э. Это был первый пример таймлайна (*англ.*: *timeline*), выполненного на оси времени. Графики в виде полос отвечали лишь на один вопрос: «когда?» В семейство временных графиков входят и хронограммы, в которых добавлены количественные данные о характере явлений или процессов во времени. Этот тип определен как «график, показывающий интенсивность явления в различные периоды времени с изменением (подъемом и падением) кривой в системе координат, определяемых масштабом измерения и хронологией» [5, с. 196]. Данный термин в настоящее время мало употребляется, вместо него используется понятие «временной динамический ряд».

Сегодня таймлайны и хронограммы не выделяются в отдельный класс из-за наличия системы координат и близости их линейным и полосовым диаграммам. Они присоединяются к количественной инфографике из-за схожести с временными динамическими рядами, представленными полосовыми и линейными диаграммами.

Важной составной частью инфографики являются изображения логической взаимосвязи элементов объекта, образующих единое целое, раскрывающие строение, структуру, иерархию, состав и классификацию (ответ на вопрос «как?»). В этом случае не имеют значения количественные отношения или местоположение объекта, а важны его связи: внутренние или внешние. Старейшим примером визуализации взаимосвязей является генеалогическое древо, когда в виде графического изображения пред-

ставляются родственные связи в различных поколениях одного рода или семьи.

Отцом теории графов (так же, как и топологии) является Л. Эйлер (L. Euler), решивший в 1736 году широко известную в то время задачу, называвшуюся проблемой кенигсбергских мостов. Для доказательства того, что она не имеет решения, Эйлер обозначил каждую часть суши точкой (вершиной), а каждый мост – линией (ребром), соединяющей соответствующие точки. Получился геометрический образ задачи – «граф».

Различные типы графов используются в схемах управления производством, в календарных графиках и структурных схемах. На графическом изображении связей построены классификации и разработки в области генетики. Ментальные или ассоциативные карты (*англ.*: *mind map*) являются типичным примером визуализации принятия решений или описания сложной иерархичной проблемы. Табулирование – это всего лишь частный случай ортогональной матричной схемы соответствия горизонтальных строк и вертикальных столбцов, в ячейках которой могут находиться как числовые данные, так и условные знаки или другая информация. Например, результаты футбольного турнира.

Таким образом, можно сделать вывод, что инфографика представляет собой дизайн-визуализацию, графический образ совокупности идей и мыслей, донесенных просто, ясно и точно, с высокой степенью достоверности и результативности. Она имеет несколько составных частей. Это количественная инфографика (графическое представление числовых данных), инфографика местоположения, инфографика связей, семиотическая и иллюстративная инфографика. Эти части-направления в отдельных сложных случаях объединяются и дополняют друг друга. К примеру, тематические карты кроме местоположения представляют количественные показатели, а фигурные диаграммы изображают числа с помощью пиктограмм. Несомненно, каждое направление инфографики достойно отдельного кропотливого исследования и изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Голубятников, И.В.** Визуализация в дизайне [Текст] / И.В. Голубятников, Н.Е. Мильчакова // Дизайн. Теория и практика. – 2012. – № 10. – С. 61–66.
2. **Eells, W.C.** The relative merits of circles and bars for representing component parts [Text] / W.C. Eells // J. of the American Statistical Association. – 1926. – Vol. 21. – P. 119–132.
3. **Kosara, R.** The Difference between Infographics and Visualization [Electronic resource] / R. Kosara // EagerEyes. – 2010. – Access mode: <http://eagereyes.org/blog/2010/the-difference-between-infographics-and-visualization> (reference date: 08.07.2013).
4. **Lewi, P.J.** Speaking of Graphics. An Essay on Graphicacy in Science, Technology and Business [Electronic resource] / P.J. Lewi // DataScope. – 2006. – Access mode: <http://www.datascope.be/sog/SOG-Preface.pdf> (reference date: 08.07.2013).
5. **Meitzen, A.** Geschichte, Theorie und Technik der Statistik [Text] / A. Meitzen. – Berlin: W. Hertz, 1886. – 214 s.

REFERENCES

1. **Golubyatnikov I.V., Milchakova N.E.** Visualization in Design. *Design. Theory and Practice*, 2012, nr 10, pp. 61–66.
2. **Eells W.C.** The relative merits of circles and bars for representing component parts. *J. of the American Statistical Association*, 1926, vol. 21, pp. 119–132.
3. **Kosara R.** The Difference between Infographics and Visualization. *EagerEyes*. 2010. Access mode: <http://eagereyes.org/blog/2010/the-difference-between-infographics-and-visualization> (reference date: 08.07.2013).
4. **Lewi P.J.** Speaking of Graphics. An Essay on Graphicacy in Science, Technology and Business. *DataScope*. 2006. Access mode: <http://www.datascope.be/sog/SOG-Preface.pdf> (reference date: 08.07.2013).
5. **Meitzen A.** Geschichte, Theorie und Technik der Statistik. Berlin, W. Hertz, 1886. 214 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ЛАПТЕВ Владимир Владимирович – доцент кафедры инженерной графики и дизайна Института металлургии, машиностроения и транспорта Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат искусствоведения.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
laptevsee@yandex.ru

LAPTEV Vladimir V. – St. Petersburg State Polytechnical University.
Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
laptevsee@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

УДК 7.03(47+57)+75.05

Р.А. Федотова

ПОНЯТИЕ «ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» В ИСТОРИОГРАФИИ И ЕГО СВЯЗЬ С ТЕОРИЕЙ ИСКУССТВА

Rimma A. Fedotova

THE CONCEPT "LITURGICAL SPACE" IN THE HISTORIOGRAPHY AND ITS RELATION TO THE THEORY OF ART

Аннотация

В статье представлен обзор основных подходов к определению понятия «литургическое пространство» в историографии. Анализируется значимость данного понятия в контексте изучения средневековой иконописи. Рассматриваются его особенности и связь с представлениями об ансамбле и синтезе в теории искусства.

Ключевые слова

ИКОНА, ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ИСТОРИОГРАФИЯ, АНСАМБЛЬ, СИНТЕЗ, ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Abstract

The article presents an overview of the main approaches to the definition of "liturgical space" in historiography. Analyzes the significance of this concept in the context of the study of medieval icons. Discusses its characteristics and relationship with the concepts "ensemble" and "synthesis" in the theory of art.

Keywords

ICON, LITURGICAL SPACE, HISTORIOGRAPHY, ENSEMBLE, SYNTHESIS, MEDIEVAL RUSSIAN PAINTING.

Поиски комплексного метода, позволяющего приблизиться к пониманию феномена иконописного произведения, приводят, как к одному из возможных вариантов, к интерпретации функциональной стороны иконы, т. е. к анализу памятника в контексте богослужебного ритуала. Кроме того, интерпретация произведений древнерусской живописи в рамках той среды, для которой они были созданы, позволяет существенно расширить изучаемую проблематику, поскольку отсылает нас к основополагающим понятиям теории искусства — понятиям ансамбля и литургического пространства. Цель данной работы — выявить основные подходы в историографии к интерпретации понятия «литургическое пространство» и его соотнесение с понятиями «ансамбль» и «синтез».

Традиционно противопоставляется пространство священное (сакральное), упорядоченное и профанное, аморфное. В данном

случае речь идет о противопоставлении сферы «культурной» (преобразованной) и сферы внешней (дезорганизованной). Упорядоченность сакрального пространства строится на основе определенного идеального образа (условимся называть его сверхзадачей). (Ср. у А.Г. Габричевского: «Процесс выявления и фиксирования в искусствах пластических... осуществляется тем, что живое движение воспринимается как оставляющее за собой след или отпечаток на неорганизованной, аморфной материи, причем отпечатывается та часть его, которая переживается как ценная» [1, с. 470–471].)

Сверхзадача может выражаться в материальной форме, персонифицирующей эту сверхзадачу. В дохристианских культурах таким воплощением являются тотем, священная роща и т. п. В христианстве это реликвия, икона или святыня, представляющая собой конкретное воплощение духовного постижения реальности

и смысла бытия реципиентом. Таким образом, храмовая структура как сакральное пространство, облекаемое в архитектуру, индивидуализировано, т. е. «замкнуто, отграничено и противостоит всему остальному; а этот момент индивидуации переживается как ценность положительная, как нечто устойчивое и увековеченное» [1, с. 470].

А.М. Лидов разработал концепцию реликвии, организующей такое пространство. В его представлениях «все пространство храма... становилось мистически бесплотной средой, единой чудотворной реликвией-иконой» [2, с. 9]. Церковные святыни, находящиеся в интерьере церковной постройки, определяли отношение к внутреннему пространству прежде всего как к пространству сакральному. Аналогичный подход наблюдаем у О.Ю. Тарасова, И.А. Шалиной.

Принципиальное отличие, отмеченное Д.С. Лихачевым, связано с пониманием *категории времени* в языческом и христианском ритуале: если идол – бог сам по себе, а икона – «изображение воображаемого воплощенного», то для обрядового фольклора настоящее время – настоящее в собственном смысле слова, а для христианского ритуала – это настоящее время сейчас совершающегося события и одновременно изображение «вечности» [3, с. 221].

Сакральное пространство иерархично. Ю.М. Лотман отмечает: «С усложнением механизма культуры простое противопоставление... сменяется иерархией: внутри замкнутого пространства выделяются иерархически более «высокие» его участки» [4, с. 319]. Однако в христианской философской традиции, идущей от Дионисия Ареопагита, иерархичность – понятие, которое присутствует изначально, определяя «соответствующую последовательность... пространственного прочтения сверху вниз сакрально значимых объектов – икон, книг, храмов» [5, с. 175]. Цель всякой иерархии, по словам Дионисия Ареопагита, заключается в уподоблении по мере возможности Богу и соединении с Ним. Соединение с Творцом происходит в таинстве евхаристии, для церковного сооружения сверхзадача – совершение литургии, «ибо храм есть алтарь в возможности, поскольку он освящается, когда священнодействие восходит к своей высшей точке» [6, с. 218].

У А.Г. Габричевского та же мысль развита применительно к пластическим искусствам:

человек, осваивая окружающее пространство, «закрепляет за собой ценные для себя пространственные объемы, как бы окружая себя последовательными слоями, которые отграничиваются им от остального, иррационального еще пространства, соответствующими оболочками» [1, с. 472]. Этот процесс отграничения ученый предлагает начинать с самого человеческого тела, которое является внешним по отношению к его душевно-духовной сущности. Одной из основных характеристик преобразованного пространства для Габричевского оказывается, таким образом, его антропоморфность. Отметим важность данного замечания применительно к понятию литургического пространства, переживаемого и, в известной степени, создаваемого человеком, ведь в сферу его внимания попадало, по словам преп. Феодора Студита, и то, что «подлежит ощущению, осязанию и имеет цвет», и то, что «через созерцание разума обнимается мыслью» [5, с. 175]. (Таким образом, одной из ключевых характеристик преобразованного сакрального пространства в христианской традиции становится его христоцентризм.)

Итак, определяющим для понятия литургического пространства является вопрос *смысловой и функциональной связи архитектуры и ритуала*, храма (в значении «не-святилище», т. е. помещение, где только священнодействуют) и богослужения. Каждое здание имеет свою функцию, которая определяет его характеристики, в том числе и художественно-эстетические, «...по существу же для культовой архитектуры функциональность – это связь обряда и пространства храма (формирующегося как пространство литургическое) в их взаимообусловленном развитии» [7, с. 5].

В научной литературе можно выделить два направления решения этой проблемы: во-первых, выявление характеристик литургического пространства применительно к определенному периоду развития культовой архитектуры; во-вторых, более широкая интерпретация понятия, предполагающая опору на философские категории.

Направление 1. Н.Г. Грибунина решает проблему литургического пространства на материале памятников I–V веков. Анализируя раннехристианские культовые здания в контексте богословских и эстетических взглядов эпохи,

она приходит к выводу, что в рассматриваемую эпоху определяющей для храмовых сооружений становится идея Небесного Иерусалима. Структура внутреннего пространства (направленное движение к алтарю) отвечала положению трех главных сакральных событий, вспоминающихся во время литургии: Тайной Вечери, Распятия и Воскресения. В целом Грибунина уделяет больше внимания архитектурным формам, опираясь на высказанное С.С. Ванеяном понимание храмовой архитектуры как «системы трансцендирующих ориентиров, правил движения... предназначенных для онтологического паломничества» [8, с. 207]. (Сам С.С. Ванеян исходит из эквивалентности храмового и литургического пространства.)

К этому же направлению относятся взгляды Вл.В. Седова. Опираясь на конкретные архитектурные формы, создающие храмовое пространство, ученый ставит своей задачей создание типологии сакральных пространств и выявление «культурного содержания» того или иного типа или конкретного образца. Эта методика обогащает предложенную Г.К. Вагнером иерархию древнерусских храмовых ансамблей, созданную им на основе трудов Д.С. Лихачева. Сама классификация «соборный жанр – придворный жанр – приходской храм» опирается уже не столько на внешние формальные признаки и конструктивные особенности, но ключевыми для ее построения становятся собственно характеристики сакрального пространства (понятия образа храма, его функции и т. п.). В первую очередь это отчетливо прослеживается на примере суждений Вл.В. Седова о национальных особенностях русского храмового пространства по сравнению с архитектурой средневизантийской эпохи. В частности, им выявлены особенности древнерусской архитектуры как «мистической по духу, но княжеской по масштабам, монументальности и столичным интенциям» [9, с. 570]. По образному выражению прот. Сергия Булгакова, мистика есть воздух православия, т. е. архитектурные элементы, оформляющие литургическое пространство храма, непосредственно служат выражением упоминавшейся выше сверхзадачи, что имеет чрезвычайно важное значение для нашей темы.

Некоторые коррективы в понимание классификации Г.К. Вагнера позволяют внести замечания о. Александра (Федорова). Если Вагнер в

большей степени исходил из социально-экономических критериев, мы предлагаем свое деление памятников по типам на основе эмоционально-психологического аспекта и функции храма, а также исходя из регламентации богослужения различными вариантами богослужебного устава (исходя из типа храма). А М.В. Вдовиченко в своем специальном исследовании, посвященном соборным храмам XVII века, особое внимание уделяет статусу таких сооружений.

Рассматривая сакральное пространство как знаковую систему, А.В. Иконников придавал решающее значение индивидуальному опыту человека («это тексты образные, обращенные к сфере эмоций не в меньшей степени, чем к сфере рассудка» [10, с. 163]) и коллективной памяти культуры в целом, когда речь шла об интерпретации и о прочтении этой системы. Исходя, как и А.Г. Габричевский, из дуализма «функция – знак», присущего окружающим человека вещам, Иконников использует семиотический подход. По мнению исследователя, воздействие архитектурного интерьера и его составляющих на человека осуществляется в нескольких плоскостях: практическая ориентация деятельности в этом пространстве, информация о культуре, обществе, значимых ценностях и социальный (личностный) слой. Еще одна особенность такой знаковой системы – это ее разворачивание не во времени, а в пространстве.

Проблема сакрального пространства на основе монастырских памятников северорусского христианства решается рядом авторов, в том числе Э.Л. Базаровой, которая обращается к сфере ландшафтной архитектуры, справедливо отмечая *роль ритуала* в формировании сакрального пространства. Однако взгляд на искусство как на «вспомогательную область» по отношению к религии, «способствующую привлечению верующих» [11, с. 165], является, по нашему мнению, ограниченным. Напротив, сакральное искусство неотделимо от ритуала, так как одновременно и формируется им, и оформляет его. Особенно если речь идет об отношении литургического пространства к своей сверхзадаче. Последняя организует пространство, но вне его не имеет во внешнем мире формы. Все внешние формы литургического пространства служат выражением сверхзадачи и одновременно создают условия для ее реализации во внешней среде (т. е. собствен-

ный признак литургического пространства — сверхзадача).

Направление 2. По мнению Х. Бельтинга, литургическое пространство формируется как сочетание храмового интерьера и временной составляющей — праздников церковного года. То есть категория пространства не существует вне категории времени. Шире, но в том же русле, вопрос решается М. Кено: «Литургия и икона дополняют друг друга, так как одна развивается во времени, другая движется в пространстве» [12, с. 58]. К. Онаш уточняет: «вокруг чудотворной иконы, взятой в пространстве в определенном месте, течет время, имеющее определенный момент, возможность. То есть в литургическом пространстве категория времени рассматривается как «временная вечность» или «вечная временность» [13, с. 271].

П. Евдокимов углубляет это понимание. Для него особое значение приобретает именно сверхзадача, оформлением которой в конечном итоге и становится литургическое пространство, «культ возвышает материю до истинного ее достоинства и предназначения» [14, с. 34].

По учению Церкви, на небесах непрестанно совершается литургия — «и служат Ему день и ночь в храме Его» (Откр. VIII: 15), т. е. литургическое пространство — надвременное. «Ограниченные здесь временем, мы причастимся вечности, когда дойдем до нетленного и неизменного века» [15, с. 285]. Идея о непрерывном богослужении, вечной литургии праведников оформляется в восточнохристианской традиции уже к V столетию.

Как показал В.Д. Черный, средневековой культуре свойственны два понимания времени — линейное (горизонтальное и вертикальное) и центрическое [5, с. 186–187]. И именно служба вовлекала человека в храмовое действие, моделируя и оживляя вехи библейской истории. Однако церковь — это образ горнего мира на земле, поэтому, по словам П. Евдокимова, даже в промежутках между богослужениями храмовое пространство воспринимается как литургическое, ибо «все здесь живет ожиданием священнодействия» [14, с. 175]. Как писал М. Арранц, говоря о евхаристии, «мы выходим из нашей реальности, чтобы войти в Божию реальность, отказываясь от своей точки зрения, чтобы смотреть на вещи глазами самого Бога» [16, с. 519–520] (ср. икона. — *Р. Ф.*). Важным

моментом, однако, становится факт освящения храма. Устав запрещает совершение литургии в неосвященном храме.

Таким образом, мы предлагаем трактовать литургическое пространство как сочетание двух составляющих: онтологической (существует во времени и пространстве как статичная форма независимо от субъекта восприятия) и антропологической. То есть это, с одной стороны, ансамбль здания и интерьера, воспринимающийся как «пространственная икона» [9], с другой — наличие определенного обрядового действия, одушевленного эмоционально-психологическим состоянием его совершителей и участников. Мы считаем, что второй компонент является определяющим.

Икона как объект, помещенный в литургическое пространство, становится составляющей ансамблевой структуры храма, при этом само понятие ансамбля является основополагающим для понимания его организации. Для Н.Г. Грибуниной показателем завершения генезиса христианской культуры к V веку является именно формирование парадигмы культового действия как ансамблевой структуры.

Вл.В. Седов, анализируя византийские источники, описывающие архитектуру византийского храма, приходит к заключению, что и строй сооружения, и эстетические взгляды византийцев свидетельствуют о цели создателей и заказчиков — «создание архитектурными средствами помещения для молитвы, в котором через архитектонику отображается (но не изображается) многообразие, сложность и цельность мира» [17, с. 112]. Кроме того, некоторые авторы, например Пселл (в описании монастыря св. Космы и Дамиана), отмечают, что для достижения этой цели использовался синтез разных видов искусств, в том числе ландшафтное и садовое искусства.

Сакральное пространство тесно связано с идеей упорядоченности, причем не простой упорядоченности, а ориентированной на приобщение находящегося в нем реципиента к структурообразующей идее. Искусство ансамбля всегда имело «жизнеустроительную функцию», а его элементы выражали мировоззрение человека.

Ключевое значение для определения понятия ансамбля имеют взгляды свящ. Павла Флоренского (доклад «Храмовое действие как синтез искусств»), поскольку сочетают в себе теорети-

ко-искусствоведческую составляющую и свято-отеческие представления, в частности опору на систему идей св. Максима Исповедника и Симеона Нового Богослова. Говорить о синтезе искусств, по его мнению, можно применительно к древнейшим этапам развития изобразительного искусства (речь идет о выражении синкретизма мышления древнего человека в рамках мегалитической культуры). Дальнейшее развитие художественной культуры, считал Флоренский, проходило по пути самоопределения видов искусства, параллельно шел процесс усиливающейся их интеграции. Вершиной этого становится богослужение. Таким образом, ансамбль внутреннего пространства храма формируется не на основании стремления к единству художественного стиля как такового. Средоточием «первоединой деятельности» является литургия. Элементы пространства, подчиненного богослужению, существуют в органическом единстве — архитектурный компонент, музыкальная составляющая, иконопись, литургическая поэзия. То есть ансамбль — это, как отмечала М.А. Некрасова, единство всех составляющих элементов, формирующихся как «целостность во времени» (выделено М.А. Некрасовой. — *Р. Ф.*) [18, с. 16].

Ю.А. Олсуфьев, изложивший свои теоретические взгляды в одном из докладов, посвященных иконописным памятникам из Троице-Сергиевой лавры, соглашается с мнением П. Флоренского, определяя характеристики ансамблевой структуры с помощью особенностей психологии восприятия. Рецепция в данном случае происходит как синтез сущностных аспектов каждого из воспринимаемых объектов (путь от частей к целому).

Взгляды свящ. Павла Флоренского легли в основу представлений богословов второй половины XX столетия, в частности П. Евдокимова, уделившего большое внимание в своих работах проблеме формирования храмового пространства как ансамбля: «Литургия создает свое обрамление: архитектурную структуру храма, формы и цвет, поэзию и пение; ее гармонический ансамбль обращен к человеку в целом. Ее возвышенный дух требует трезвости, чувства меры и художественного вкуса» [14, с. 40–41]. В представлениях Евдокимова сверхзадача, преодолевающая хаос и аморфность окружающего мира, формирует пространство, называе-

мое сакральным. Литургическое пространство, в том значении, которое мы придаем этому понятию, является таким пространством, в котором преодолевается противоположение составляющих, «совершается единство во Христе, наше единосушие с Ним» [Там же. С. 150], т. е. составляющие являются ансамблем.

Теоретическое осмысление проблемы ансамбля представлено в ряде работ Ю.М. Лотмана. Действительно, для организации внутреннего пространства храма как ансамбля особо значим тот факт, что, помимо размещения разных предметов, сама структура вводит в создаваемое ею пространство дополнительную составляющую, которая становится ключевой, по отношению к которой собственно ансамбль начинает играть служебное положение [4, с. 317].

Главное отличие ансамбля храмового пространства от ансамбля вообще — это то, что каждая его составляющая действительно говорит о той сверхзадаче, которая есть. Имеет место глубокое органическое единство всех частей по отношению к целому. Поэтому даже сочетание разновременных, разностилевых элементов является ансамблем. Конечно, по мнению И.Ф. Муриана, стиль помогает объединить разные виды искусства «под одной крышей», однако он подчеркивал, что истинным ансамблем является канонический синтез, т. е., как мы отмечали выше, необходимо единство взгляда на мир, причем взгляда, направленного «по вертикали» [19, с. 16]. Так и Ю.М. Лотман считал, что, несмотря на значительное единство интерьера православного храма, «произведение искусства в контексте своего естественного ансамбля соседствует не только с произведениями других жанров, но и других эпох» [4, с. 317–318].

По мнению Лотмана, ансамбль — соотношение разно- или одновременных объектов, интерьер — это «непосредственная связь различных вещей и произведений искусства внутри некоторого культурного пространства. Эта непосредственная связь отражает реальное функционирование различных искусств в том или ином (исторически данном) коллективе» [Там же. С. 318]. Действительно, ансамбль формируется как система, выражающая родовую память общества, т. е. эта структура тесно связана с понятием традиции.

Наметив основные пути изучения поставленного вопроса в научной литературе, можно

подвести некоторые итоги. Междисциплинарный подход при интерпретации произведений древнерусской живописи приводит к необходимости привлечения материала теологических дисциплин, что представляется наиболее спорным и неоднозначным с точки зрения историко-искусствоведческого анализа. Однако понимание смысла иконы и, как следствие, анализ

ее художественной формы, непосредственно выражающей содержание, возможны в контексте ее функции в богослужебном ритуале. Таким образом, справедливым становится обращение к источникам и исследовательским работам, в которых, так или иначе, затронута тематика догматического богословия, в частности учение о благодати, о таинствах и пневматология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Габричевский, А.Г.** Морфология искусства [Текст] / А.Г. Габричевский. — М.: Аграф, 2002. — 864 с.
2. **Лидов, А.М.** Священное пространство реликвий [Текст] / А.М. Лидов // Христианские реликвии в Московском Кремле. — М.: Радунница, 2000. — С. 3–12.
3. **Лихачев, Д.С.** Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д.С. Лихачев. — М.: Наука, 1979. — 352 с.
4. **Лотман, Ю.М.** Художественный ансамбль как бытовое пространство [Текст] / Ю.М. Лотман // Избр. статьи. В 3 т. Т. 3. Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. — Таллинн: Александра, 1993. — С. 316–322.
5. **Черный, В.Д.** Зримые образы слова (истоки, функции и выразительные возможности древнерусских изображений) [Текст] / В.Д. Черный // Герменевтика древнерусской литературы. — Вып. 11 / Об-во исследователей Древней Руси; отв. ред. М.Ю. Люстров. — М.: Языки славянской культуры : Прогресс-традиция, 2004. — С. 173–201.
6. **Максим Исповедник, преп.** Избранные творения [Текст] : [пер. с греч.] / Максим Исповедник; вступ. ст., коммент. и прил. А.И. Сидорова. — М.: Паломник, 2004. — 496 с.
7. **Александр (Федоров), игумен.** Образно-символическая система композиции древнерусского города [Текст] / Александр (Федоров). — СПб.: Специальная литература, 1999. — 199 с.
8. **Храм земной и небесный** [Текст] / сост. и авт. предисл. Ш.М. Шукуров. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 584 с.
9. **Седов, Вл.В.** Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект [Текст] / Вл.В. Седов // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А.М. Лидов. — М.: Индрик, 2006. — С. 556–578.
10. **Иконников, А.В.** Поэтика архитектурного пространства [Текст] / А.В. Иконников // Иск-во ансамбля: Худож. предмет. Интерьер. Архитектура. Среда / сост., науч. ред. и авт. предисл. М.А. Некрасова. — М.: Изобразит. иск-во, 1988. — С. 163–204.
11. **Базарова, Э.Л.** Культура русских поморов: опыт системного исследования [Текст] / Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе, А.В. Окороков [и др.]; под общ. ред. П.Ю. Черношвитова. — М.: Научный мир, 2005. — 400 с.
12. **Кено, М.** Воскресение и икона [Текст] / М. Кено; пер. с фр. В. Василика. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье : Общ-во любителей церковной истории, 2001. — 280 с.
13. **Онаш, К.** Иконы. Чудо духовного преобразования [Текст] / К. Онаш, А. Шнипер; пер. с нем. С.П. Гиждеу, С.К. Дмитриева, Т.М. Котельниковой, Ю.Г. Малкова, И.А. Орешковой. — М.: Интербук-бизнес, 2001. — 302 с.
14. **Евдокимов, П.** Искусство иконы. Богословие красоты [Текст] / П. Евдокимов; пер. с фр. иером. Димитрия (Захарова) и Е.Л. Майданович. — Клин: Христианская жизнь, 2005. — 384 с.
15. **Дионисий Ареопагит.** Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника [Текст] / Дионисий Ареопагит; пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова. — 2-е изд., испр. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. — 464 с.
16. **Арранц, М.** Избранные сочинения по литургике [Текст]. В 5 т. Т. 5. Введение в таинства Византийской традиции / М. Арранц. — М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. — 568 с.
17. **Седов, Вл.В.** Килисе Джамии: Столичная архитектура Византии [Текст] / Вл.В. Седов. — М.: Индрик, 2008. — 336 с.
18. **Некрасова, М.А.** Проблема ансамбля в декоративном искусстве [Текст] / М.А. Некрасова // Иск-во ансамбля: Худож. предмет. Интерьер. Архитектура. Среда. — М.: Изобразит. иск-во, 1988. — С. 13–42.
19. **Муриан, И.Ф.** К проблеме синтеза в искусстве стран Азии [Текст] / И.Ф. Муриан // Синтез в иск-ве стран Азии. — М.: Наука, 1993. — С. 9–23.

REFERENCES

1. **Gabrichevskii A.G.** Morfologiya iskusstva. Moscow, Agraf, 2002. 864 p. (rus.)
2. **Lidov A.M.** Sviashchennoe prostranstvo relikvii. *Khristianskie relikvii v Moskovskom Kremlе*. Moscow, Radunitsa, 2000, pp. 3–12. (rus.)
3. **Likhachev D.S.** Poetika drevnerusskoi literatury. Moscow, Nauka, 1979. 352 p. (rus.)
4. **Lotman Iu.M.** Khudozhestvennyi ansambl' kak bytovoe prostranstvo. *Izbrannye stat'i*. V 3 t. T. 3. Stat'i po istorii russkoi literatury. Teoriia i semiotika drugikh iskusstv. Mekhanizmy kul'tury. Melkie zametki. Tallinn, Aleksandra, 1993. Pp. 316–322. (rus.)
5. **Chernyi V.D.** Zrime obrazy slova (istoki, funktsii i vyrazitel'nye vozmozhnosti drevnerusskikh izobrazhenii). *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Vyp. 11. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, Progress-traditsiia, 2004. Pp. 173–201. (rus.)
6. **Maksim Ispovednik, prepodobnyi.** Izbrannye tvoreniia. Moscow, Palomnik, 2004. 496 p. (rus.)
7. **Aleksandr (Fedorov), igumen.** Obrazno-simvolicheskaiia sistema kompozitsii drevnerusskogo goroda. St. Petersburg, Spetsial'naia literatura, 1999. 199 p. (rus.)
8. Khram zemnoi i nebesnyi. Sostavitel' i avtor predisloviia Sh.M. Shukurov. Moscow, Progress-Traditsiia, 2004. 584 p. (rus.)
9. **Sedov V.I.V.** Sakral'noe prostranstvo drevnerusskogo khrama: arkhitekturnyi aspekt. *Ierotopiia. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow, Indrik, 2006. Pp. 556–578. (rus.)
10. **Ikonnikov A.V.** Poetika arkhitekturnogo prostranstva. *Iskusstvo ansambliia: Khudozhestvennyi predmet*. *Inter'er. Arkhitektura. Sreda*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988. Pp. 163–204. (rus.)
11. **Bazarova E.L., Bitsadze N.V., Okorokov A.V. et al.** Kul'tura russkikh pomorov: opyt sistemnogo issledovaniia. Pod obshchei redaktsiei P.Iu. Chernosvitova. Moscow, Nauchnyi mir, 2005. 400 p. (rus.)
12. **Keno M.** Voskresenie i ikona. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii, 2001. 280 p. (rus.)
13. **Onash K., Shniper A.** Ikony. Chudo dukhovnogo preobrazheniia. Moscow, Interbuk-biznes, 2001. 302 p. (rus.)
14. **Evdokimov P.** Iskusstvo ikony. Bogoslovie kratoty. Klin, Khristianskaia zhizn', 2005. 384 p. (rus.)
15. **Dionisii Areopagit.** Korpus sochinenii. S prilozheniem tolkovanii prepodobnogo Maksima Ispovednika. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2006. 464 p. (rus.)
16. **Arrants M.** Izbrannye sochineniia po liturgike. Vol. 5. Vvedenie v tainstva Vizantiiskoi traditsii. Moscow, Izdatel'stvo Instituta filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. 568 p. (rus.)
17. **Sedov V.I.V.** Kilise Dzhami: Stolichnaia arkhitektura Vizantii. Moscow, Indrik, 2008. 336 p. (rus.)
18. **Nekrasova M.A.** Problema ansambliia v dekorativnom iskusstve. *Iskusstvo ansambliia: Khudozhestvennyi predmet*. *Inter'er. Arkhitektura. Sreda*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, 1988. Pp. 13–42. (rus.)
19. **Murian I.F.** K probleme sinteza v iskusstve stran Azii. *Sintez v iskusstve stran Azii*. Moscow, Nauka, 1993. Pp. 9–23. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ФЕДОТОВА Римма Александровна – старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; кандидат искусствоведения.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
rimma.fedotova@gmail.com

FEDOTOVA Rimma A. – St. Petersburg State Polytechnical University.

Politekhnikeskaya str., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
rimma.fedotova@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

1 октября 2013 года ушел из жизни ветеран Великой Отечественной войны, кандидат технических наук, профессор кафедры «Технология машиностроения» Института металлургии, машиностроения и транспорта Санкт-Петербургского государственного политехнического университета **СМИРНОВ Александр Алексеевич**.

Александр Алексеевич родился в деревне Калинино Костромской области 4 декабря 1920 года. После окончания школы в 1938 году он поступил в Ленинградский индустриальный институт, но учебе помешала война. В июле 1941 года Александр Алексеевич добровольцем вступил в 56-й истребительный батальон. Был снайпером в «роте политехников» на Ленинградском фронте. Непосредственно участвовал в боях за освобождение нашего города от вражеской блокады. Закончил войну в пограничных войсках. Заслуги Смирнова Александра Алексеевича отмечены высокими наградами: орденом Отечественной войны II степени и 13 медалями, в том числе медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации Александр Алексеевич вернулся в институт и после его окончания всю жизнь работал на кафедре «Технология машиностроения» механико-машиностроительного факультета ЛПИ, пройдя путь от ассистента до профессора. Награжден медалью «За трудовое отличие».

Александр Алексеевич всегда занимал активную жизненную позицию: на протяжении многих лет он был членом городского и председателем вузовского Совета

ветеранов Великой Отечественной войны, много сил отдавал патриотическому воспитанию молодого поколения – хотел, чтобы студенты узнавали правду о той войне, которую он прошел от начала и до Победы. Александр Алексеевич был человеком неравнодушным, доброжелательным, всегда готовым поддержать и помочь, он любил жизнь и людей.

Светлая память об Александре Алексеевиче Смирнове навсегда сохранится в сердцах его коллег и учеников.

**Совет ветеранов Великой
Отечественной войны СПбГПУ**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 4 (184) 2013

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р техн. наук, профессор *В.Н. Козлов* – председатель редакционной коллегии
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – ответственный секретарь
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 24.12.2013. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru